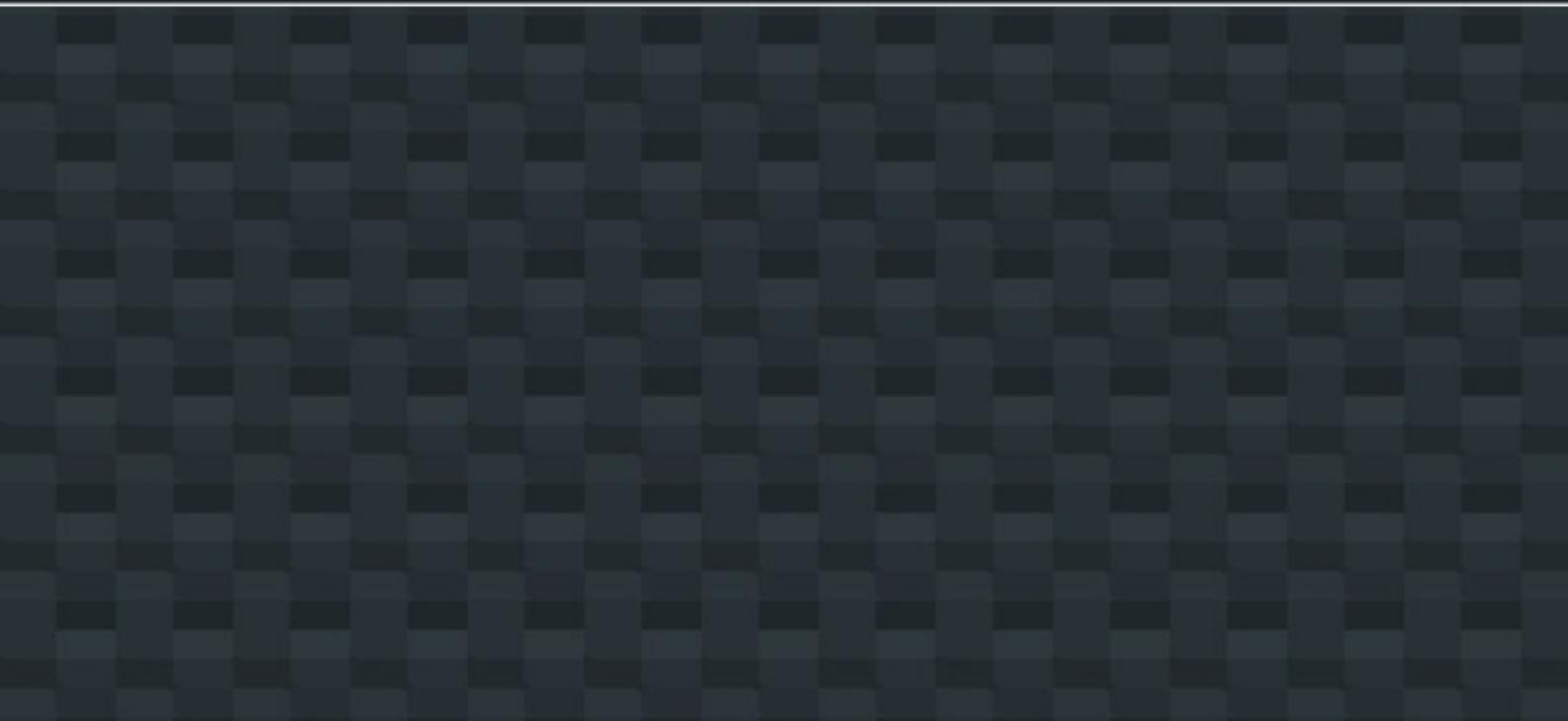

Валентина Болгова

*Багульника
манящие
цветы*

1 том

Валентина Болгова

Багульника манящие цветы. 1 том

«Издательские решения»

Болгова В.

Багульника манящие цветы. 1 том / В. Болгова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853505-5

Молодая семья отправляется на Всесоюзную стройку БАМа. В Забайкальском крае судьба им уготовила строительство Северомуйского тоннеля. Устоят ли перед трудностями Катерина и Павел Егоровы — герои романа? С ними едут и их дети. Вместе со своими родителями они будут топтать таежные тропинки необжитого края...

ISBN 978-5-44-853505-5

© Болгова В.

© Издательские решения

Содержание

Багульника манящие цветы	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	48
Глава 5	56
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Багульника манящие цветы

1 том

Валентина Болгова

© Валентина Болгова, 2017

ISBN 978-5-4485-3505-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Багульника манящие цветы
КНИГА 1
ВАЛЕНТИНА БОЛГОВА

*Мужу Владимиру, его друзьям
И всем, кто участвовал в
Строительстве Северомуйского тоннеля,*

ПОСВЯЩАЮ

Глава 1

Скорый поезд Москва – Владивосток своими красными вагонами завораживал и манил вдаль далёкую пятилетнего Лёньку.

Скоро, совсем скоро, он вместе с мамой и младшей сестрёнкой Танюшкой, поедут в этом самом поезде, в вагоне №5.

Поедут к отцу на БАМ, на важную стройку страны – Байкало – Амурскую магистраль, где строятся железные дороги, мосты и тоннели для поездов.

Лёнька мало себе представлял эту стройку. Сердце мальчишки билось радостно и взволнованно от другого; скоро он будет сидеть в своём купе у самого окошка и, уткнувшись в него лбом, смотреть и смотреть на мелькающие за окном вагона машины, дома и реки. Он будет ехать целых четыре дня, почти неделю жить в этом поезде.

Но самого главного Лёнька ещё не знал. Не знал он, что этот самый поезд, с красными вагончиками умчит его надолго от любимой бабушки, от любимых игрушек и друзей в трудную, но всё – же увлекательную жизнь. Узнает мальчишка и морозы ниже сорока градусов и большие снега выше колен. Он будет топтать свои новые тропинки в таёжном посёлке между бараками, и повзрослеть ему придётся раньше, потому, что будет он и мамой и нянькой для маленькой сестрёнки Танюшки. Детских садов там ещё нет, а родителям придётся работать много, очень много. Но зато и новые знакомства с ребятнёй со всей страны Лёньке будут обеспечены, и друзей у него будет множество.

Пока он этого не знал. Лёнька живёт настоящим. Вот он ходит по Ярославскому вокзалу, как полноправный пассажир поезда дальнего следования. У него, как и у взрослых есть свой билет. У мамы билет зелёный, а у него, Лёньки, розовый. Ничего, что детский, зато и место у него есть и можно вполне этим гордиться. Недавно ему исполнилось пять лет. Лёнька уже большой.

Бабушка Маша в день рождения внука произнесла:

– Он у нас совсем взрослый и имеет полное право занимать своё место в вагоне. —

Она смахнула слезу, поцеловала любимого внука в его светлую макушку и полезла в сумочку доставать деньги для Лёнькиного билета. Лёнька просиял – Ура! У него тоже будет билет. У Танюшки билета не было. Она и ходить – то недавно научилась. Она без мамы никуда. И поэтому будет вместе с мамой ехать на нижней полке, а он, Лёнька, на верхней.

Вдохнув полной грудью вокзальный воздух, он снова стал оглядывать длинный состав поезда, который уже стоял и ждал пассажиров. Окошечки с чистыми шторочками притягивали к себе Лёньку.

Особенно он гордился названием поезда. На каждом вагоне сверху было красиво и крупно написано – «Россия». Гордость переполняло маленькое сердечко мальчишки.

– «Россия» – вслух прочитал Лёнька, утверждая каждую букву, и сердце наполнилось радостью до слёз. Этот самый красивый поезд помчит его через всю Россию – матушку. Через поля и реки, большие и малые города, через холмы и равнины.

Лёнька ещё раз оглядел весь состав, и со щемящим детским чувством вспомнил вдруг свой дом, двор, где совсем недавно жил. Он уезжает, поедет в новую жизнь, а друзья – Антон и Стёпка остаются. Увидит ли он их когда?

Лёнька сунул руки в карманы новых вельветовых брюк – подарок бабы Маши и достал небольшое увеличительное стёклышко. Они поменялись со Стёпкой перед отъездом. Лёнька давно мечтал иметь при себе такое увеличительное стекло, которое теперь холодной выпуклостью линз гладило его ладошку. Стёпке нравился Лёнькин калейдоскоп. Когда он приходил к Лёньке в гости, то всегда крутил его, смотрел в дырочку и всё время вслух восхищался перемещением разноцветных камушков внутри. Лёньке самому нравилось это волшебство,

но калейдоскоп большой – в карман не сунешь, и мальчишки решили обменяться на память своими вещичками. А Антон вовсе такое придумал, что Лёнька ни за что не догадался бы до такого – у Антона был магнит, как подкова, одна половина красная, другая синяя. Тяжёлый, холодный он оттягивал его карман, но Антон никогда с ним не расставался. Даже в детский сад с ним ходил. Притягивал им гвозди, бил орехи, цеплял всех ребят за пуговицы, если те были железными. Лёнькин отец обещал с работы принести такой же магнит, но всё как – то не получалось. А теперь вовсе уехал на БАМ. Вот уже шесть месяцев там работает. Недавно вызов им с матерью прислал и ждёт Лёньку впереди другая жизнь. Антон расколол тот магнит на две части и одну, синюю её часть, отдал Лёньке, ничего не попросив взамен, просто так подарил, на память.

Собираясь в дальнюю дорогу, Лёнька собрал все самые свои любимые игрушки. Получился солидный багаж.

В дорожную его сумку уместились солдатики и машинки, игра в баскетбол в коробке, мячики и кубики, книжки и пластилин.

Мама, увидев его багаж, ужаснулась, и всё содержимое тут же вывалилось на пол. Она разрешила сыну взять только самое необходимое.

Он сидел над горой своих игрушек и с сожалением смотрел на них. Лёньке нужно было сразу всё или ничего. Но всё – же он взял одного солдатика, которого часто носил с собой в кармане, выбрал книжку с картинками и маленький пистолетик. Остальное всё сложил обратно в коробку и, вздохнув, затолкал её в кладовку с остальными игрушками.

Если бы Лёнька знал, что не увидит это своё богатство теперь очень и очень долго, он бы не торопился, а попрощался бы с каждой вещичкой, с каждой игрушкой, недоигранной и любимой. Но Лёнька, закрыв кладовку, побежал собираться в дорогу. Радость дальнего путешествия переполняло его сердце. А баба Маша чувствовала, что провожает дочь с внуками надолго, далеко и совсем непонятно куда. Одно слово – БАМ, где – то от Байкала до Амура раскинулся по Сибирской тайге.

Прячет Мария Леонидовна мокрые глаза и свои тревоги – волнения. Не хочет расстраивать дочь. Но Катерина всё видит и чувствует, как переживает за неё мать. Вида тоже не подаёт. Щемит её сердце. Понимает она, как не нравится её маме этот отъезд на БАМ. Хоть и жила мать Кати последнее время в Германии, всё же очень часто приезжала к ним в Москву. Вот и теперь, она с младшей дочерью Верочкой приехала их проводить. Приехали поздравить Леонида с днём рождения, ему недавно исполнилось пять лет. Туда, куда теперь отправляется Катерина, навряд ли Мария Леонидовна сможет поехать, что – бы их навестить. Не для неё неизведанные места и таёжные походы. Не манит её случайная встреча в лесу с медведем, пусть даже и добрым. И никакой радости она не будет испытывать, продираясь по валежнику.

Помнит она, как по приезду на Урал муж Илья водил её знакомиться с тайгой. Забрались в такую чащу, что думала, никогда не выберутся оттуда. Маша нервничала, волновалась, а Илюша смеялся и пытался ей в рот положить очередную порцию душистой малины, которая росла почти за их бараками.

Это уже потом, через несколько лет вырос их Уральский шахтёрский городок, а сначала топь, да бездорожье, строительство шахт и домов. Всё это она пережила, не хотелось бы ей, что бы её Катюшка начинала заново строить свою жизнь, строить свой город.

Нет, не любитель она новых перемен и путешествий. Вот и болела её душа о дочери – ведь там, куда она отправляется – сплошная тайга. И как можно там жить с детьми, если кругом лес!

Катерина понимала мамино состояние души, но выбор она уже сделала – она едет к своему мужу, что бы вместе с ним влиться в отряд бамовцев. Там уже всю кипит работа, а она всё ещё здесь.

– Прости, мама, прости, – твердила про себя Катя, чувствуя на себе мамин взгляд, полный любви и нежности.

И хоть Мария Леонидовна не подавала вида своих переживаний, Катерина понимала, что она сейчас испытывает большое волнение и тревогу за неё.

В какую – то минуту хотелось выкрикнуть —

– Всё! Никуда не едем! Остаёмся. Будем считать это шуткой. Но колесо уже закружилось, билеты в кармане, вещи упакованы, муж, как полгода один без семьи в далёком таёжном посёлке, Лёнька мотается туда – сюда по комнате – не знает, куда деть себя от радости. Только маленькая Таточка спокойно улыбается бабушкиными ямочками на щёчках и следит за перемещениями брата. Ей одинаково хорошо – ехать куда, или не ехать. Ей главное, чтобы мама была рядом.

Мария Леонидовна подошла к внучке, взяла её на руки, проглотила ком в горле, взяла себя в руки, сказала —

– Поезжайте, доченька, раз надумали. Страшновато конечно бросать всё благоустройство и ехать с малыми детьми в неизведанную глушь, да знаю, что пятиться, назад не станешь. Обещай только Катерина, что если там что – то не так, то сразу же вернётесь назад. Ну а я за вас молиться буду. Поезжайте. Вон сколько народа едет на этот БАМ. Посмотрите мир.

Ей, не смотря на свою тревогу за дочь, хотелось всё же поддержать её. Её дочери предстоят большие перемены на новом месте. Не стоит её расстраивать. Там люди, не пропадёт её Катюшка. Не пропадёт, быстро привыкнет к новым местам. Да и Павел её уже заждался там.

И захотелось Марии Леонидовне свою дочь поддержать, сказать добрые, ласковые слова. Она бодро произнесла:

– Знаешь, дочка, ты по – другому и не смогла – бы. Точно так поступил бы и твой отец. Первым откликнулся бы на призыв своей страны. А раз ты его частичка, делай так, как подсказывает твоё сердце. Поезжай, ведь кто – то должен быть там, где требует время. Не маленькая ты уже у меня, сама разберёшься на месте – что к чему. Сама примешь решение. По твоей прихоти и твоей воли отправился на Бам Паша, поэтому ехать тебе к нему нужно обязательно.

– Вот, вот – обрадовалась Катерина.

– Мне необходимо быть с ним, необходимо ехать к нему. Я не имею права оставлять там мужа одного, ведь это моя идея – отправиться на стройку. А если нас там что – то не устроит, так мы сразу же назад вернёмся. Мы будем писать вам обо всём. Да и Павел как же там без нас? Ты же знаешь, как он нас любит! И потом – вы же всё равно скоро уедете в Германию, всё равно мы с вами пока не вместе. Вы живите там вместе с дядей Антоном, тем более его мама сейчас больна и вы ей с Верочкой нужны. А мы в это время будем строить свой БАМ. Лёнька уже которую ночь не спит – не терпится ему поскорее сесть в поезд. Обещаю, что обязательно приеду к вам вместе с Павлом и детьми, как только сможем – Верочка тут же стала возмущаться: —

– Твоего Пашку ещё никто и не приглашал. Пусть торчит там на своём БАМе, больно – то он нам нужен! —

– Верочка! Опомнись! Что ты говоришь! Паша отец моих внуков! Когда ты, наконец – то это поймёшь! Всё, девочки, давайте не будем ссориться перед дальней дорогой. Когда ещё увидимся? —

Мария Леонидовна смотрела на старшую дочку, и своим материнским благословением желала ей удачи.

Но сердце её плакало. Её Катя могла бы выбрать другую дорогу для себя и Павла. Может, зря отправила она своего мужа в далёкий сибирский край? Все стремятся туда, где лучше, её же Катерина всегда ищет приключения и другим не даёт покоя. Она вздохнула. Ничего уже не изменить —

– Хоть бы Таточку пока не увозила. Как там будет малышке, в той тайге? Пусть бы с нами в Германии пока пожила. Мы же ей не чужие! Там столько нянек! Ей было бы хорошо с нами. —

проговорила Мария Леонидовна. Но посмотрев на дочь – поняла, что зря это сказала, знала, что Катерина без дочурки и дня не прожила – бы.

Она прижала к себе внучку. Подбежал Лёнька, увидев на руках своей бабушки Танюшку, стал оттеснять сестрёнку от бабы Маши. Уже через минуту он сидел у неё на коленях.

Лёнька ревновал свою бабушку буквально ко всем: к маме, к её сестре Веруне, к Танюшке и даже к коту Арсению, которого теперь отдали соседям.

Лёнька, сколько себя помнит – всегда его бабуля была рядом. Скучал по ней, когда она была в Германии, и считал дни, когда она должна была приехать. Бабушка, приезжая из Германии, всё своё время старалась проводить с внуком – компенсировала разобщённость с ним. Она читала ему книжки, ходила с ним на мультики в кинотеатр, варила манную кашу, лепила любимые Лёнькины пельмени и компот. Дуя на его ссадины и болячки, прижимая его к своей груди, всегда говорила одно и то же —

– Ты мой единственный, ты моя радость, ты мой помощник, ты моя гордость, моя неразменная монетка. —

Смысл неразменной монетки мальчишка не понимал, но бабушкины слова Лёнька повторил бы даже ночью, если бы его разбудили. Лёнька терпеть может всё, кроме посягательства кого – либо на его бабу Машу. Она его. Только его и ничья больше.

Любимое Лёнькино место занято им прочно и маленькой Таточке на бабушкины колени теперь ни с какой стороны не пробраться – брат не оставил ни одной лазейки, ни одной щёлочки.

Зажатая в объятьях внука, Мария Леонидовна смеясь, приговаривает:

– Да твоя я, твоя, только не задуши, сорванец. и Лёнька, убедив всех, что баба Маша принадлежит только ему, вновь убежал собираться в дорогу.

На вокзал Мария Леонидовна не поехала – неважно себя чувствовала, пила какие – то лекарства и Верочка кое – как уговорила её остаться дома.

Простившись с внуками и старшей дочерью, Мария Леонидовна осталась одна в пустой московской квартире.

Катина младшая сестра, боевого, крутого нрава, любящая сестру и племянников, переставляя от волнения с места на место чемоданы в здании вокзала, ворчала на сестру, как старая бабка

– И охота тебе, Катька, ехать туда, куда сама не знаешь? Прёшься, непонятно куда, и ещё детей за собой сопливых тащишь.

С самого детства они были неразлучны, за исключением последних лет. Катерина улыбнулась, глядя на ворчливую сестрёнку:

– Я же к мужу еду, Веруня. Он скучает без нас. Я не могу по – другому. —

Верочка бурчала, не скрывая неприязнь к её мужу.

– Это всё он, Пашка, надумал уехать и вас забрать. Я его ненавижу! – и, заплакав, обняла сестру. Успокаивая её, Катерина с любовью смотрела на младшую сестрёнку, торопилась ей напомнить, что это она сама уже давно мечтала побывать на Байкале, увидеть своими глазами места, по которым когда – то ходил их отец.

Эти слова Веруню нисколько не утешали. Она понимала, что расстаются с сестрой надолго.

Объявили посадку на скорый Москва – Владивосток.

Пятый вагон принимал пассажиров. Катерина с детьми, и провожающая их Веруня, благополучно разместились с вещами в купе. Таточку раздели, и она в байковом цветастом платье смиренно сидела на нижней полке, наблюдала за братом, который сновал то к окошку, то к дверям купе, выглядывая в длинный коридор вагона, приветствуя каждого пассажира с багажом.

Лёньку переполняло чувство настоящего путешественника. Что – же там впереди? Что новое и неизведанное ждёт его? Он суетился по купе, пока не получил от матери лёгкую любовную затрещину.

Катерина прощалась с сестрой, а та в который раз объясняла, какие продукты, в каком месте находятся. Мария Леонидовна трепетно, с любовью, вперемежку с горестными чувствами, жарила, и пекла в дорогу еду для Кати и внуков.

Затрещину от матери Лёнька и не заметил. Это было таким пустяком по сравнению с тем, что он испытывает сейчас. Скоро он залезет на верхнюю полку, и будет любоваться мелькающими пейзажами за окном вагона. Пока достал солдатику поиграть, но не игралось. Уткнувшись лбом в окошко, стал рассматривать проходящих мимо людей. Некоторые стояли у вагона, вглядываясь в окно и высматривая своих близких, утирали платочком глаза.

Объявили отправление. Верочка и Лёнькина мама засуетились, стали целоваться. И хотя Лёнька не любил таких сентиментальностей, сейчас он крепко обнял тётю Веру, поцеловал, как подобает всем отъезжающим и тут ему взгрустнулось. Он увидел исчезающую в проходе вагона мамину сестру, увидел слёзы в маминых глазах и в его глазах тоже защипало. Поезд тронулся. Лёнькино сердце тут – же отозвалось на первый стук колёс, которые набирая скорость, увозили его с мамой и сестрёнкой в новую жизнь. Они махали и махали руками Веруне, которая, уже не вытирая слёз, бежала и бежала за их вагоном.

Затем за окном быстро замелькали лица провожающих и вскоре все остались позади.

Дальше ехали как – то молча и грустно. Лёнька не ожидал, что радовавший ранее отъезд, вызовет щемящую тоску на сердце. Он, покачиваясь в такт поезда, набирающего скорость, задумался о бабушке и Веруне, о друзьях и об оставшихся игрушках. Вспомнил большую игрушечную лошадку с педалями, которую вынесли на балкон. Её Лёньке подарила баба Маша. Сейчас он жалеет о том, что мало на ней катался. Стоит теперь эта лошадка на балконе и очень, наверное, скучает.

Хотел Лёнька заплакать – так ему захотелось домой, к своим друзьям, которые теперь будут делать всё без него. Вон и мама, сидит, молча, уставившись в одну точку, поглаживая Танюшкины волосы, в глазах грусть. Думает, наверное, о бабушке.

Первые слезинки увлажнили глаза мальчика, но ни одна не успела упасть. Лёнька сумел вовремя остановить эту предательскую мокроту.

В это время открылась дверь купе и появилась проводница. Окинув весёлым взглядом своих притихших пассажиров, улыбнувшись, попросила вежливо их билеты. Лёнька, как по команде, двумя руками мгновенно нажал на щемящие глаза и куда подевались грусть и водная стихия. Танюшка молодец. Сидит и играет с куклой. Полное спокойствие имеет. Мама тоже взбодрилась, полезла в сумочку билеты доставать. Весёлая проводница спросила —

– Это куда же народ в феврале месяце собрался? – Она посмотрела на Танюшку, и оба друг дружке улыбнулись. Лёнька гордо ответил за всех.

– Мы на БАМ едем, к папе. Он уже там с осени, и теперь мы к нему едем. Потом добавил:

– У меня тоже билет есть.

– А как же! – ты уже большой. Значит на БАМ? Многие сейчас туда едут. Запоминающимся был рейс, когда первый десант перевозила – молодой, задорный, комсомольский народ. Всю дорогу песни под гитару, смех. Такие все были счастливые, весёлые. Хорошая у нас молодёжь, замечательная, не боялись от маминых юбок оторваться парни и девушки – откликнулись на зов Родины. Не сомневаюсь я, что всё у них получится. БАМ – дело нужное, я бы тоже укатила с вами, да кто же будет заботиться о вас в дороге? —

Проводница посмотрела на Лёньку —

– Не прозевай Байкал, путешественник. Хоть и замёрз он сейчас, да ничего – на него стоит посмотреть и зимой. А вообще – то до него ещё не скоро.

После этих слов, она подмигнула Лёньке и вышла.

За время пути они подружились: весёлая, добрая проводница Тамара и общительный парнишка с большими, синими, словно озеро Байкал, глазами.

Лёнька помогал разносить ей чай, собирать за него деньги, помогал пылесосить дорожку в длинном коридоре. После этих дел общительного мальчугана тётя Тамара угощала чаем в своём купе. Они болтали обо всём. И так, как Леонид был мастером присочинить к своим рассказам что – либо, то тётя Тамара, то хохотала до слёз, то плакала.

Лёнька возвращался в своё купе с сахаром, с чаем и угощал маму с сестрёнкой. Он помнил наказ отца, что – бы он был мужчиной за время его отсутствия и помогал маме и сестре. Теперь Лёнька в полной мере может это доказать. Катерина не удивлялась заботливостью сына.

Леонид был с раннего детства вежливым и чутким. Обидеть никого не мог. Если в детском саду его обижали, он не убегал, а смело стоял перед обидчиком, снова ожидая удара. Мог бы убежать, или дать отпор, но он стоял, не покидая место боя, глядя противнику прямо в глаза. На бесконечные упрёки отца —

– Почему не даёшь сдачи? – маленький Лёня отвечал —

– Но ведь ему будет больно! Этим всё и кончалось.

На песни жалостливые тоже отзывалось Лёнькино сердце, да так, что он мог потихоньку плакать. И будучи, ещё маленьким, почему то – стыдился своих слёз и всегда пытался их прятать. Но мама замечала. Она любила Лёнькины большие синие глаза и восхищалась ими. Очень этим гордилась – ведь это её сын, её Лёнька, и получился он у неё очень даже симпатичным.

Теперь её создание мельтешило то по купе, то по коридору. Таточка увязывалась за ним.

Дети рады были поездке.

Под стук колёс, после Лёнькиного чая сердце Катерины постепенно отошло от тоски, и она стала представлять встречу с Павлом.

Вера, проводив сестру на далёкий БАМ, шла, опустошённая по суетной Москве. Шла медленно, не обращая внимания на то, что её то и дело задевали прохожие, спешившие кто – куда по своим делам. Тоска по сестре и племянникам засела у неё на сердце и давила грудь.

Хоть и была Верочка младше Катерины, но всегда ревностно старалась оградить свою сестричку от всех невзгод. Следила за тем, чтобы её никто и нигде не обидел. А если что – кидалась в её защиту. Наверное, передалось это свойство опекунов ей ещё в детстве от старшей сестры. И теперь, окрепшая и повзрослевшая, взялась её везде защищать. Ревностно она наблюдала за каждым шагом своей сестры. Особенно когда Катерина вышла замуж.

Первое время молодые жили на Урале, вместе с Верочкой и Марией Леонидовной. Долго присматривалась придирчиво и недоверчиво к Катиному мужу Веруня.

Однажды ей показалось, что он что – то ляпнул не то и обидел этим Катерину. Верочка, не выяснив причины поведения Павла, кричала, чтобы тот убирался вон из их дома и уезжал в свою деревню. Началась потасовка. Миротворивший Пашка, ранее не принимавший близко к сердцу дерзости девчонки, на этот раз не выдержал её упрёков в свой адрес и погнался за ней. Кричал, что её совсем разбаловали и ему придётся взяться за её воспитание. И впервые кинул в неё подушкой. Верочка этого только и ждала. Эту же подушку швырнула в Павла. Их потасовка закончилась разбитой люстрой в спальне и летающими по комнате перьями. Прибежавшая на скандал Мария Леонидовна, ужаснулась – в комнате всё перевёрнуто, люстра качается, вот, вот сорвётся с крючка. Посмотрев с упрёком на младшую дочь, понимая, что зачинщицей ссоры стала именно она, произнесла —

– Верочка, неужели тебе нечем заняться? Зачем лезешь к молодой семье? Сейчас же иди в свою комнату и найди для себя полезное занятие! – Выходя из комнаты сестры, Веруня оглянулась, переводя дыхание, всё же бросила:

– Узнаю, если обижаешь мою Катю – сама лично куплю тебе билет в твой колхоз. Ишь, ты! Деревня – а туда же! —

Верочка этим очень сильно обижала Павла. Он переживал от таких её слов.

Теперь, проводив сестру с племянниками, Веруня злилась сейчас именно на Павла, хотя и знала, что этот отъезд устроила Катерина. Но неужели он не смог её остановить? Всё – таки он мужчина! Запретил бы ехать – и точка! А теперь её сестра с детьми будет жить в палатке или бараке, где нет ни тепла, ни воды. Возможно, и света нет, а в большой московской квартире будет тишина. Совсем недавно её получили – шикарная, просторная квартира со всеми удобствами.

– Тыфу ты, Господи!, тяжело вздохнула она. Как ей захотелось поехать туда, на **БАМ** вместе со своей сестрой, посмотреть всё своими глазами, убедиться в том, что Катерина и племянники хорошо устроились. Но это невозможно, сейчас она на практике, учится на медсестру. Да и мать не выдержит сразу двух отъезжающих. Верочка торопилась к маме – как там она сейчас одна? Завтра они поедут в Германию, к дяде Антону, который всё же несколько лет назад уговорил маму переехать жить к нему.

Верочка в Германии прижилась сразу. Быстро нашла общий язык с отчимом, с его сыном Фредом. Старенькая мама Антона приняла будущую супругу своего сына и её дочь с радостью и с надеждой на их семейное счастье. Верочка же жалела, что её сестра отказалась с ними ехать. За эти пять лет без особого труда Веруня освоила немецкий язык и уже довольно сносно разговаривала с новыми своими немецкими подругами и друзьями.

Сюда, в Москву, Верочка с мамой приезжали поздравить Леонида с днём рождения, а заодно и проводить Катю с детьми на БАМ.

Никак не может она смириться с тем, что её сестра захотела поменять городскую жизнь на таёжные тропы. Не хочет видеть она свою сестру в рабочей спецовке в шахте. Не желает видеть её с деревенским мужчиной, каким являлся Павел. С какой бы радостью приняла бы она известие о том, что возле её Катерины находится образованный, красивый и элегантный мужчина, как Фрэд, сын дяди Антона. И, между прочим, он не смотря ни на что, до сих пор любит Катю.

Ещё тогда, когда впервые приехали в Германию, Верочка заметила, как понравилась её сестра немецкому мальчику, как быстро нашли они между собой общий язык.

Потом они переписывались, и Верочке всегда казалось, что её Катерина обязательно выйдет замуж за Фреда. Да только этого не случилось. У Фреда же, сколько раз была возможность жениться, но как только дело доходило до свадьбы, он возвращался к мыслям о том, что любит девушку из России и ничего не мог с собой поделать. Рассчитывать на то, что Катя когда – нибудь будет с ним рядом, Фрэд не мог, но где – то в самом отдалённом местечке своего сердца таил надежду на их встречу.

Сейчас у Кати семья и муж, не может он думать о невозможном, но всё же, вопреки своему разуму, лелеял надежду на встречу с Катериной. В жизни случается всякое и он готов подождать свою любовь, пусть даже и несбыточную.

Эти свои сердечные тайны Фрэд доверял теперь Катиной сестрёнке. Они настолько сдружились, что все свои секреты доверяли друг другу. Признался он Верочке, что чувства к её сестре у него настолько большие и настоящие, что уже это нельзя ничем искоренить. Не в его уже власти забыть девушку, которая далеко от него и за другим уже замужем.

Вера только сожалела об этом, но помочь парню ничем не могла. Теперь вот и вовсе её сестра отправилась строить БАМ. Как будто без неё страна бы не справилась! Да что теперь об этом говорить? Скоро встретит её муж и начнётся у них другая жизнь на новом месте. Тесно Катерине было в роскошной московской квартире – подавай ей сибирские просторы. И нисколько даже о матери своей не подумала. Переживает она. Волнуется за внуков – как им там будет в необжитой тайге? Старшая её дочь Москву оставила, в Германию не поехала, где могла бы жить по – человечески в огромном особняке вместе с родной матерью и сестрой, а отправилась в лесную глушь! Какую смелость нужно иметь и мужество, что – бы с собой

в неизведанный край тащить за собой ещё и малолетних своих детей! Нет, никогда не понять Веруне и её матери бредовых Катиных идей!

Мария Леонидовна долго сидела, не шевелясь, среди разбросанных вещей. Тишина. Гнетущая тишина давила на уши и ничего не давала соображать. Казалось, что остановились часы. Неделя, которую она здесь прожила, пролетела незаметно.

На днях они отметили внуку день рождения. Пять лет исполнилось Леониду. Мальчику бы самое время готовиться к школе, заниматься в како – нибудь кружке, а его увезли бегать по необжитому краю, где и школы пока нет, как писал Павел, так же, как и детского садика.

Очень болела душа у Марии Леонидовны за свою Катерину, за внуков. Пустая детская кровать Таточки, оставленная теперь за ненадобностью лошадка, купленная ею, бабушкой, на день рождения Лёньке: всё это тоской давило на грудь. На лошадке её внук совсем мало покатался, придётся отнести её на балкон. Она подошла к этой лошадке, которой внук совсем недавно так был рад —

– Ну что, осиротела? Стоишь без дела, а хозяин твой, предвкушая перемены, осваивает купе вагона. Нужно будет отнести тебя на балкон, когда теперь наш Лёня вернётся? Может статься так, что и мала ты будешь для него. Вырастет он, и ничего с этим не поделаешь! —

Всё это навевало у Марии Леонидовны щемящую грусть. Сейчас придёт Верочка, и ей станет легче справиться со своими грустными мыслями.

Провожать на вокзал дочь с внуками Маша не решилась – боялась, что не сдержится и даст волю слезам, боялась, что не совсем здоровое её сердце, разболится, а им нужно ещё ехать в Германию. Да и с Верой было спорить бесполезно – знала, как дочь переживает за неё.

Теперь Мария Леонидовна жалела, что не поехала на вокзал проводить старшую дочь. Остаться одной в пустой квартире оказалось ещё тяжелее. Ведь понимала она, что Катя поехала к мужу, что так и должно быть, но материнское её сердце тосковало, и она ничего не могла с собой поделать.

Пересилив себя, она встала, что – бы совсем не раскиснуть. Подняла валявшийся на полу пистолетик, забытый Лёнькой, и не выдержала – заплакала.

Она вспомнила вдруг эту гнетущую тишину.

Случилось это давно, когда Верочка только родилась, а Катюшке было шесть лет. Весёлым и общительным был их отец, а её муж – Илья. Он был душой компании, всегда находил себе работу и не сидел на месте. Может и сейчас был бы жив, если бы во время аварии на шахте не полез первым на разборку завала. Так там и остался.

Муж Марии Леонидовны был геологом, в своей дочке хотел видеть парнишку, чтобы вместе ходить в походы, на рыбалку, и уже с самого её рождения учил плавать и закаляться. Жена не разделяла с ним это его увлечение, а он, опуская в воду малышку с головой, весело произносил: – В здоровом теле – здоровый дух.

Вскоре вся прихожая была переоборудована в спортивный зал со снарядами. Возвращаясь с геологической партией из командировки, Илья с большим вдохновением занимался с дочкой, приучая её к этим снарядам, приучая к спорту.

Маленькая Катюшка уже в три года висела вниз головой на перекладине, раскачивалась на кольцах и уверенно карабкалась по шведской лестнице вверх – вниз, словно обезьянка. Мария Леонидовна не мешала им, но материнское сердце всегда вздрагивало при каждом занятии дочери на спортивных снарядах.

Малышке нравилось, когда ветер развивал её светлые кудряшки, щекотал щёки и лоб при раскачивании на кольцах. Не плакала даже тогда, когда шлёпалась вниз, случайно соскользнув с того или иного снаряда. Округлив удивлённо большие глаза, малышка, тщательно отряхивая ладошку о ладошку, снова бежала к своим спортивным сооружениям.

Илья не мог нарадоваться успехам и смелости своей дочки. Летом брал её с собой за город, учил разводить костры, зимой учил кататься на лыжах с Уральских гор.

В пять лет Илья рискнул взять дочь в поход на байдарке по горной речке.

Катерина отца не подвела – вполне справилась с этим заданием. А дома она с восхищением рассказывала маме, что ничего интереснее она в своей жизни не видела —

– Представляешь, мамочка! – восклицала Катерина.

– Нашу байдарку так несло по течению, что я не успевала разглядывать берега. Могли сто раз перевернуться, но мы ни разу не перевернулись, потому что папа правильно всё делал. Потом мы искали и находили разные красивые камушки! Завтра я о походе расскажу ребятам в детском саду.

Мария Леонидовна с испугом смотрела на улыбающегося мужа и умоляла больше этого не делать.

Но у отца с дочерью были уже свои планы. Катюшкин рюкзачок висел рядышком с отцовским в маленьком чуланчике, и девочка гордилась этим.

В детском саду Катерина была первой выдумщицей всяческих игр и затей. Она никогда не болела, так как закалялась вместе с отцом на даче летом и зимой в квартире. Катюшка бегала босиком, обливалась холодной водой и была весёлой хохотушкой, поднимала настроение каждому. Мария Леонидовна, наблюдая за тем, как любит Илюша возиться с дочерью, облачая её в мальчишечьи брюки и кепки, однажды заявила —

– Давай – ка, милый, я тебе рожу сына, будешь из него делать чемпиона, а девочку оставь в покое. Отдадим её в музыкальную школу или на танцы. – на что Илья ответил —

– Сын – это не плохо, но из дочки я тоже хочу вырастить настоящую спортсменку. Я уверен, что у неё это получится. А главное, что она будет иметь силу характера, здоровье, сможет за себя и за других постоять.

Мария Леонидовна своих слов на ветер не бросила – и через год родила. Только не сына, как обещала, а снова дочку. Вернувшись из роддома, положив малышку на кровать, сказала —

– Ну, вот эта будет моей. И из неё, мой дорогой, я тебе не дам делать спортсменку. Хватит тебе одной. Илья, наклонившись над крошечной дочкой —

– Она у нас просто принцесса! Ладно, выращивай из неё балерину или пианистку. —

Катюшка удивлённо и внимательно рассматривала новорождённую сестру, такую маленькую, словно кукла.

Малышка смешно надула щёчки и стала пускать из ротика пузыри. Катерина засмеялась —

– Какая она маленькая! Пока вырастет, я уже старушкой буду. – теперь засмеялись и Илья с Машей. —

– Да, пусть пока Верочка подрастает, а у нас с тобой впереди много дел. Ждут нас с тобой впереди походы и олимпийские игры.

Илья обещал своей старшей дочке, что когда – нибудь они обязательно отправятся в кругосветное путешествие.

Сбыться их совместным планам, увы, не удалось. Всё изменилось в одночасье – был человек – и нет его. Был отец у Катерины и у Верочки, а теперь нет.

В памяти Марии Леонидовны всплывает та чудесная весна, когда они были счастливы: она, Илюша и их маленькая первая дочка; Маша готовит из маленьких окуньков уху, пойманных Илюшей и Катюшкой, заваривает чай в походном котелке, поджидая своих неугомонных мужа и дочь. Оставив её один на один с костром и рыбой, те умчались к сопке. Маша ничего не успела им сказать, как они уже скрылись за кустами багульника, который разросся у подножия сопки. Илюши и Катерины не было долго. Уже и уха сварилась, и чай вскипел, а путешественники не возвращались.

Подбросив хворост в костёр, она отправилась в ту сторону, куда ушли её дочка и муж. У подножия сопки остановилась, услышала голос —

– Мама нас уже заждалась, а что бы она нас не ругала, мы ей нарвём букет. Мария заметила шевелящиеся кусты багульника, улыбнулась и, что – бы не спугнуть своих хитрецов, потопилась незаметно вернуться к костру. Услышала голос Ильи —

– Мама наша хорошая и цветы мы ей подарим не для того, что – бы подлизаться, а просто за то, что мы её очень любим. —

– Я с тобой согласна, подарим просто так. —

А вскоре муж и дочь подбежали к ней с букетом багульника, стали её обнимать и говорить наперебой о том, как они проголодались.

Вернулись домой они тогда усталые, но счастливые. Катюшка так набегалась по лесу и горам, что моментально уснула.

Илья и Маша долго ещё не ложились спать. Они сидели, обнявшись, на широком подоконнике кухонного окна и мечтали о своём будущем. Илюша, бросив свой взгляд на букетик багульника, вдруг сказал —

– Под нашими окнами посадим розы. Самые красивые и разные. И будут у тебя в вазе стоять не такой вот невзрачный букет, а роскошные, достойные тебя, цветы. – Маша даже спрыгнула с подоконника —

– Розы розами, но ты незаслуженно обидел сейчас багульник, Илья. Ведь он же первый вестник весны! После холодной зимы его нежные цветочки первыми радуют нас. Я преклоняюсь перед этим растением, ведь если его сломать зимой, бросить в воду, то обязательно оно расцветёт среди зимы, обернётся для тебя весной, словно в сказке. Знаешь, когда у меня что – то не получается, я вспоминаю именно его, стойкое и сильное растение, и мне оно во многом помогает.

– Надо же! – удивился Илья.

– А я, к своему стыду и не знал, что можно и нужно уважать эти серые веточки. Спасибо тебе за этот урок.

Он ещё раз, теперь уже повнимательней, присмотрелся к веточкам багульника —

– Да, с виду неказистое, но ты права – это растение достойно уважения!..

Жизнь. Хитрая и коварная штука – смотрит на тебя, смеётся вместе с тобой, а сама уже готовит тебе сюрприз. Без всякого предупреждения – ей, видите ли, так захотелось. А ты, хоть стой, хоть падай, но продолжай жить.

Всего месяц прошёл после этого их весеннего загородного похода и беседы на кухне о дальнейших планах. И если бы не старшая дочь – Катерина, Маше потерю мужа пришлось бы пережить намного труднее.

Она помнит до сих пор, как подыскивала слова для старшей дочери, чтобы та поняла внезапное исчезновение отца из её жизни. Зная о том, что Катюшка и Илья были, как одно целое, то не решилась взять дочь проводить отца в последний путь. Только спустя несколько дней она поехала с ней на кладбище. Нашли могилу Ильи. Без всяких замешательств Маша произнесла —

– Здесь теперь находится твой отец, Катенька. Мы часто будем его навещать. А когда подрастёт Верочка, то мы и её будем с собой брать. Будем приносить сюда цветы, вспоминать и говорить о вашем папе. Она поправила венки, протёрла фотографию —

– Пусть земля ему будет пухом. – в эту же секунду, Катерина кинулась разгребать холм руками, взволнованно приговаривая —

– Не нужна ему земля! Ему там плохо, мама! Он задохнётся! Зачем ты разрешила его закопать? Ты не любишь его, не любишь! —

Она продолжала раскидывать землю с могилы отца. Шапочка её упала с головы, растрепанные волосы развевались во все стороны, закрывая ей глаза. Но девочка не останавливалась

и продолжала яростно сгребать землю с ненавистного ей холма. Как только не упрашивала её Мария Леонидовна, какими только словами её не утешала, всё было напрасно – дочь не хотела ничего слушать. Пришлось прибегнуть к насилию – стала стаскивать её с могилы. Катерина проявила и здесь упорство. Завязалась потасовка. Впервые мать и дочь сцепились друг с другом. Одна в защиту другой, другая же в защиту отца. Марии Леонидовне было больно смотреть на дочку. Впервые она не знала как, и чем можно ей помочь. Перепачканные, ещё свежей глиной, они продолжали бороться среди разбросанных венков, на месте, где похоронен их самый близкий и родной человек.

На улице начинало темнеть. Дочь сопротивлялась и отказывалась идти домой. У Марии кончился запас нужных слов. И вдруг Катюшка весело воскликнула —

– Мамочка! Что же мы здесь торчим? Нам нечего здесь делать. Папа не здесь! Как же я забыла! Он в другом месте. Пойдём, пойдём отсюда. – возбуждённая, с растрёпанными волосами, девочка схватила мать за рукав и потащила за собой подальше от этого места. Продолжала по пути удивляться —

– Как же я сразу не догадалась, где мой папа! Он живой! Он же мне говорил, где его искать, если вдруг исчезнет. Мама, я тебе тогда, в походе не раскрыла наш с папой секрет, но сейчас я тебе его открою. —

Она говорила всё это сейчас так быстро, как будто боялась, что её перебьют.

Маша была просто в недоумении, была в испуге. Как отнестись к словам дочери? Что думать? Почему такая резкая перемена произошла сейчас в ней? Неужели всё – таки случилось что – то с психикой? Она так и знала, что её девочка не переживёт такое известие об отце. Катюшка продолжала говорить о сопке, и именно на ней сейчас её папа.

В голове Маши стучал по вискам весь этот бред дочери, и начинало болеть сердце за неё. Катерина дёргала мать за руку и требовала отправиться сейчас же на ту сопку. Чтобы не навредить дочери, она обещала обязательно на сопку сходить, но только не сейчас. Уже поздно, они устали и пора идти домой, где их ждёт Верочка. Катерина, на радость и удивление Марии, тут – же согласилась со словами матери и прибавила шаг —

– Хорошо, мы сходим туда в следующий раз, и я покажу тебе то самое место, где находится мой папа. – Маша же, не откладывая дело в долгий ящик, решила в ближайший день сводить дочь к психологу. Дома Катерина спросила мать —

– Папа ничего мне не передал, отправляясь в дальнюю командировку? – сердце у Марии снова вздрогнуло – понимает, конечно же, понимает всё её дочь. Только не хочет принимать за действительность её разум такое нелепое событие. Её дочь решила страшное слово смерть заменить на другое, более понятное и обнадеживающее – командировка. Это слово она понимала, слышала от отца, что и его могут в любое время отправить в дальнюю и неожиданную командировку. Но она, Катерина всегда должна помнить о том, что её папа всегда будет рядом с ней. Всегда будет видеть всё и всё про неё знать. Словам отца она верила. И его исчезновение не давало ей никакого повода думать о том, что папа её и её сестрёнки Верочки исчез из их жизни навсегда.

Вернувшись домой, Маша, незаметно от дочери, взяла из ящика стола Илья коробочку, позвала Катерину. Протягивая её дочери, произнесла —

– Это тебе папа передал.

– Компас? – радостно воскликнула девочка, зная, что в этой коробочке хранится. Неужели теперь эта вещь будет её?

К компасу Илья относился бережно. Будучи ещё совсем молодым, находясь в экспедиции, в Забайкалье, его друг подарил ему этот компас. В красивом футляре, с надписью. Даже своей любимице Катюшке Илья показывал его только со своей руки. Для Катерины компас казался каким – то волшебством. Бережно взяв из рук мамы папин подарок, проговорила —

– Я буду его хранить, папа вернется, а компас будет целым.

Маша вспоминала моменты, когда Илья доставал этот компас и учил Катюшку, как им пользоваться. Девочка бережно гладила компас, заворожено смотрела на прыгающую стрелку с красными и синими кончиками вспоминала, как затаив дыхание, вместе с отцом они медленно путешествовали по квартире, поворачиваясь во все стороны света. Потом коробочка закрывалась и волшебство заканчивалось.

Радуюсь подарку, воскликнула —

— Теперь можно готовиться к походу. С компасом не заблудишься. — Маша же подумала, что пусть девочка хоть на какое — то время забудется, а потом может и смирится с тем, что папы нет.

Доверившись маме, что они обязательно пойдут к папе на сопку, девочка уснула...

На снарядах Катерина занималась постоянно. Только после того, как не стало отца, она некоторое время не подходила к ним. Но потом, ещё с большей яростью набрасывалась на них и тренировалась до пота, до изнеможения. Закаливала дух, укрепляла своё тело, так учил её отец. Да она уже привыкла к этим занятиям. Иногда изводила себя так на канате, карабкалась вверх нечётно раз, что доводила этим свою мать до нервного срыва. Та, вздыхала, проходя мимо, качала удручённо головой, говорила —

— Катенька, ну сколько можно? Ты ведь не мальчишка, чтобы накачивать мышцы. Ты же девочка, вон, гляди, как пот льёт. Разве это дело? — Верунька тоже протягивала ручки, чтобы покачаться на кольцах или повисеть вниз головой на перекладине, но Маша хватала младшую дочь на руки и торопливо уносила девочку подальше от этих снарядов. Ещё не хватало, чтобы Верочку довёл этот спорт до больницы. Хватит одной спортсменки. И она, унося малышку, говорила ей —

— Мы с тобой пойдём в музыкальную школу, купим маленькую скрипочку и будешь нам с Катериной на ней играть. Верочка вырывалась из рук матери, кричала, что не хочет скрипочку, а хочет как Катька, висеть вниз головой. Маша всячески уговаривала её, но капризная Веруня вновь и вновь бежала к Катькиным снарядам и просила сестру покачать её на кольцах — очень она их любила. В маленьких ручках силенок не было, она быстро соскальзывала с них, но снова просилась. Снова падала вместе с сестрой, которая тоже уже уставала её держать и вместе они падали на маты, смеясь и барахтаясь на них.

Однажды Веруня сама забралась по шведской стенке на самую высокую перекладину, а когда попыталась слезть, кубарем свалилась вниз. Упала она благополучно, но на этот раз сильно испугалась. И с этого дня на спортивный уголок своей сестры она поглядывала только издали и с опаской. Даже тогда когда там занималась Катерина, она боялась к нему подходить.

Глава 2

Первая ночь в поезде была тревожной.

Катерине не спалось. Леонид и Танюшка безмятежно спали, свет в вагоне притушен, тишина в купе и во всём вагоне, а у неё вдруг пропал сон, появилось волнение в груди. Правильно ли она поступает? Ведь, казалось, что всё обдуманно. Они всё решили с Павлом...

Перемена, её пугает перемена жизни. Она всё осознаёт, всё понимает. Знает, что придётся начинать жизнь заново. Другая работа, новые люди и новый неизведанный край. Трудности и обустройство на новом месте её не пугали и всё же, не правильное ли было – остаться на том месте, где уже всё сложилось?

Стало вдруг страшно. Но дело сделано – она уже едет в поезде, и Катерина стала себя ругать за свою слишком необдуманную решительность. Сердце стало колотиться часто и тревожно. Нет, правильно всё же мама не разделяла этих её необдуманных порывов, пыталась вразумить свою дочь, остановить от решительных действий.

В минуты, когда Катя не находила для себя ответа, обращалась к своему отцу. Делала она это крайне редко, стараясь зря его не беспокоить, но знала и то, что он обязательно подскажет своей дочери правильное решение. Хотя и не часто, но приходилось Кате прибегать к помощи своего отца, и всегда она получала от него ответы на свои запутанные вопросы. Давненько она это не делала. Интересно, получится ли у них общение сейчас, в этом поезде? Время не самое подходящее – поезд, люди. Но сейчас все спят, можно попытаться пообщаться с ним.

Катерина закрыла глаза, расслабилась. Ей нужно сделать – то всего лишь одно – чётко представить отца, стоящего на вершине сопки, вспомнить слова, которые говорил он ей тогда, когда сбежали они с ним от мамы тем весенним походом.

Тогда, оставшись вдвоём на вершине сопки; отец и дочь, понимающие друг друга с полуслова, были совершенно далеки от того, что это было в их жизни первое и последнее восхождение. Но яркое впечатление того дня позволило запомнить его девочке на всю жизнь.

Сейчас предстоит ей снова всё это вспомнить. Вспомнить всё, даже запах сосен, почувствовать лёгкий ветерок и услышать перешёптывание макушек деревьев, как тогда, в тот день.

Для Катерины сделать это было совсем не сложно. Она помнит и хранит в своей памяти всю ту картину в деталях.

Вспомнив тот день до мелочей, она почувствовала, как наливается её тело тяжестью, становится жарко и учащённо бьётся сердце. Минуту или две она испытывает дискомфорт. Хочется встать, умыться холодной водой, но она терпит, ей необходима помощь и так хотелось ещё раз приблизиться к самому дорогому человеку! У неё получится, нужно только хорошенько сосредоточиться. Пошевелить ногой или рукой, уже нет никаких сил.

На смену неприятному состоянию приходит вдруг блаженство, покой, лёгкость во всём теле. Мелодичная неземная музыка постепенно заглушает стук вагонных колёс, она легко и непринуждённо заполняет каждую клеточку тела.

Наконец – то слышится родной голос сквозь эту музыку —

– Я рад, что вспомнила обо мне, дочка. Я всё вижу и знаю. Не получилось самой разобраться? Я помогу тебе. Ты волнуешься, и волнения твои совершенно обоснованы. Зная тебя, я знаю ответ на твой вопрос. То, что приняла решение отозваться на зов Родины, это правильно. Мама твоя, возможно и не поняла тебя. Но мы – то с тобой знаем наш девиз «кто, если не мы?» Он сбавывает как часы, в нужное время и в нужном месте. Твои волнения лишь оттого, что боишься не справиться с той задачей, которую поставила перед вами страна. А дело вам предстоит серьёзное, важное и нужное. Вам предстоит построить железную дорогу, возвести новые города и посёлки, соорудить множество тоннелей и мостов. И всё это в необжитой тайге, где пока что лишь сплошные деревья. Это всё ждёт тебя и передаётся тебе. Но ты справишься.

Вместе со своими новыми друзьями справишься, которые, как и ты, едут туда и так же волнуются. Действуй, дочка. Я рад за тебя и твоих друзей. Рассей свои сомнения, не позволяй ими наполнять свою душу.

А вот уверенность во всех свершениях поможет и тебе самой и тем, кто будет рядом с тобой. Дерзай, Катерина! Но трудно, ох, как трудно придётся тебе там, куда отправилась ты. И всё же дорогу осилит идущий. Это твоя дорога, дочка, твой путь. По – другому у тебя быть не могло. Это твоя судьба. Москву, есть, кому обустроить, а вот таёжные тропы и необжитые края возрождать – удел только избранных. Осилить это по плечу дано лишь тому, кто силен духом, наделён здоровьем, пропитан патриотизмом своей Родины и тому, кто от природы своей неисправимый романтик. Поправь у внука одеяло, раскрылся парень, а в вагоне – то не жарко. Удачи тебе, Катюшка. – Стук колёс постепенно вернул Катерину к действительности. Прошептала —

Спасибо тебе, папа. – Она приоткрыла глаза, увидела сползающее одеяло с верхней полки, где спал Леонид. Встать не хотелось, сон уже своей магической пеленой овладевал ею. Пересилив себя, Катя поднялась и укрыла сына, при этом думая о том, что её Ленка через несколько минут снова скинет с себя одеяло.

Спать, только спать сейчас хотелось ей, а впереди её ждёт действительно много дел. И снова этот сон.

В нём, как наяву приснились те далёкие дни, когда бежала она на сопку к отцу.

Не дождалась она обещания мамы после того случая на кладбище. Обещала мама, да видно забылась в суете своих дел. А может, не хотелось ей напоминать себе и дочке недавний их весенний поход, когда они все так счастливы были. Катя замечала, как изменилась мама после того, как отца не стало. Теперь она часто и подолгу смотрела из кухонного окна на улицу. Сидела, не шевелясь, и почти не реагировала на долгий плач маленькой Верочки. Катюшка подходила к сестрёнке, успокаивала её и абсолютно по – взрослому понимала мамино состояние. Убаюкав Верочку, Катя подходила к маме, обнимала её и шептала всегда одно и то же —

– Не надо, мама. Не надо думать, что папа навсегда исчез. Я точно знаю, что он с нами. Он сам мне это говорил тогда на той сопке. Мы же всегда ему верили. А теперь особенно нужно верить. Неужели ты не чувствуешь его присутствие? А если подняться на ту вершину сопки, так его и увидеть можно. Но ты всё никак не соберёшься это сделать. Ведь ты обещала, мама! Когда же мы, наконец – то сходим туда? Сколько можно ждать? И папа там нас заждался. —

Маша вглядывалась в Катюшкины глаза, так похожие на Илюшины, прижимала к себе дочку, долго гладила её светлые кудряшки и после хороших добрых и обнадеживающих её слов, приходила в себя, принималась за домашние заброшенные дела. Снова давала Катюшке обещание, что обязательно сходят с ней на ту сопку к Илье.

Катерина ждала и, не дождавшись обещанного, отправилась за город одна.

Тот счастливый день, когда они все были вместе в том походе за городом остался в памяти у девочки, как запоминающие кадры кино. Щебетание птиц и весёлое настроение кружило голову. Все вместе собирали хворост, жгли костёр. Пока он разгорался, Илья с дочкой успели поймать на удочку несколько рыбёшек из речки, которая протекала недалеко. Пока мама варила уху, Катюшка с отцом решили забраться на сопку. Склон был крутым. Илья протянул свою сильную руку дочери и вскоре они были уже на самом верху холма.

Очутившись на его вершине, они рухнули вместе на землю, раскинув руки. Облака проплывая, улыбались им. Солнце, выходя из облаков, щекотало нос и глаза.

Немного отдохнув, они встали, огляделись по сторонам. Катюшка ахнула – такая красота была кругом! Сиреневым цветом были покрыты сопки – это свои первые весенние цветы дарил миру багульник. Щебетание птиц радовало сердце, а лёгкий ветерок развивал Катини лёгкие кудряшки. От высоты захватывало дух. Девочка, закрыв глаза, снова их открыла – красота не исчезла.

Илья, чувствуя радостное состояние дочери, захотел закрепить его. Он поднялся с земли, оглянулся кругом. Расставив ноги на ширине плеч, как бы утверждая себя на земле и, устремив свой взгляд вдаль, произнёс —

— Это наш мир, Катюша, наш край, в котором мы живём. Это наша планета с её сказочными богатствами. Это наша природа, которую мы должны любить и беречь. А вырастешь, Катерина, мы с тобой отправимся в далёкое путешествие. Я покажу тебе места, где сам бывал. Например, край Забайкалья. Там такая красота – не надоест любоваться.

Когда – то мы с другом Антоном топтали там нехоженные тропы. Когда – нибудь, в том краю проложат железную дорогу на восток, ещё до войны задуманную. Может быть, когда ты вырастешь, отдашь свою часть жизни для той стройки.

С твоей мамой мы так же приехали обживать северный Урал. Возрождалась авиация. Стране нужен был алюминий. На северном Урале открывались шахты по добыче боксита. Нужны были люди, и мы с твоей мамой приехали сюда. На новом месте начали строить новую жизнь. Теперь это и твой город, Катерина. Здесь твои друзья, твои родители, люби этот край, Я всегда буду с тобой, что – бы не случилось. —

Катя только позже поняла, что отец её уже тогда, на вершине той сопки чувствовал свою смерть.

Выслушав долгий наказ отца, она тогда поёжилась от многих, непонятных для неё слов. Сказала —

— Пойдём, папа вниз, к маме, а то она нас, наверное, уже потеряла. Илья, засмеялся —

— Ничего не бойся – я ведь, с тобой!...

От твёрдой полки ныли бока. Катерина проснулась. Весь их вагон ещё мирно и безмятежно спал. Поправив матрац на верхней полке, где спал Леонид, заботливо укрыв дочку, вдруг снова взволнованно подумала, будет ли хорошо на новом месте её детям? Почему вспомнила она об этом только сейчас? Мама была права – нужно было хотя – бы Танюшку пока с собой не брать. За себя Катерина не волновалась, а всё же дочку нужно было оставить с мамой.

Сколько раз она не прислушивалась к её советам! Сколько раз огорчала её своими выходками.

Она помнит, как было маме тяжело, когда не стало рядом отца. Всё замечала старшая дочь. Ей, Катерине было легче перенести исчезновение отца, так как свято верила в то, что он жив. Жив, не умер, как думала мама. Он просто сейчас не с ними, а в другом месте и обязательно их видит. Они с отцом часто разговаривали на эту тему. Жаль, что мама в это не очень верила, поэтому и плакала. Ну а она своими выходками ещё больше её огорчала. Ей снова вспомнился тот свой побег за город. Если бы сейчас её Лёнька вдруг куда исчез или Танюшка, то не пережила бы это. И пока бы их искали, Катерина бы просто сошла с ума. Как ей тогда, шестилетней девчонке, пришлось в голову отправиться одной за посёлок на сопку? И что, должно быть, пережила её мама? Только сейчас понимает она, как страшно становится, когда твой ребёнок вдруг куда – то исчезает! От этого воспоминания Катя поёжилась.

А тогда, той весной, проснувшись ранним утром, Катериной овладевали совсем другие чувства – скорее снова очутиться на той заветной сопке, где, по её мнению, её ждёт её отец.

Тем утром она прислушалась – в маминой спальне тишина. Потихоньку оделась, нацепила на спину свой рюкзачок, с вечера незаметно приготовленный, и вышла из дома. Вскочив в автобус, где её кондукторша встретила словами —

— Далеко ли собралась, ранняя птичка? —

Катюшка вышла на конечной остановке и, сосредоточившись на местности, уверенно и смело направилась в ту сторону, где уже виднелась сопка. Она бодро шагала и про себя твердила —

— Я иду к тебе папа, иду. Вот уже и знакомая вербочка распустилась своими пушистыми шариками. Девочка, погладив вербу, поторопилась к подножию сопки. Там остановилась,

открыла свой рюкзачок и достала компас. Бережно открыла футляр и уставилась на стрелку. Покрутив компас в руке, она решительно сделала шаг к покорению вершины, к той самой вершине, куда они поднимались впервые вместе с отцом.

Подъём крутой. Она вспомнила, как помогал тогда ей её отец, что бы попасть на вершину сопки, как протягивал дочери свою руку. Но сейчас ей придётся покорить эту высоту самой. Хватит ли у неё силёнок? Получится ли? У Катерины уже проявлялась сила – воля, проявлялся характер, и в этом была заслуга её отца. Она не отступится от задуманного, не спасует перед трудностями. Первый шаг к покорению вершины сделан. Шаг за шагом девочка двигалась вперёд. Идти было трудно. Она останавливалась, поднимала голову вверх, шептала —

– Я сейчас, ещё немножко. И снова двигалась к цели.

Склон сопки был осыпан веточками сосен, шишками. Всё это мешало ей продвигаться. Встав на четвереньки, она поползла. Так стало легче. Но ступая на шишки и соскальзывая, продвижение вперёд замедлялось. Острые иголки сосны кололи руки. Идти стало просто невозможно. Ну, ничего, она сейчас отдохнёт и снова продолжит своё восхождение. Катерина поднялась, отряхнула руки, огляделась – вот уже и середина. Дойдёт. Всё равно она дойдёт до вершины. Не может не дойти – там ждёт её папа. Подпрыгнув и поправив на спине рюкзак, Катерина потеряла равновесие. Перед глазами замелькали верхушки сосен, небо, корни деревьев, земля. Какая – то минута, и она уже сидела на том месте, откуда начала своё восхождение.

Обхватив голову руками, заплакала. Заплакала не от боли, а от стыда и бессилия.

Долго плакать у Кати не получилось, вспомнила, что её отец не любил это. Всегда говорил в таких случаях —

– Не поможет, даже не надейся. Он смеялся и продолжал —

– Только упорство и настойчивость в задуманном станут твоими первыми союзниками твоих побед. Подняв вверх голову, Катюшка всё же поняла – этот крутой подъём ей преодолеть будет нелегко. Но отступить для упрямой Катерины было куда сложнее.

Приказав себе, что пора вновь начинать покорять вершину, где уже, наверняка, заждался её отец, девочка шагнула к своей цели...

Ночью поезда почему – то особенно быстро мчатся, на поворотах рельсовых путей от качки может проснуться любой пассажир. Но никакая качка не сможет сейчас разбудить Катерину. Она продолжает видеть свой сон, который когда – то был явью – всё то же восхождение на вершину к отцу.

Карабкаясь вверх, цепляясь за каждую кочку и кустик, Катюшка продолжала подъём на вершину горы. Снова она уже преодолела половину пути. Смотреть вверх больше не решалась. Хотя и была та невысокая гора для взрослого человека вполне преодолимой, всё же для ребёнка она оказалась слишком крутой. Хотелось выпрямиться, рюкзак хоть и не очень тяжёлый, всё же тянул Катерину назад и спина устала. Буквально на одну секундочку поднялась и расправила она плечи. Только на миг... и тут же невидимая сила потащила её назад, вниз, к подножию. И снова всё мелькало и кружилось перед глазами и снова всё сначала. Нет! Она больше не сможет.

Девочка сидела у подножия сопки, обхватив руками колени и опустив голову. Слез не было. Было разочарование и пустота. Не получилось.

– Прости меня, папа. Не смогла я дойти до тебя. А так хотелось тебя увидеть! Я так ждала этого дня! Но ничего, в следующий раз мы обязательно к тебе поднимемся вместе с мамой. —

У Катерины закружилась голова, почему – то захотелось спать, может быть потому, что встала рано? И она на какой – то миг отключилась.

А поезд продолжал всё так же быстро мчаться в ночи, как – будто помогал Катерине успеть за эту ночь увидеть и пережить вновь все те события, связанные с её отцом. Скорость поезда не сбавлялась даже на крутых поворотах. Лёнька тоже крепко спал, уткнувшись в вагонную перегородку и тоже, наверное, видел свои детские сны...

Сколько Катюшка была в бессознательном состоянии у подножия сопки, когда с неё скатилась, она не помнит, но очнувшись уже на вершине холма. Оглядевшись вокруг, она узнавала место, где ровно год назад её папа разговаривал с ней, говорил много хороших слов и был весёлый. Но как она попала на вершину?

Удивиться этому, а тем более испугаться, она не успела. Её сердце наполнилось вдруг невероятным умиротворением и спокойствием. Думать не хотелось ни о чём. Удивительная тишина и красота была вокруг. Как и тогда, когда она вместе с папой была на этой вершине, здесь было необычайно торжественно и красиво. Сейчас было всё, как и тогда. Вон и маленькая сосна в центре вершины. Она заметно подросла, и сейчас кивала девочке в знак их встречи пушистыми веточками зелёных своих иголочек. Катюшка смотрела на макушки сосен, на птиц, пролетающих над головой, на облака. Она была одна, но всем своим существом чувствовала присутствие отца. Вслух произнесла —

— Здравствуй, папа, ты здесь? Я пришла. Пришла к тебе. Может ты теперь птичка, может облака, а может в багульник превратился? — Помнишь, как он тогда цвёл? И сейчас цветёт, радуется своим сиреневым цветом. Хорошо тут у тебя! Ты обещал быть со мной всегда. Дай мне просто знать, что ты здесь, со мной. — Она замолчала, оглянулась — никого. Чирикали, пролетающие над головой птицы, пролетали над самой головой девочки. Катюшка старалась в это мгновение даже не дышать, боясь пропустить хоть какой — нибудь намёк на то, что её отец здесь. Ведь она так в это верила! Всё же чудеса не произошло — ничего такого она так и не заметила. Глубоко вздохнув, произнесла раздосадовано —

— Я так надеялась, что увижу тебя. Что скажу маме? Теперь — то уж точно она мне не поверит, что ты не исчез, не умер, как думает она. —

Катерина глубоко вздохнула, и в это время случилось то, чего она и не ожидала. Не успела даже ойкнуть, как кто — то невидимый бережно её подхватил, и через секунду Катерина парила над сопкой. Она почувствовала чью — то руку в своей руке. Сомнений не было, это был он, к которому так торопилась. Она увидела отца. Смутно, как бы силуэт, но всё же это был он, Катин папа. В лёгкой рубашке, в синей, которую Катюшка любила больше всех. Эта рубашка так подходила к папиным глазам! Девочка смеялась от счастья. Смеялась до слёз от того, что может парить как птица над землёй, от того, что с ней снова её отец, настоящий, самый добрый и самый красивый. Они ни о чём не говорили, а просто смеялись. Смеялись и летали, держась за руки. Им было хорошо. Своим взглядом Катин отец говорил —

— Видишь, я не обманул тебя. Я обещал, что никогда не оставлю тебя, Верочку, маму. Не могу я вас бросить и рад тому, что ты поверила мне. —

Илья бережно поставил дочку на землю, к самому подножию склона и, прикоснувшись нежно к её кудряшкам, исчез. Катюшка стала крутить головой; в надежде увидеть отца, но вдруг прямо перед собой увидела свою маму. Они бросились друг другу в объятия так, как будто очень давно друг друга не видели. Маша целовала дочку и от этой радости плакала, а Катерина от радости смеялась, что наконец — то она встретилась с отцом. Без умолку тараторила взахлёб, перебивая мать —

— Я его видела, мама! Мы с ним летали. В другой раз мы с тобой вместе поднимемся на вершину, и ты тоже сможешь с нами полетать, словно птица. — Катюшка без умолку щебетала, возбуждённая происшедшим. Маша, видя дочкины счастливые глаза, теперь не могла не соглашаться с ней, в тоже время, очень волнуясь за состояние её души.

Вернувшись домой, решила всё же снова отвести её к психологу. Очень переживала она тогда за дочку. Маше с трудом верилось в её фантазии, но она ловила себя на мысли, что ей так же, как и её Катюшке хотелось увидеть Илью. Вынашивала мысль о том, что и она когда — нибудь сможет с помощью каких — ни будь добрых ангелов хоть краешком глаза увидеть мужа. И кто знает, может на самом деле девочка говорит правду, уверяя мать, что может общаться с отцом. Уверяет, что он есть. Пусть не дома, но он существует и даже можно видеть его.

Думаете, так не бывает? Ещё как бывает! Просто надо сильно верить, любить и не отправлять в забвение родных людей, по разным причинам, ушедших от нас. Может нам надо стать чище, как детская слеза и посмотреть на мир глазами ребёнка? Им, ангелам, дано видеть много того, что нам, взрослым и грешным не дано. А ведь это совсем не сложно – почувствовать себя ребёнком. Мы и есть все дети Большой Земли. И она нам мать.

Мы только играем во взрослую жизнь, в том и грязнем. Отталкиваем своих детей в постоянной своей занятости и они – наши дети, не понимая нас, всё равно цепляются, пытаются обновить нас в этом бешеном ритме жизни, умоляя прочесть им сказку или просто поговорить. Просят и требуют обратить на них внимание: ведь такая красивая бабочка сидит на ромашке!

А облака? Они похожи на мишку в лесу, на кораблик, на слонёнка.

Но нам некогда – мы окунаемся с головой в свои нескончаемые дела и проблемы, торопимся в старость. Мы хотим взрослеть. И мы взрослеем. Мы так хотим, мы стараемся как можно быстрее всё успеть, всё сделать и мы старимся. Мы так этого хотели и у нас получилось. И добиваемся мы этого сами.

Так нам и надо! Своими мыслями, поступками двигаем время вперёд и вперёд. Финал почти у всех один – старость нежданная и болезни, полученные в гонке к этому финалу. И уже никуда не нужно спешить. Ты стар и, возможно, одинок. Впереди остался лишь один шаг в вечную темноту, назад не получится – ноги уже не слушаются. Остаётся одно – оглянуться. Мозги тоже устали и ничего уже не хотят.

И так хочется туда – в далёкое детство. Где всё чисто. Где мячики и сказки. Где секреты во дворе и дворовые Жучки со своим потомством. Где пряталки, прыгалки и бабушкины блинчики.

Может, стоит остановиться и оглянуться назад? Кто сказал, что не стоит этого делать! Простите, но он не прав! Нужно, нужно иногда останавливаться, что бы вдохнуть новый чистый глоток воздуха, что бы увидеть вокруг себя своих близких. Это нужно всем нам, нужно нашим детям, которые будут несказанно нам благодарны за то, что мы их наконец – то заметили. Важно и полезно вспомнить и себя в своём детстве.

Кем мы хотели быть? Врачами, учителями, водителями, космонавтами. Тогда это было от чистого детского сердца.

Но теперь, в бешеном ритме сегодняшнего дня уже мозги наши затуманены и думают совсем иначе: как же! Как отстать от соседа! У него крутая иномарка, у него бизнес, у него жена моложе его самого на двадцать лет. Да что там – она ему в дочери годится! Не поменять ли профессию учителя на бизнесмена? Не поменять ли жену на более молодую? И не переквалифицироваться ли с лётчика на управленца огромного супермаркета?

Стоп! Куда мы все мчимся? Давайте остановимся! Вместе с тем остановится и время. Выскочить нужно из бешеного круга – колеса, которое нас закружило. Выскочить, пока не поздно.

Давайте вспомним себя счастливыми детьми. Давайте вспомним заброшенного друга – медведя. Пусть он и старенький, но надо найти его, прижать к своему сердцу – он так нас ждал! В нём наше детство. Он вернёт нам чистоту души и чистые помыслы. Он вернёт нам доброту.

Давайте вспомним, как когда то подарили свою любимую игрушку своему другу или подружке, потому что они так хотели с ней поиграть. И мы отдали. Отдали насовсем – пусть у друга будет радость.

К нам потом, позже, наверняка вернулось забытое эхо нашей доброты другим подарком. Может быть, мы это и не заметили, но этот золотой закон бумеранга обязательно сработал. Он действует, он никуда не делся. Пожалуйста, ради себя, любимых, отбросим все дела – они бесконечны.

Вспомним, что давно не навещали своих родителей. Нужно навестить их. Это тоже встреча с детством и тоже мощная подпитка для каждого из нас. Давайте выйдем к поле, к речке

побродить по опушке, где когда – то собирали землянику. Если закрыть глаза, обязательно каждый из нас услышит голос босоногой детворы – своих друзей из детства. Эти места нас помнят, зовут нас во сне, в мыслях. И это не зря. Это необходимо нам! Поверьте, мы станем друзьями. Что – то случится в наших душах. Случится хорошее, проснётся наше доброе сердце. Оно таким и было, просто нужно было остановиться и подождать его, потому что мы всё это время бежали впереди его, и оно устало за нами гнаться. И будут наши дни длиннее, дыхание станет ровным и спокойным. Надо постараться это сделать. Постараться для себя и наш Создатель будет рад, что мы остановились, оглянулись вокруг и увидели наконец – то всю красоту Земли.

Если на тебя никто не обращает внимания – стоит ли наряжаться? Вот так и листва на деревьях и поляны с ромашками могут завянуть, если на них не обращать внимание. И речка может обмелеть и высохнуть, если она уже никого не радует. Не топчут её берега, и рыба не плещется в воде. А зачем, для кого? Да стоит ли ещё перечислять всё то прекрасное, что нами упущено.

Пока не поздно, давайте остановимся, напьемся прошлым своим детством, растворимся в своих детях, – в их бескорыстной любви к нам и уже можно шагнуть дальше размеренней и без лишней тяжести груза, обременявшего нас все эти годы. Вот тогда и не покажутся нам неподобными повествования наших детей. Мы будем видеть то, что не видели прежде. Мария Леонидовна поджидала Верочку. Вдвоём легче будет справиться с тоской, которая накатила на неё после отъезда Кати с детьми. Остро ощущалась какая – то пустота в душе. Наваливались грустные воспоминания, и никак невозможно было от них избавиться.

Как всё же быстротечна жизнь! Казалось, что всё это было вчера; весёлый неугомонный Илюша, обустройство на новом месте и рождение первой дочери.

Она улыбнулась; вспомнила давние дни на Северном Урале.

Прибывающий народ гудел, расселялся по баракам, суетился по всему посёлку. Разрасстался шахтёрский городок недалеко от Уральских гор. Рождались новые семьи, новые детишки.

Роддом был новый, большой, пахло сосной и краской. Почти все палаты были наполнены молодыми мамами. По длинному коридору слышны были нескончаемые крики новорождённых. Акушеры, загруженные важной работой – принятием новых граждан страны, громко восклицали —

– Дорогие мамы, создаётся такое впечатление, что вы собрались со всех областей рожать именно у нас, в нашем роддоме. А ведь Родине нужен боксит. Кто за вас будет работать? Мужики одни не потянут работу на рудниках – Молодые мамы тут же отвечали весело врачам и нянечкам —

– Прежде, чем впрягаться в работу вместе с нашими мужиками, хотим нарожать им сыновей, чтобы росла смена. А у нас ещё всё впереди. – Персонал роддома соглашался с молодыми мамами и уверенно продолжал принимать младенцев в своей гостеприимной больнице.

После рождения дочки Маша, как впрочем, и остальные женщины, родившие до недавнего времени, детей, вышла на работу. Детских садов и яслей было построено предостаточно. Уже с шести месяцев можно было оформлять малыша в ясли.

Маленькая Катюшка, как и многие дети шахтёров, посещала эти детские ясли.

Подрастая, ребяташки так и росли вместе. Бегали гурьбой по всему посёлку, убегали в лес рвать малину, чернику, морошку.

Посёлок Бокситы стоял уютно, у подножия сопки. Ни ветра его не доставали, ни чужие несведущие люди. За посёлком, за железнодорожным полотном начинался лес, а там и болота. Росла на болоте клюква. Росла она на кочках и манила крупной красной бусинкой к себе на кочку каждого. Когда, однажды, один из мальчишек попался в этот плен и остался там навсегда, взрослые строго настрого запретили ходить на те болота.

Урал. Слово суровое, под стать климату.

Мария Леонидовна вспоминает, как не однажды упрашивала Илью уехать. Ей было больно иногда смотреть на расчёсанные от комаров руки и ноги дочери, хотя та никогда и не жаловалась на этот пустяк. Илья подхватывал жену, кружил её и приговаривал. —

Здесь будет большой город! Наш город! Посмотри, какая здесь красота! Одни Уральские горы чего стоят! Сколько лыжников к нам сюда приезжает! Да и Катюшка здесь родилась. Мы же недавно квартиру новую получили, и из окна наших красивые сопки видны. —

Маша, насчёт пейзажа за окном, с мужем соглашалась, и разговор об отъезде забывался, а вскоре он сам по себе отпал. Привыкала она постепенно к суровому краю, к своим новым друзьям, ко всему, что её окружает.

Кажется, совсем недавно это было. Выросла её старшая дочка, и вопреки пролетевшему времени так хочется его вернуть, погладить Катины светлые кудряшки, порадоваться вместе с Илюшей рождению Верочки, которая так и не успела запомнить отца.

Мария Леонидовна прошла по пустым комнатам, которые совсем недавно были наполнены жизнью. Подумала снова с сожалением о том, что зря все – таки Катерина поменяла благоустроенный быт и укатила в тайгу. В Германию с ними ехать когда – то отказалась наотрез, а в глушь сибирскую отправилась с большой радостью. Она хорошо знала свою дочь. То, что она задумывала, того всегда добивалась. Её Катерине с самого раннего детства не хватало приключений.

С волнением в груди вспоминает она, когда проснувшись утром, она не обнаружила её в своей кровати. Маленькая Верочка плакала – не давала ей сосредоточиться. —

– Господи! – с ужасом думала Мария —

– Где она может быть? —

Вместе со своей подругой по работе они долго выдвигали разные версии, искали там, где она могла бы быть. Но Катюшки нигде не было. Только потом промелькнула мысль; а не отправилась ли её дочь на сопку? Обещала ей Маша тот поход к отцу на сопку, да обещания не выполнила. Видно не дождалась обещаний её дочь – сама отправилась за город. Полезла в кладовку. Рюкзак Илья висел на месте, а вот Катиного рюкзака, который всегда висел здесь, не было. У Маши немного отлегло на сердце, теперь она хоть знает, где искать дочь. Мария торопилась к автобусной остановке – оттуда можно быстро добраться за город. Успокаивала себя тем, что дочка её научена отцом, как вести себя в лесу. Волновалась только по одной причине – помнит ли её дочь то место, где когда – то они все вместе отдыхали? В то утро она, в поисках дочери, на ходу вспоминала все молитвы и шептала их. Просила только одного – не забирать у неё её любимую Катюшку.

Господь услышал её мольбу и вернул в её объятия дочку.

Мария Леонидовна снова пришла к тому убеждению, что её Катерина, будучи ещё ребёнком, своей силой любви к отцу, старалась вселить надежду и веру в неё, свою мать. Веру в то, что отец где – то рядом и если очень постараться, то можно почувствовать его присутствие.

Только позже поняла Маша, что её дочь была права, когда не желала верить в его исчезновение. Пусть не с ними, пусть в другом месте, но он продолжал существовать, быть, хоть и не видимым, но всё же, рядышком с ней, с его родными. Этой своей силой убеждённости девочка сумела заставить и свою маму, и других взрослых поверить в бессмертие любимого человека. А если не верить – как же жить?

Тогда Маше казалось, что дочь её ещё маленькая девочка. Это Илья разговаривал с ней на равных, как со взрослой. Говорил о том, что порой и взрослому не понять. Но Катерина всё схватывает на лету, она не просто слушала отца – она старалась запомнить все его слова. Маша не раз укоряла мужа в том, что он слишком много ненужной информации вкладывает в маленькую головку Кати. На её слова Илюша отвечал, смеясь. —

– Лишних слов, Мария никогда не может быть. А вот нехватка запасного словаря у человека будет говорить его собеседнику о многом. Я хочу, что бы у нашей дочери дефицита слов не было, только и всего. Хватит в её головке места, чтобы всё нужное уместить. —

Получается, что её муж понимал дочь лучше, чем она, мать?

Марии Леонидовне, сейчас показалось, что она многого не дала своей старшей дочери.

Работая в шахте, оставшись с двумя детьми на руках после смерти мужа, она жила, словно в какой – то пелене, в тумане. Вспоминая сейчас всё это, она вдруг поняла, как переживала её Катюшка тогда, когда её матери было совсем не до них, дочерей. Только сейчас понимает Маша, как не хватало Кате отца. И она, мать, почти перестала замечать дочь, а если и отвечала ей на какой – нибудь вопрос, то это было вяло, сухо и без интереса. Катя, вздыхая от холодного к ней отношения матери, отправлялась к маленькой сестрёнке. Верочка, увидев Катерину, прыгала от радости в кроватке и издавала ликующие звуки. Наигравшись с малышкой, Катя забывала все свои огорчения. Шла заниматься на снарядах и уже им отдавалась целиком и полностью. Не месяц и не два жила как в тумане Маша. Старшая её дочь играла с Веруней, успокаивала, когда та плакала, укачивала её и пела ей песни.

Мария Леонидовна снова с грустью вздохнула. —

– Милая моя Катюшка, куда и зачем отправилась ты из насиженного гнезда? Зачем было ехать из столицы, где уже налажен быт? Такая же, как и твой отец – живёшь в ритме жизни со своей страной. Одна из первых мчишься на передний край. Ведь я чувствую, как волновалась ты, уезжая отсюда. Горячая твоя голова не даёт покоя ногам. С детства была такой, такой, наверно, будешь всегда. Осталось только одно – пожелать тебе счастливого пути. —

Поезд стучал колёсами, увозя Катерину с детьми в неизвестный таёжный край Забайкалья.

Катя проснулась. Она вспомнила ночное общение с отцом. Улыбнулась. Легко и спокойно было на душе. В хорошем расположении духа, стала тормошить спящего сына. —

– Вставай, соня, сейчас Тётя Тамара чай разносить будет. —

Лёньке повторять про чай два раза не нужно, ему нравилось быть помощником у проводницы их вагона. Минута – и он уже убежал умываться. Вернувшись бодрым и весёлым, с полотенцем через плечо, вдруг спросил. —

– Мам, а ты и правда веришь в то, что мой дед всегда с тобой, всё видит и даже помогает тебе? —

– Я в этом несколько не сомневалась. И теперь тоже. И помогает он не только мне, а и всем, кто в этом нуждается. Только мы его не видим, а он нас видит. В другом мы измерении, нам пока не понять это всё. Главное – люди не исчезают совсем после смерти, а переходят в другое измерение, в другой мир, более чистый божественный, более тонкий. Живы они там все, живы! И нам, оставшимся жить на этой земле, легче от этого. А почему ты вдруг спросил про деда? —

– Приснился он мне сегодня, показывал мне разные фокусы, а я смеялся. Он смеялся сам и говорил, что ещё не то мне покажет! – Лёнька, немного задумчиво помолчал, потом закричал радостно —

– Значит, мы тоже никогда не умрём! Вот здорово! Ещё мне дед Илья говорил, что меня там, на БАМе, уже ждут друзья. Верить этому сну или нет? —

– Конечно, верить. Значит так и будет, если тебе об этом дед сказал. Лёнька снова радостно закричал —

– Ура! Все мы вечные! – следом за братом закричала и Танюшка —

– Ура, мы вечные! – вошла проводница —

– Что за шум, а драки нет? Проснулись? У меня уже чай готов. Ждала, ждала своего помощника, да не дождалась. Я тебе, Леонид прогул сегодня запишу. Все три дня помогал мне, вселял надежду, что так и будешь мне помощником до самого Улан – Удэ, а теперь не справ-

ляюсь без тебя. Скоро станция Зима, а там и Байкал недалеко, пейте чай и смотрите в окно, Катя. —

Весёлая проводница пошла дальше оповещать всех своих пассажиров о том, что чай готов. Лёнька мигом исчез вслед за Тамарой готовить стаканы для чая.

Насладившись вкусным ароматным дорожным, ни с чем несравнимым чаем, Катерина наслаждалась музыкой колёс на стыке рельс. Необъяснимое чувство возникало при таком ритме звука. Хотелось слушать эту музыку бесконечно. Она звала в неизведанные дали, манила туда, за горизонт, где всё новое, другое и хотелось поскорее это увидеть, потрогать своими руками и, может быть, на новом месте стать нужной. Она, находясь в расположении духа, даже разрешила детям походить по коридору вагона. Оставшись одна в купе, прильнула к вагонному окну, стала любоваться на зимние пейзажи за окном. Какие широты у нас в стране! Как можно не влюбиться в Россию с её берёзками, елями и рябинами!

— Зима! Станция Зима! — От этого Лёнькиного крика, Катерина вздрогнула. Её сын, влетел в купе как стрела, держа за руку свою сестрёнку. Танюшку, повторяющая все слова брата, радостно тоже кричала — Зима! Зима! —

— Лёнь, ты чего кричишь, как резаный! Так нельзя, ты же не на улице, а в поезде, где сейчас может быть кто — то отдыхает! — Катерина с укоризной посмотрела на сына, потом выглянула в окно. Да действительно, прямо напротив их вагона красовалось название станции «Зима». Она оглянулась — её Лёньки уже и след простыл.

На этой станции, с романтическим названием, Лёнька, следом за проводницей вышел из вагона. Читая вывеску на станции, проговорил —

— Тётя Тамара, наверное, эту вывеску меняют по временам года. Это здорово! — летом вывешивают «Лето», весной «Весна», осенью «Осень». Сейчас вот «Зима». — Тётя Тамара засмеялась —

— Ну, ты и фантазёр, Леонид! С тобой и правда, не соскучишься. «Зима» здесь всегда, круглый год — так станцию назвали, понимаешь? Минут через пять она отправила мальчишку в вагон, так как на улице было очень холодно —

— Давай, забирайся в вагон, замёрзнешь ещё, да и отправление скоро. —

Вскоре, станция «Зима» осталась позади. Впереди Байкал, а там и Улан — Уде, где встретит их отец. Лёнька от такой радости даже поёжился. Скоро он увидит отца и снова все они будут вместе.

Он залез на свою верхнюю полку и стал смотреть в окно. Катерина, уложив Таточку на дневной сон, окунулась в свои думы. Представляла встречу с Павлом и чувствовала, что он, так же, как и она скучает без неё.

— Байкал! Мама, смотри, Байкал! — От громкого крика брата проснулась Танюшка и с испугом уставилась на мать. Лёнька выслушал в свой адрес поучительные слова от матери и, извинившись, уже тихо повторил —

— Это же Байкал, тот, который ты так хотела увидеть. Я подумал, может быть, ты уснула и можешь проспать это море. —

— Мимо Байкала мы будем ехать ещё очень долго. И прошу тебя — никогда не кричи так сильно, не пугай окружающих! Вон как Танюшка испугалась! — Лёнька перегнулся вниз, посмотрел на сестрёнку, улыбнулся ей, и Таточка ему ответила своей очаровательной улыбкой.

Катя смотрела в окно на холодный ледяной Байкал, улыбалась —

— Да, как тут можно сдержаться! Ей самой захотелось прокричать — Здравствуй, наконец — то я вижу тебя, Великое море! —

Лёнька на своей верхней полке тоже прилип к окну, с восхищением проговорил про себя —

– Интересно, кто построил эту железную дорогу, по которой они сейчас едут? Длинная дорога, почти по самому берегу моря тянется. И когда Байкал кончится, будет тянуться до самого Владивостока. Надо у мамы спросить, она всё знает.

Леонид понимал, что сейчас идут минуты исторического события в его жизни – он видит своими глазами Байкал. Не каждому выпадает такое счастье. Вот, например, его друзья, Антон и Стёпка неизвестно когда смогут это море, увидеть.

Сейчас Лёньку ничего не интересовало, кроме вида из окна – он боялся пропустить даже самую малость. И хотя море было покрыто толстым слоем льда, Лёнька ощущал его силу и величие. По всему Лёнькиному телу пробежали мурашки. В вагоне было тепло, а мурашки всё равно были, передавалось это, наверное, от холодного застывшего моря.

– Вот ты какое, озеро сибирское! Мама не зря хотела тебя повидать. Теперь и я тебя вижу. У Леонида захватывало дух, от того, что он сейчас видел. Огромные валуны ледяных застывших гребней волн у берега создавали иллюзию картины художника на полотне. И всё это было похоже на сказку. У Лёньки даже лоб замёрз, которым он просто прилип к вагонному окну, вглядываясь в сказочный пейзаж зимнего Байкала. Дело не шуточное – за окном вагона минус тридцать. Лёнька так долго смотрел в окно, что затекли и шея и руки. Он бы ещё смотрел на эту зимнюю сказку, но нужно размяться, погулять по вагону, провести тётю Тамару, проводницу, может, чем помочь нужно? Ехать ещё долго, успеет в окно насмотреться. Спрыгнув с полки, Леонид спросил разрешения у мамы и отправился путешествовать по вагону. За ним увязалась сестрёнка. Лёньке пришлось водить её за руку. Пусть потопает, а то всё сидит и сидит с мамой на полке.

Таточке нравилось держаться за руку брата. Она тянула его к концу коридора, а потом просила идти обратно. Так и путешествовали они по вагону, сокращая огромное расстояние своего пути, находя себе развлечения.

Катя, убедившись, что дети нашли себе занятия, села поближе к окну. Окидывая взглядом скованное льдами море, она поёжилась, накинула шаль на плечи и, не сводя глаз с причудливых узоров застывших глыб берега Байкала, снова ушла в своё прошлое. Удаляясь всё дальше и дальше от Москвы, от мамы и своей сестры, вдруг резко ощутила в себе щемящую тоску по ним. Особенно по Веруне.

Глава 3

Её младшая сестрёнка просто родилась для того, что бы всегда стоять на защите старшей.

Катерина улыбнулась, вспоминая задиристую Веруню, которая уже с пятилетнего возраста, размахивая кулачками, была готова идти в бой на обидчика её сестры.

Не раз бывало так, что получала за это тумаки. Но это нисколько её не смущало, а только ещё больше разгоралось желание, что бы отомстить Катиному обидчику.

Остановить её агрессию могла только сама Катерина. Оттаскивая её от мнимого врага, Катя смеялась, уговаривая сестру оставить его. Верочка, смешно раздувая ноздри, показывала тому свои кулачки, проговаривала. —

– Сейчас я тебе устрою колбасу с сахаром! – На всякий случай, уходя, оглядывалась и снова трясла кулаком.

Катерина, уезжая всё дальше и дальше от сестры, вспоминая Верочкину защиту, поняла, как должно быть тогда было вполне серьёзными и осознанными действия Веруни. Это была большая любовь и привязанность к ней, старшей сестре. Да как могло быть иначе? Катерине вспомнились те печальные дни, когда остались они без отца. И как не старалась Катя успокаивать себя и маму тем, что папа с ними, где то рядом, им его не хватало. Только одной Верочке было всё равно. Она так же требовала к себе внимания – плакала, если что не так. Улыбалась доверчиво своей маме и сестрёнке и не хотела понимать, почему это её мама не хочет брать её на ручки. В такие минуты на помощь приходила Катюшка. Замечая какое то безразличие к маленькой сестре со стороны мамы, Катерина тут же брала бразды правления в свои руки; она кормила малышку сгущенным молоком и та тут же успокаивалась. Верочке очень нравилось это молоко, но мама почему то не баловала им малышку. Веруня с удовольствием открывала свой ротик для очередной порции сгущёнки, а старшая сестра не жадничала – от души кормила сестрёнку. И впоследствии этого вскоре у малышки проявлялись на всём теле прыщи, от которых Верочка очень страдала. Она плакала, расчёсывала себе животик, а мама начинала бранить Катерину за бесчувствие к сестре.

Катя слушала мамины упрёки, с большим сожалением смотрела на плачущую сестрёнку и думала —

– Вот ведь какое несчастье – ведь она – Катерина, и дня не смогла бы прожить без сгущенного молока.

А тут – полный запрет на него. Это так несправедливо! Это просто наказание какое – то!

Оказалось, что сгущёнку младшей сестре кушать было нельзя. У неё был диатез, но что это такое, Катерина не ведала. Маме она дала обещание, что больше не будет сестру кормить сгущёнкой. Но про себя решила; если ребёнок чем – то болен, то его не таблетками надо пичкать, а закаливать его. Так всегда говорил папа. И так, как мама всё ещё не отошла от горя и ей было пока не до кого и не до чего, то Катерина подумала – время терять нечего, нужно действовать. Нужно Верочку закалять. Они с папой никогда не болели, потому что закалялись. Мама всякие новшества их закаливаний принимала в штыки и не хотела даже слушать о том, что бы принимать в этом участие. Папа пожимал плечами, не понимая, как можно жить без спорта, без водных процедур и каждодневной зарядки? Зато был рад и горд тем, что старшей дочери он сумел привить такое нужное дело, как спорт и закаливание организма.

– В здоровом теле – здоровый дух – это неотъемлемое правило человечества. Вставать вместе с солнышком, принимать его первые лучи, заряжая ими каждую свою клеточку, это есть неоспоримый факт оздоровления организма и залог долголетия. —

Эти мудрые слова отца Катерина хорошо запомнила и прожила с этим всю жизнь.

Улучшив момент, когда мама в очередной раз погрузилась в свои печальные думы, усевшись за папиным столом, Катюшка взяла тазик, налила холодной воды, усадила в него годовая-

люю сестрёнку голышом. Верочка вздрогнула от холодной воды, но не заплакала, а только пописала в тазик. Катерина, как делал раньше папа, стала потихоньку поливать тельце малышки водой. Верунька хлопала себя ручками по животу и улыбалась сестре. Она полностью доверяла себя ей. Малышке нравилось, когда весёлая Катюшка подбегала к ней и начинала с ней возиться. В итоге такого закаливания Верочка начинала сильно кашлять, а мама удивлялась – где она так могла простыть? Катерина потом всё же признавалась. Мама строго – настрого запретила ей проделывать с сестрой всякие процедуры. —

– Ты вот можешь босиком ходить по холодному полу летом и зимой, а я сразу же заболела. – Потом улыбнулась дочке, прижала её, успокоила. —

– Ничего, Катюша, потерпи немного, плохо мне сейчас, очень плохо без твоего папы. Ну, вместе мы справимся. Правда? —

– Конечно, мамочка, мы справимся. Но вот только плакать не надо, ведь папа видит всё и огорчается. Мы – то с тобой знаем, как не любил он плакс. Улыбнись, мама, тебе сразу станет легче. Потом, прижавшись к матери, добавила —

– И нам с Верочкой тоже. Обещаю тебе, что больше никаких экспериментов проводить над ней не буду. —

Верочка росла весёлой и боевой. Старшая сестра учила её никогда себя не давать в обиду – ведь папы у них нет, а мама большая скромница. Заступаться за себя придётся самим.

И уже в трёхлетнем возрасте Верочка стала грозой малышкой. Она хорошо запомнила наказ сестры и, не ожидая, когда и кто её обидит, ломилась напролом в песочницу, ломала ногами построенные детьми домики и довольная собой посматривала на стоявшего неподалёку своего старшего наставника – Катерину.

Мамаши поднимали крик, Катя бежала спасать сестру, а та, подстёгнутая забавной шумихой, успевала сбросить из своих кулачков песок на головы игравших в песочнице ребятшек. Сёстры не убегали. Они просто перемещались по двору, выискивая – кому – бы ещё насолить. Просто так, на всякий случай.

Маленькая Верочка вошла во вкус налётчицы и быстро освоила эту науку.

Старшую дочь Маша не узнавала. После смерти мужа девочка стала просто хулиганкой, да ещё и маленькую сестрёнку подстрекает к хулиганству. Ведь до чего доходит: только эти две сестры выходят во двор, как качели сразу становятся пустыми, малыши из песочниц тут же улетучиваются со своими совочками и ведёрочками в руках, предвидя приближающую к ним бурю. Не успев выйти на улицу, Машу сразу же обступали мамы обиженных детей и наперебой тараторили —

– Что же это Вы, Мария Леонидовна, не научите своих детей культуре поведения в обществе? – Маша виновато извинялась перед всеми, вежливо кивала головой, соглашаясь с ними, при этом стараясь поскорее исчезнуть с их поля зрения.

Вообще – то вдову соседи уважали. Уважали за то, что она никогда ни с кем не сплетничала. Уважали за то, что умела ладить со всеми. И жалели за то, что рано осталась вдовой с двумя детьми. Уважали и за то, что никогда не ссыалась на маленьких своих детей и всегда работала без прогулов. В маленьком шахтёрском городке все друг друга знали. Илью Машинного уважали многие, и его случайная гибель на шахте болезненно отзывалась в сердцах друзей и знакомых. Все искренне сочувствовали Маше. Она долго и болезненно отходила от того дня и часа, когда её Ильи не стало.

Вот уже пять лет она без него. Но рано, ох, как рано ещё его забыть. Ещё помнит она его ласковые руки, его весёлый шепоток на ушко, его неудержимую энергию. А как посмотрит Маша на Катюшку – так и вовсе как – будто Илюшины васильковые глаза смотрят на неё. Вот ведь как она на него похожа! А год назад Катерина отрезала свои светлые локоны, которыми всегда восхищался её отец. Напялила бейсболку козырьком набок, нарядилась в клетчатую рубашку с брюками. Маша, вернувшись с работы, не узнала дочь: вместо длинных волнистых

волос – из под козырька торчал кудрявый чуб, как у мальчишки. Она рухнула на стул, благо, что он стоял рядом. Чуть сознание тогда не потеряла. Катерина не на шутку испугалась – брызгала на мать водой и махала на неё полотенцем. Кое – как пришла в себя Маша, еле выдавив из себя —

– Ты что с собой сделала? Ведь стала как мальчишка! —

– Мамоchка! – Испуганно воскликнула дочь. —

– Ты меня так напугала!

Ведь папа так хотел иметь сына, ты же сама говорила. Он меня приучал к спорту. Мне так удобней будет. Да и Верочку никто не посмеет обидеть. Я же выгляжу теперь как её старший брат. Недавно Веруню обозвали безотцовщиной и мне пришлось за Верочку заступиться. Мальчишке, который сказал это обидное слово, я дала по шее. Но тут его мамаша и меня так же обозвала. Жаловаться я не люблю, и поэтому сама теперь буду давать сдачи за себя и за сестру. – Катерина вздохнула —

– Придётся нам учиться драться. – Маша ещё раз внимательно посмотрела на дочь и снова чуть не упала в обморок от её такого вывода.

Выстукивают колёса скорого, увозят всё дальше и дальше от Большой земли Катерину. Она выглянула в коридор вагона, где её Лёнька и Таточка прогуливались. Лёнька придумал игру в паровозик и пыхтел впереди, забавляя этим сестрёнку, прицепившуюся позади брата за его рубашку. Катя улыбнулась. Она смотрела на своего сына – выдумщика и затейника всяческих игр, вспоминала себя, такую же непоседу. Однажды, заглядывая в ящики письменного папиного стола, Катя заметила запечатанное письмо. Оно было адресовано в Германию – папину другу дяде Антону. Отправителем этого письма была её мама. Катя слышала о папином друге. Папа часто вспоминал о нём, показывал фотографии. Они вместе учились в институте, вместе были в командировке на Байкале. Глядя на конверт, девочка подумала, что мама просто забыла его отправить. Про себя подумала, что сделает доброе дело, если отнесёт его на почту. Выходя с Веруней гулять, Катерина прихватила с собой письмо. Вернувшись с прогулки, она хитро спросила у мамы —

– Мам, а папин друг из Германии знает, что папы с нами сейчас нет? —

– Однажды я написала ему письмо, в котором сообщила об этом. Неожиданно для себя попросила его приехать к нам. Письмо сразу не отправила, а потом подумала и решила не беспокоить человека, тем более звать его в гости. Может он занятой человек. В минуты больших переживаний я написала то письмо, попросила даже его приехать к нам, что – бы вспомнить твоего отца, ведь Антон многое знал про него, чего я могла не знать. Хорошо, что ты напомнила мне о нём, надо бы его порвать. Больше трёх лет уже прошло.

– Надо же! – подумала Катерина.

– Я хотела, как лучше.

О том, что письмо она отправила, матери сказать не решилась.

Прошло два месяца, и Маша обнаружила в своём почтовом ящике какой – то конверт

– Наверное, письмо от мамы. – Прочитав обратный адрес, очень удивилась.

Первые дни, как отправила Катюшка письмо, предназначенное для друга отца, девочка заглядывала в почтовый ящик часто, ожидая ответа на то письмо. Но потом интерес к этому пропал. А теперь вот оно! Пришло! Но мама почему – то недовольна. Прочитав письмо и узнав от Катерины правду, поругала дочь за то, что та лезет во взрослые дела. Девочка не понимала, что плохого в том, что пришёл ответ от папиного друга, который сообщает, что летом сможет к ним приехать. И очень сожалеет о том, что Ильи с ними больше не будет. Он давно мечтал повидать семью друга, а теперь хочет отдать свой долг – побывать на его могиле.

– Мамоchка, пусть приезжает. Он нам про папу расскажет, а я ему расскажу, как ходили мы с папой в поход. Покажу дяде Антону свой рюкзак и компас.

Посмотрев на свою дочь, вопрошающе смотревшую на неё, подумав немного, Маша согласилась —

– Пусть хоть какое – то доброе событие придёт к нам в дом. Признаться честно, мне бы тоже хотелось увидеть друга своего мужа, поговорить с ним о вашем отце.

Катерина прыгала по всей квартире, тараторила, Верочка в такт сестре визжала и топала ногами. В комнатах возник тарарам. Девчонки скакали от радости – не каждый день к ним приезжает папин друг. И гостинцы дядя Антон, наверняка привезёт.

Маша обвела взглядом запущенную квартиру. После смерти мужа уборку проводила она только поверхностно. Сейчас же она думала с чего, эту уборку, начать. Приедет друг Ильи, да ещё с Германии и не ударить бы перед ним в грязь лицом.

Видела она его только на фотографиях Илюшиного альбома. Хотя бы перед памятью мужа встретить гостя нужно будет, как подобает в гостеприимных традициях русского народа.

Она вдруг себе призналась, что благодарна дочери, ведь это она отправила письмо. Ей сейчас, как никогда захотелось с ним поговорить обо всём, что касается мужа. Кто, как не Антон, сможет рассказать о своём друге, человеке, с которым учились, с которым были на практике в экспедиции, с которым радовались каждому найденному полезному камушку. Вместе делили они у привала печёную картошку и душистый чай на костре. Маша могла многое узнать от Антона о своём Илюше.

Почувствовав в себе некое волнение, Маша первым делом подошла к зеркалу.

После того, как не стало Ильи, она заглядывала в него редко, а если и заглядывала, то лишь на минутку, перед тем, как выйти по делам куда – нибудь из дома. Вытерев салфеткой слегка присевшую пыль, стала внимательно себя рассматривать. Осунувшееся лицо, потухший румянец на щеках, полные грусти глаза испугали её. Нет! Нужно что – то срочно предпринимать.

Первое, что сделала Маша – улыбнулась себе. Потом стала делать перед зеркалом гримасы. Незаметно для себя стала вдруг крутиться перед зеркалом во все стороны, строить рожицы, как вдруг услышала за своей спиной смех. Это её девчужки, подглядывая из – за штор занавешенных дверей следили за ней двумя парами глаз и, не удержавшись, рассмеялись. Маша от неожиданности сначала растерялась, затем схватила в охапку своих дочерей и, впервые за последние годы весело закружилась вместе с ними по комнате.

Как всё же она им мало уделяла времени после смерти мужа? И ни это ли письмо Антона стало сейчас переломным для неё? После генеральной уборки всей квартиры, Маша решила побаловать своих девочек – повела их в кафе угощать мороженым.

А когда на кухне, за праздничным столом с тортом и сладостями они, все трое отмечали успешное окончание начальной школы Катерины, в дверь к ним позвонили. Катюшка побежала открывать. В дверях стоял с цветами мужчина средних лет. Он был с аккуратной бородкой, в очках. В красивом костюме и галстук. Представился сразу —

– Я Антон. Он отдал цветы подошедшей к нему Маше, было видно, что гость волновался. Выручила Катерина, которая сообразив, кто к ним пожаловал, тут же потянула гостя к столу угощаться тортом в честь окончания начальной школы —

– Вы вовремя приехали, дядя Антон. У меня праздник, а мы сидим тут сами по себе, чай пьём, да только никакой радости! Это, наверное, оттого, что с нами нет сегодня нашего папы. Вы проходите, с Вами всем нам будет веселее. —

Наскоро попив чая, друг Ильи бросился доставать из своей сумки подарки и гостинцы. Когда он достал оттуда большую, красивую куклу, Верочка первой бросилась к ней. Кукла хлопала длинными ресницами и говорила « Мама». Антон, передавая куклу девочке, смущенно проговорил. —

– К сожалению, я знал только об одной вашей дочке, поэтому и куклу купил одну». Веруня держала куклу в своих руках и восхищённо повторяла «Катя, Катя». Для неё все куклы

были Катями. Катерине не жалко было купленную для неё куклу, понимала, что она взрослее Верочки и радовалась за сестрёнку, которая с восхищением разглядывала куклу. Но Антон нашел подарок и для старшей дочери Ильи. Из сумки достал большую красочную книгу. Он протянул её девочке со словами —

– В ней самые красивые места на земле. —

Катюшка, открыв первый лист книги, ахнула. Никакая кукла не сравнится с этим подарком. Девочка тут же убежала в свою комнату рассматривать книгу. Верочка, забыв обо всём на свете, не сводила со своей новой куклы глаз. Но заметив, что старшей сестры нет за столом, побежала её искать, что бы ещё раз разделить с ней свою радость.

Маша с гостем остались одни, на душе у Марии было хорошо и спокойно. Она не знала от чего, но этот давний друг Ильи своим присутствием, уже в первые минуты наполнил её дом радостью и желанием жить.

Честно признаться, все эти годы без Ильи она жила лишь потому, что нужно было жить. Жить ради детей. Хотя эта её жизнь была блеклая, без ярких красок.

Сейчас у Маши было тепло на сердце, она разговаривала с другом своего мужа, они вспоминали его, рассматривая фотографии и было видно, что им обоим он был дорог. Было ощущение, что они давно знают друг друга.

Катюшка увлеклась книгой, но иногда подбегала к другу своего отца и спрашивала —

– Дядя Антон, а вы ещё побудете с нами? Ведь я ещё про нашу с папой сопку не рассказывала. А ещё лучше нам бы сходить туда. Он там, на той сопке и если очень, очень захотеть, можно его увидеть. Мы однажды с ним летали в небе за руки. Катюшка так радостно и убедительно пыталась донести Антону свой секрет, где было всё реально; и сопка со всей своей красотой и цветущим багульником по весне и её папа – красивый и живой. Только с ними жить он теперь не может

Антон внимательно и с удивлением слушал девочку, иногда поглядывая на Машу. Катерина же, убедившись в том, что в выходной все они поедут за город, на ту сопку, радостная убежала со своей книгой. Маша поторопилась объяснить Антону, что происходит с девочкой.

– Катя обожала отца, они жили одним дыханием. Он почти с пелёнок возился с ней. Готовил дочку к здоровому образу жизни. Учил лазать её по канату, висеть на кольцах и карабкаться по сопкам. Я только совсем недавно поняла, как тянуло моего Илюшу в экспедиции. Как страдал от того, что не смог работать в геологической партии, а потом, по моей настоятельной просьбе стал работать в шахте. Кто знает, может быть сейчас был бы жив. Не успел перейти в шахту, как она его и забрала. Теперь виню себя в его гибели. Жаль, что поняла его любовь к своему изыскательному делу слишком поздно. Со своей старшей дочкой они жили мечтами о путешествиях. В Катюшке Илья видел свою единомышленницу. Они обливались холодной водой, шептались и жили мыслями о дальних походах по разным уголкам нашей страны. Катюшка всеми силами старалась быть похожей на своего отца. Вставала рано утром, вместе с ним делала зарядку, тренировала себя до изнеможения на снарядах, сделанных Ильёй. Своим упорным и настойчивым характером давала понять, что в этой маленькой ещё девчужке закладывается большой жизненный потенциал. Крепнет характер, утверждается своё Я. Мы с Верочкой домашние, а эти двое так и шагали бы по тайге или горам, плыли по горной речке и сидели бы до утра у костра. Вон и рюкзаки висят рядышком. Вы не представляете, Антон, что было с ней, когда она узнала, что отца её не стало. Девочка сама решила найти для себя успокоение – она просто поверила в то, что он не умер, а просто ушёл, что – бы продолжить жить в другом месте. И когда приходят дни его памяти, то я и друзья Ильи идём на его могилку, Катюшка же не хочет видеть холмик, под которым её отец. Она верит в то, что он там на их сопке – живой и здоровый. Самое интересное то, что и я начинаю в это верить. Мы поднимаемся с ней на вершину сопки, Катерина уверяет, что видит его, общается с ним, разговаривает, смеётся, и мы ей не мешаем. Привыкли уже. Мы, взрослые, расстилаем

скатерть, достаём закуску и поминаем Илюшу. На Катюшку внимания не обращаем, даём ей пофантазировать.

Я водила девочку к психологу, но мои опасения оказались напрасны. С дочкой всё в порядке.

А однажды мы все увидели такое, что заставило нас всё же поверить в чудо и в какие – то необъяснимые события.

Как – то сидим на сопке, разговариваем, вспоминаем Илью и вдруг все мы видим, как Катюшка, оторвавшись от земли, поднялась над нашими головами. Она явно с кем – то держалась за руку и вот так, хохоча, полетела над нами, над сопкой, над лесом. У нас тогда дар речи у всех пропал и вот тогда – то мы поверили девочке. Может и правда, что великая сила любви друг к другу и преданность никуда не исчезает даже после смерти.

Вот и приходит отец к дочери, которая даже не сомневается в том, что он живой. По большому счёту, каждый из нас где – то в глубине души хочет верить в то, что его родные люди и любимые, ушедшие в мир иной, не исчезают в никуда, не покидают нас, а остаются с нами, помогая нам в различных ситуациях. Невидимой ниточкой связаны они с нами, так же радуются за нас или огорчаются за наши неудачи. Большое желание маленькой девочки быть рядом с отцом, реализовалось. У неё это получилось. И может быть, это вовсе не чудо, как многие думают, а закономерность высоких человеческих чувств. Катюшке можно только позавидовать – она сильная личность, в свои десять лет она уже знает, чего хочет. Она не боится темноты, шагая по лесу, не отступится от задуманного, вступится за слабого. Я и рада таким её качествам и огорчена – нелегко ей придётся в жизни. Ей хочется видеть мир ярким и добрым, честным и справедливым. А ведь он, на самом деле, совсем не такой чистый и праведный. Иногда думаю, а стоило ли Илюше учить всему этому свою дочь? Сам ушёл, а её оставил один на один с этими честными правилами жизни. Смогу ли я ей в чём – то помочь в дальнейших жизненных передрыгах, ведь я совсем не такая, как моя дочь. Я слабая женщина, как и многие. Никогда не вступлю в спор, даже если и права. Уступлю дорогу идущему и, наверняка не кинусь в огонь спасать кого – либо. И не потому, что я бессердечная, а лишь потому, что знаю – не спасу никого и сама в том огне сгорю. Не для меня все эти подвиги. А Катерина моя совсем из другого теста слеплена. Вот и волнуюсь я за неё – как сложится её жизнь? —

– Знаете, Маша, выслушав Вас, я почти уверен, что Катя сможет выстоять перед всеми трудностями. Ей не нужны будут для этого помощники, она сама справится и поможет ещё другим. Я знал такого человека – это был Ваш муж Илья. Вам он возможно и не рассказывал, не хотел расстраивать, а может просто хвастать не хотел. Там, в Забайкалье, в командировке он несколько раз меня спасал. Спасал от медведя, хотя сам его видел впервые, вытаскивал из болота и сам там чуть не остался. Делился со всеми тёплой одеждой, уверяя нас, что он закалённый и ему вовсе не холодно. Сильным и надёжным был мой друг и Ваш муж, Маша.

Я теперь ничуть не сомневаюсь, что и Катюшка растёт таким же человечком. Меня это радует. Я потерял друга, а вместе с тем теперь знаю, что растёт ему достойная смена.

Антон улыбнулся, встал из – за стола, взволнованно стал ходить по комнате. Вежливо спросил разрешения у Маши покурить.

Нахлынувшие воспоминания о своём друге, с которым он учился в геологическом институте, с которым не раз побывал в геологических экспедициях, взволновали Антона. А теперь вот ещё он приехал к его семье. Он видит воочию его очаровательных дочек. Видит его жену. Илья рассказывал о её красоте. О замечательной её улыбке и красивых зелёных глазах. Сейчас Антон мог сам в этом убедиться. Его друг не соврал. Поймав случайно на себе Машин взгляд, он понял одно – долго смотреть в её глаза – это просто гибель. Это омут, из которого уже не выбраться. Антон курил, слушал вдову своего друга, а сам вспоминал слова Ильи в очередной командировке.

Тогда они оба чуть не погибли в болоте. Илья просил друга не оставлять жену и маленькую дочку. Он знал доброту и надёжность Антона. Выкарабкавшись из плена болота, дали друг другу слово, что в трудную минуту не оставят без поддержки семью другого.

Когда Антон переехал вместе со своей женой в Германию, писал другу, что, как только устроится, пригласит его в гости. Да так и не случилось, жена Антона не выдержала его частых командировок и они расстались. А Антон работу свою бросить не смог. Зачем тогда учился? Не мог он сидеть на месте. Тянуло его в горы, леса, манили нехоженные тропинки, палатки и костёр с ухой в котелке, да душистый чай из разнотравья. А если ещё ко всему этому находился камушек, который ищешь, который нужен стране, чувствуешь себя самым счастливым. И забываются все неудобства походного бытия.

Антон живет в Германии с мамой и её мужем немцем в большом особняке. Вспомнив свою добрую матушку, улыбнулся.

– Мама конечно за меня переживает, сетует на то, что работа у меня бродячая, о семье не может быть и речи. Мало, какая жена поймет и терпит все эти бесконечные проводы, а потом ожидание. Но вот моя мама только и живёт с тем, что провожает и встречает своего сына путешественника. А мы, геологи, бродим по земле, пытаюсь разгадать её тайну, до конца не поняв человеческую.

Антон извинился, снова спросил разрешение покурить.

Маша, внимательно слушая его рассказ, встрепелась. Всё это время она представляла своего Илью. Так же и он когда – то уходил в экспедиции. Она тоже, как и жена Антона, не понимала своего мужа и не хотела, чтобы он куда – то всё время уезжал. Чего стоило Илье оставить свою геологическую партию, Маша только теперь поняла. Тогда он ради неё оставил своё любимое дело, устроился на работу в шахту. Маша видела, как первое время Илью тянуло то в горы, то в лес. Думала баловство это, пройдет. Но сердце настоящего геолога видно всегда будет звать в дорогу. И он стал делать свои ближние походы со своей дочкой.

Катюшке едва исполнилось три года, когда в первый раз они ушли вдвоём за посёлок, побродить вдоль речки, посидеть у костра, где пеклась картошка. Маша тогда с ними не пошла, у неё не было желания спотыкаться о коряги, кормить там разный гнус. Не хотела она и дочку отпускать с Ильёй – пусть один любит природу. Но маленькой Катюшке были в радость эти походы и отговаривать её было бесполезно – девочка уже торопливо одевалась, надевала свой рюкзачок. Сначала они с папой шли за руки, потом он нёс дочку на плечах и она, маленькая путешественница, раскинув руки в стороны, ощущала себя птицей в полёте. И отец и дочь чувствовали себя самыми счастливыми на земле. За посёлком они разводили костерок, рвали цветы и разглядывали разные камушки под ногами. Потом всё это складывали в Катин маленький рюкзачок, который Илюша пошил сам для дочки, тащили всё это домой.

Антон слушал Машу, его удивляло всё, о чем она говорила. Сказал только —

– Теперь я с большой охотой хочу пойти на сопку к моему другу. Знаете, Маша, мне как – то тоже больше по душе та версия, что Илья всё же не мог уйти, исчезнуть куда – то навсегда. Я помню его зажигательную энергию, его желание жить, творить. И ещё он очень любил землю; травы и речки букашки и камушки. Стоять у его могилы, вспоминать его в прошедшем времени, действительно случай не тот, не для него. Не таким был мой друг, чтобы уйти навсегда из жизни, которую он так любил. И кто знает, может смогу и я почувствовать его присутствие на той сопке. Молодец Катерина, молодец, что заставила поверить в то, что её отец не умер, не бросил её, а просто где – то по – другому существует и иногда приходит в гости к дочери.

Антон старался на Машу не смотреть – возникало какое – то стыдливое чувство. Он вдруг поймал себя на той мысли, что сейчас борется со своим пришедшим, непрощенным чувством. Не по своей воле почувствовал, как заколотилось вдруг его сердце. Он знал отчего – необыкновенные проникновенные глаза Маши заставляли волновать его сердце. Но знал Антон и другое – не стоит позволять себе излишним эмоциям выплёскиваться наружу. Нельзя! Не имеет

он такого права, ведь Маша встретила его искренне, как лучшего друга её мужа и ничего другого между ними быть не может. Нет, не будет он расслабляться и пользоваться случаем. Он не позволит себе влюбиться в жену своего друга, даже если теперь его нет. Он обещал другу быть в трудную минуту с его семьёй, поддержать, помочь, но только, как друг. Он сдержит своё слово.

В честь гостя Маша ужин решила из кухни перенести в просторный зал. Катерина помогала носить блюда с едой в комнату и постоянно щебетала. Папин друг понравился девочкам. Он помнит папу, показывал его фотографии в молодости. Дядя Антон тоже любит походы и собирает разные камушки. Живёт иногда в палатке и у него борода, как у настоящего геолога. Катерина не сводила с него восхищённых глаз. Одно немного смущало девочку – дядя Антон ходил в папиных тапочках. Как же так? Ведь когда – то эти тапочки в клетку носил её отец. Правда, в основном он ходил босиком по квартире, но иногда обувал их. Он всегда их искал, Катюшка тут же находила эти тапочки и подавала отцу. Теперь, с тарелкой в руках, девочка остановилась посреди комнаты и в упор смотрела на эти тапки, которые были на ногах гостя. Антон всё очень быстро понял, снял тапочки —

– Вообще – то нехорошо носить чужие вещи. Ты права, Катюша, но мама твоя так любезно мне их предложила, что я не мог ей отказать. – Вздохнув, как взрослая, Катерина произнесла —

– Надо будет купить ещё пару тапочек для гостей. Так, на всякий случай. – поставив тарелку на стол, вышла из комнаты, прихватив с собой папины тапочки. Возле кладовки она остановилась, протёрла их рукой и поставила под рюкзаком Ильи – так будет надёжнее. И так, как сегодняшний день был наполнен приятными событиями; окончанием начальной школы, появлением гостя, подарками, девочка решила не расстраиваться больше по пустякам. Пусть праздник продолжается. Они с мамой рады гостю, даже Верочка сегодня как никогда спокойна и счастлива. Возится молча со своей новой «Каткой». Даже есть отказалась. Уладив маленькую погрешность с тапками, Антон весело воскликнул —

– А ведь я забыл ещё про один подарок. Подарок для вашей мамы, Катерина, а еще точнее – подарок этому круглому столу. Моя мама передала. Думала, думала, что бы такое передать жене моего друга. И вот купила – ... Антон полез в сумку, Маша и Катюшка застыли в ожидании подарка. И тут они увидели яркую скатерть. Она, просто как солнце, ослепила комнату. Скатерть была золотисто – оранжевого цвета, с яркими крупными выбитыми розами по краям и с зелёными листочками. Завершала края скатерти шелковая бахрома. Пока Маша с дочерью стояли и любовались скатертью, Антон расстелил её на столе. Маша произнесла —

– Может, не надо на ней есть? Такая красота! А вдруг запачкаем? —

Катерина первая подбежала к столу, стала гладить бархатный ворс скатерти —

– Сегодня же праздник, мы только один единственный денёчек на ней поедим. —

За красивой скатертью ужин проходил дружно и весело. Мама достала, откуда – то бутылку вина, все стукались красивыми рюмочками с вином и лимонадом, и можно было подумать, что это вся их семья, которая и не рассыпалась вовсе.

Гость из Германии внёс в их жизнь семейную нотку. Пока мама с гостем вели разговор, Катюшка гладила мягкие шелковые кисти скатерти. Она закрыла глаза, ей казалось, как будто струйки тёплого ручейка протекали между её пальчиками. Ей представлялся тёплый песок у реки, солнце и рядом отец, весёлый, сильный и любящий. Она улыбнулась этому видению и открыла глаза. Напротив неё сидел дядя Антон, он разговаривал с мамой, а та ему улыбалась, и было видно, что общение доставляло удовольствие обоим. И тут девочка увидела, как гость положил свою руку на мамину. Но страшно было даже не это, а то, что мама не попыталась её убрать. Что это? Как она смеет? Только, что этот человек приехал, как друг её отца, уверяя, что помнит и любит его. У Катерины даже дыхание перехватило, она не знала как себя вести. Сделать вид, что не заметила, она не могла. Ведь это предательство по отношению к отцу с её

стороны. А мама? Может, заговорила и не замечает этого? Катерина взяла вилку и громко уронила её на тарелку, да так, что та чуть не разбилась. Помогло с первого раза. Девочка увидела, как мать вздрогнула, вырвала свою руку из рук Антона и произнесла —

– Катюша, ты может, устала? День был таким насыщенным разными событиями. Пойдём, я тебя уложу. Заметив в маминых глазах счастливые искорки, которых у неё давно не было, девочка тут же про себя решила, что ничего страшного не произошло. Главное, что сегодня она видит свою маму весёлой. Действительно, они засиделись. Катюшка вспомнив, что завтра все они пойдут на папину сопку, оставив свои недоброжелательные эмоции по отношению к гостю, пожелав спокойной ночи взрослым, ушла в детскую. Там уже безмятежно сопела Веруня со своей новой куклой. Как всегда, Катерина подошла к сестрёнке, поправила одеяльце и легла в свою кровать. Глаза её слипались, на душе было легко и спокойно. Она думала о красивой книге, подарке папиного друга, о том, что мама наконец – то снова весёлая, радовалась тому, что наступили каникулы.

В эту ночь Катюшке приснился отец. Они шли по какому – то лесу, потом по полянкам с цветами. Было лето, летали бабочки и пели в небе птицы. Они сидели рядышком у реки, плечо к плечу и разговаривали обо всем на свете. Катерина заглядывала в васильковые глаза отца и ловила каждое его слово. Затем они пошли дальше. Отец впереди, дочь за ним, шаг в шаг. И это было счастьем для девочки. Вот они медленно поднимаются в гору. Гора крутая и подниматься становится все труднее и труднее. Все. Дальше она идти не может. Но тут свою руку протягивает ей отец. Он берет своей большой рукой маленькую руку девочки и смеётся. Смеётся громко и страшно. Катерина поднимает голову вверх, и видит бородатое лицо чужого человека. Это лицо Антона. Он противно смеётся и грубо дергает Катюшку за руку. Вместе они скатываются вниз с горы.

Девочка от неожиданности просыпается. Вся в поту садится и сидит в постели, не сразу придя в себя. За окошком начинало светать. Она огляделась. Увидела валявшуюся куклу из Германии возле Верунькиной кровати. Катерина подняла с пола куклу. Та открыла навстречу девочке свои глаза в пушистых ресницах, громко сказала «Мама».

– Тихо, всех разбудишь. – шёпотом сказала Катерина. Постепенно пришла в себя. Вспомнив о том, что сегодня они пойдут на сопку, попыталась отогнать свой страшный сон. Прижав куклу к себе, Катюшка побежала в мамину комнату, что бы немножко полежать с мамой, так как было ещё немного страшно. Возле мамы ей станет хорошо. И она поторопилась в её комнату. Резко открыла дверь и, вскрикнув, зажала ладошками рот. Кукла тут же упала на пол, громко повторив своё: «мама». Широко раскрытыми глазами смотрела Катерина туда, где была мамина кровать. Оттуда глядело на неё, то самое лицо с бородой, что видела она сегодня во сне. Её мама в своей постели была не одна. Она приютила к себе этого бородатого гостя. А ведь до этого дня это место было только папино! Но иногда туда ложилась она – Катерина или Верочка. Это место она ревновала даже к себе. Вон над кроватью папина фотография, где он в лесу с большим грибом стоит и улыбается.

Взрослые оцепенели. Маша не могла предположить, что в такую рань дочь забежит в её спальню. Катерина мигом убежала назад. Её маленькое сердечко стучало так, что казалось вот – вот выскочет. Оно переполнялось ненавистью к этому гостю. Пусть он и друг её отца. Только какой же теперь он друг? Нет! Не поведет она его на папину сопку, пусть идут с матерью на могилу. Пусть встречается с мертвым, а не с живым другом. И мама хороша! У Катерины щеки и уши стали красными. Она негодовала! Не зная, как вести себя дальше, взгляд её упал на большие ножницы, которые лежали на подоконнике – ими мама обрезала цветы. Схватив их, Катерина стала лихорадочно и безжалостно стричь бахрому на новой скатерти, которая покрывала стол и радовала своей яркой красотой. Отрезанные головки шёлковой бахромы безвинно падали на пол, образуя вокруг стола яркий оранжевый круг. Для девочки это казалось огнем, который жег её руки, её лицо её сердце. Срезав всю бахрому на скатерти, Катерина

убежала к себе в спальню и, прыгнув в постель, с головой укрылась одеялом. Маша взволнованно пыталась что – то объяснить дочери. Девочка лежала под одеялом, не желая слушать мать, и плакала.

Маша знала, как любила Катюшка своего отца. И картина, представшая перед ней утром, конечно же, оказалась для дочери громом среди ясного неба. Решив, что дочку сейчас лучше не трогать, она отправилась на кухню. Там она увидела Антона, который с волнением смотрел на неё. Было видно, как переживает он случившее. Оба они были виноваты перед Катериной. Так случилось, что Маша и Антон заговорившись до полуночи, стали родными и близкими людьми. Они оба были одиноки, им обоим не хватало любви и внимания близкого человека. Маша, не подпуская все эти годы к своему сердцу воздыхателей, удивительно быстро прикинулась к Антону чувством нежности и любви.

Произошло это само собой, незаметно для каждого из них. Можно назвать это любовью с первого взгляда, а может это была их судьба, ведь их сердца сразу потянулись друг к другу. Эта первая ночь их влюблённости вселилась для каждого из них надеждой, что они оба наконец – то будут счастливы. Они строили вместе планы, где им лучше остаться жить: в России или Германии.

Заснули они уже под утро, да так крепко, что не успели перед тем, как проснутся дети, разойтись по разным постелям.

Катерина же, вскочив с постели, быстро оделась и выбежала из дома.

Быстро, почти бегом мчалась по утреннему городку к сопке, к отцу. Сначала она забежит на автобусную станцию. Одну остановку она имеет право проехать бесплатно, а там дойдёт потихоньку, дорогу знает. Но вдруг её шаги стали медленными. Было чудесное летнее утро. Молодая зелень деревьев и щебетание птиц радовало её. Катерину, что – то остановило. Девочка вспомнила вчерашний вечер. Впервые они все были как одна семья: она с Веруней, мама и дядя Антон. Вспомнила она книгу о путешествиях, вспомнила куклу из Германии, Верочка так к ней привязалась. И может быть, та кукла себе что – нибудь сломала, когда падала из Катиних рук. И мама была счастливая. Валяется теперь срезанная со скатерти бахрома на полу. Разбито вчерашнее счастье. Все сейчас осталось там, позади – Верунька со сломанной Каткой, озадаченный растерянный гость и взволнованная мама. Только и радости – то было у мамы – один единственный вечер. Теперь все сломано, обиженная Катерина убегает, но куда? На сопку? Что скажет она отцу, чем похвастается? Что переломала счастье в доме, и этим горда? А вдруг он сам этого друга отправил навстречу своей семье для дальнейшей счастливой жизни?

Мысли путались в голове, Катерина вздохнула, вот и станция рядом. Стоит сесть в автобус и через полчаса она у папиной сопки. А ведь они собирались прийти туда все вместе.

Катерина присела на скамейку. Задумалась. Она не знала, что ей делать, как поступить. Идти жаловаться отцу на его друга, о котором он часто вспоминал с радостью? Говорить отцу, что только она одна преданна ему до конца? Больше всего её отец не любил, когда кто – то, чем – то был не доволен. Но вернуться домой и сделать вид, что ничего не случилось, это было для неё не так – то просто.

Решила взять себя в руки, этому тоже научил её отец. Вдруг к Катерине подкатился мячик. Маленькая девочка, стесняясь, стояла перед ней и смотрела на мяч, который лежал у Катюшкиных ног. Она вспомнила Верочку. Улыбнувшись малышке, протянула ей мячик, поторопилась назад к сестренке. Вдруг плачет без неё? Да и поход к отцу всей семьёй был на грани срыва. Она быстрым шагом направилась назад к дому. Торопилась исправить свою ошибку. Взрослые сами разберутся – быть или не быть вместе. Катерину обдало жаром – А вдруг дядя Антон уже ушел? Ведь она тоже за это короткое время успела к нему привязаться. Неужели и он исчезнет из её жизни, как и её отец? Сердце девочки заколотилось, она прибавила шаг. Открыв двери, она увидела плачущую мать. Верочка ещё спала, дядя Антон

смущенно застегивал свою дорожную сумку, спешил уйти. Уйти, наверное, навсегда. Мама, при виде дочери, обрадовано и как – то виновато сказала. —

– Ты вернулась, дочка? Я вот только провожу нашего гостя до станции, Верочка еще спит, ты побудь с ней, а я скоро вернусь. Только прошу тебя, никогда больше не уходи от меня. —

У Маши, как только она увидела дочь, сразу отлегло на сердце. Душа болела и переживала за неё. И в мыслях она себя очень ругала.

Катюшка после смерти Ильи выручала её, сидела с маленькой Верочкой, давала своей матери время, что – бы притупилась её душевная боль. Брала заботы на себя о маленькой сестрёнке.

Если и должен был появиться мужчина в их доме в роли отчима, то нужно делать это постепенно и очень деликатно. Что ни говори, девочка была права. И это её поведение совершенно оправданное.

Маша спешила выпроводить Антона на станцию, ничего не обсуждая, а Антон, хоть и собирался уходить, но было видно, что ему этого совсем не хотелось. Надев на плечо дорожную сумку, он подошел к Катерине, виновато и с сожалением в голосе произнес. —

– Ну что ж, Катюшка, давай прощаться. Надежд своих я не оправдал, попытаюсь исправить всё бегством. Прости. Маму не осуждай. Только ты должна знать, что мы с твоей мамой стали хорошими друзьями, с моей же стороны у меня к ней возникли самые высокие чувства. Поверь, мы сами этого не ожидали. Пусть и коротким было наше общение, но оно было настоящим. — Катерина решительно сняла сумку с плеча Антона. —

– Вы не правильно поступаете, дядя Антон. А как же Ваш друг? Вчера собирались к нему, а сегодня бегом в свою Германию? Нет. Так не пойдет. Мы решили идти все вместе на сопку, папа нас ждет. Что я ему скажу про Вас? Что сбежали? Ехали, ехали и раздумали? А ведь осталось то до него несколько шагов». Она говорила все громче и громче. Проснулась Верочка и вместе со своей куклой Катей встала возле старшей сестры. Сердито нахмутив бровки, топала ножкой в знак согласия Катерины. Антон без улыбки смотреть на это не мог, сел перед девочками. — Постояв немного в нерешительности, снял с плеча рюкзак.

– Хорошо. Я остаюсь. Сходим сейчас все к вашему папе, а потом я уеду.

Маша бросилась собирать гостинцы для мужа на сопку. Она всегда так делала. Наливала в бутылочку чистой воды, по дороге покупала свежий хлеб, и почему – то, всегда, консервы «завтрак туриста». Для Верочки взяли мячик. Антон тоже засуетился, он был благодарен Катерине за её слова.

Через несколько минут все были готовы к походу, А через час уже стояли у подножия сопки.

Антон восхищался красотой Урала. Могучие ели и сосны доставали до неба. А после того, как они все вместе забрались на вершину сопки, он не переставал удивляться:

– Надо же, а ведь я это все видел в Забайкалье! Там почти все так же, как и здесь и даже травы одинаковые, Вот например, Иван – чай, брусника, багульник. Катерина заглядывала в глаза дяди Антона и спрашивала.

– Правда, очень красиво?

– Не удивительно, что мой друг Илья выбрал это место для жизни. Всё есть в этих местах, и озера и леса, кедровые шишки, грибы и ягоды. Как жаль, что так рано он ушел. —

Посмотрев на Катерину, тут же исправился —

– Но он все равно с нами и мы к нему пришли. — Катя благодарно улыбнулась гостю, и убежала помогать маме выкладывать на скатерть продукты. На середину скатерти, среди продуктов Маша поставила чистую воду в стакане, положила кусочек хлеба, рядом зажгла свечку. Произнесла —

– Сейчас позавтракаем все вместе, накормим Илюшу, а потом с ним пообщаемся, каждый по отдельности. Катерина радовалась, что они вот так все вместе пришли на папину сопку. Все неприятные события сегодняшнего утра она вмиг забыла —

– Да, вы пообщаетесь, а я, может быть, даже с папой полетаю. —

Маша и Антон переглянулись, посмотрели на счастливую Катюшку, гость из Германии решили подыграть девочке —

– Давай, Катерина, действуй. Я тоже хочу поговорить с другом, кто знает, может и я смогу его присутствие ощутить. —

Вскоре все разошлись по вершине сопки кто куда – Верочка стала катать мячик, Антон ушел в самый дальний уголок сопки к березкам. Маша взяла недоеденные консервы, хлеб, водичку, подошла к молоденькому пушистому кедру, положила возле него все это снадобье. Не успела она это все разложить, как прилетела птичка, уселась на самой верхушке кедра и, не пугаясь Маши, стала усердно чирикать. Женщина замерла, боялась спугнуть птичку. Внимательно разглядывая её, обернувшись, не подглядывает ли кто за ней. И убедившись, что каждый занят своим делом, вдруг шепотом спросила, обращаясь к птичке —

– Ты кто? – Птичка тут же перелетела с ветки дерева к ней на плечо, потом вспорхнула, нашла раскрошенные Машей крошки хлеба, стала их клевать и запивать водичкой из стакана. Пока птичка угощалась, Маша что – то шептала, глядела на птичку и улыбалась.

Катюшка сидела на теплом камушке, закрыв глаза, ожидала прикосновение отца. Оно всегда бывало по – разному; то кто – то не видимый пощекочет ей ухо травинкой, то вдруг послышится красивая музыка. Или вдруг легкий ветерок пробежится по её голове, погладив волосы. Не дождавшись присутствия отца, она открыла глаза и осмотрелась вокруг, ей было интересно, чем сейчас заняты мама и дядя Антон, может папа сейчас с ними? Да. Вон мама с кем – то шепчется, увлеченно. Явно с кем – то общается. Она улыбнулась. Поверила! Мама поверила, что папа жив! А вон дядя Антон, задумался, смотрит вдаль, стоит во весь рост, почти до облаков достает. Стоит, как когда – то её отец стоял на этом же месте. Надо же! Удивилась сама себе Катюшка. Издалека они так похожи – отец и его друг. Наверное, сейчас дядя Антон вспоминает своего друга и хочет его увидеть. Может папа сейчас возле него? Пусть. Я подожду.

Верочка, по обыкновению баловница и шалунья, сейчас спокойно сидела с мячиком на травке, кому – то улыбалась и что – то говорила. Вдруг Катюшка поняла – отец её сейчас здесь – со всеми. С каждым общается и всем сейчас хорошо. Каждый из них чувствует его присутствие.

А тут и Катерина уловила его родной голос сквозь ветерок, сквозь качающиеся ветви сосен. И стало весело, солнечные лучики щекотали её лицо, манили за собой вверх. Кт – то бережно подхватил её, и она запарила над землей, над сопкой. Сегодня отец уже подальше её увлёл в путешествие. Вот уже и сопка скрылась из глаз, под собой девочка увидела свой родной поселок, свой дом, она узнавала все знакомые места. Катюшка, как говорят, была сейчас на седьмом небе от счастья. Интересно – кроме неё видит ли кто её отца? Ну да это не важно. Главное, что они снова вместе. Отец и дочь. Не будем им мешать.

Кто терял близких и родных людей, они – то знают, как иногда хочется поговорить, пообщаться, да и просто хоть одним глазком увидеть своего самого дорогого человека. И это возможно, если очень захотеть. Только нужно вспомнить и найти то место, где ушедшему, в мир иной родному человеку было хорошо. Если его любил, умел его понимать без слов, то обязательно твое сердце приведет тебя к тому самому месту, где и случится встреча. Но и душу при этом нужно иметь чистую, не озлобленную, как слеза ребенка.

Дома, вернувшись с похода на сопку, все делились своими впечатлениями. Каждый доказывал, что именно с ним общался Илья и не отлучался ни на минутку. Все были удивлены, но и откровенно довольны. Маленькая Веруня устала и уснула так крепко, как никогда. Наигрался видимо и с ней Илья.

Катюшка пошла к себе в комнату, читать новую книгу.

Антон с Машей сидели на кухне и оба они не могли прийти в себя.

– Вот ведь как – проговорил Антон —

– Мне даже самому стыдно признаться, но я на самом деле видел Илюшу. Не четко, правда, но это был его образ. Мы разговаривали с ним. Даже не помню, как пролетело время – потом, немного помолчав, продолжил —

– Что это могло быть? – Маша тихо прошептала. —

– Знаете, Антон, сегодня и я его видела. В виде птички, но очень четко понимала, что это был он. Мы мысленно с ним разговаривали так, как будто ничего не случилось. Общаясь с ним, уловила его еле слышимый голос —

– Принимай все как есть, Маша. Почему он так сказал? А может мне это все почудилось? Только сейчас я прихожу в себя, начинаю понимать этот реальный мир. А там, на сопке всё понималось по – другому. Там хорошо, время, как будто бы замерло, даже мысли другие – лёгкие добрые. Красота вокруг и тишина необыкновенная. Мысли даже очищаются. Не зря Катюшке так нравится ходить туда. —

Они смотрели друг на друга, такие далёкие раньше и близкие сегодня. Смотрели долго, глаза в глаза. Антон произнес. —

– Может, мой друг имел в виду мой приезд, когда он произносил «Принимай всё, как есть?» Ведь и мне он шепнул такие же слова. Тихо, но я их расслышал. Может он пытается нас соединить? Знает, что не обижу его детей, потому что я для него уже проверенный и надежный человек. —

Антон попытался погладить Машины волосы, но Маша, испугавшись, что Катерина может увидеть, отстранилась от его руки, встала. —

– Что бы то ни было, но я не могу. Не могу и не хочу Вас обнадеживать. Вам надо уехать, я еще от этой неожиданности утра не отошла, да и дочери не хочу больше приносить неприятности. Она хоть и успокоилась, и приняла все как есть, но кто знает, что у неё там в душе? Может потом, как –нибудь позже мы что – то решим. Вы уезжайте, Антон. Сегодня можете остаться, но завтра, или в самый ранний срок Вы должны уехать. Не хочу больше огорчать Катюшку. —

Маша не заметила, как стала обращаться к Антону на Вы.

Катерина же увлеклась в своей комнате красочной книгой о путешествиях. После похода за город и общение с отцом она чувствовала себя умиротворённо и теперь рассматривала картинки в новой книге. Вот и Байкал. Дядя Антон долго рассказывал об этом замечательном озере. Он обещал девочек и маму свозить в чудесный край Забайкалья, где у него есть друзья. Много интересного в том краю. И в Германию дядя Антон обещал свозить. Нет. Зря она утром думала дурное о нем. Сама виновата. Вслух, недовольная собой, произнесла. —

– И чего ни свет, ни заря попёрлась к маме? Ведь не маленькая уже! —

Вечером Катюшка пожелала спокойной ночи дяде Антону, маме и отправилась спать. Потом она вдруг остановилась и отправилась назад, на кухню, где беседовали о чём – то своём взрослые. Опустив голову, перед гостем. —

– Дядя Антон, простите, что я Ваш подарок для мамы и нашего стола испортила. Мне очень жалко скатерть. Она была такой красивой! —

Девочка продолжала стоять в ожидании ответной реакции от мамы и дяди Антона, было видно, как переживает она за содеянное.

– Твоё отчаяние сегодня утром было вполне оправданным, и извиняться тебе не стоит. Мы с твоей мамой повели себя тоже не с лучшей стороны. Давайте друг друга простим. Ведь мы теперь будем друзьями. Согласна? А скатерть я ещё красивее куплю. —

Папин друг посмотрел с улыбкой на Катюшку, подмигнул ей, и вдруг она весело ответила —

– Давайте всю жизнь дружить! – Она обняла по очереди маму и дядю Антона и с облегчённым сердцем убежала к себе. Прихватив новую книгу, улеглась в постель, радость сегоднешнего дня и надежда на то, что дядя Антон будет всегда с ними, умиротворяли девочку и в надежде на всё хорошее она уснула.

Утро следующего дня было солнечным. Лучи солнца грели и щекотали Катино лицо. Она сладко потянулась в постели, с радостью вспомнила вчерашний день, когда они все вместе ходили на папину сопку.

– Интересно проснулись ли мама с Антоном? Сейчас они дружно, все, будут завтракать, как в больших нормальных семьях. Только сначала нужно сделать зарядку, папа лентяев не любил. Умывшись и потренировавшись на снарядах, Катерина побежала к маминной комнате, постучала в дверь

– Мама, пора завтракать, а то нам с Верочкой нужно идти гулять, три дня во дворе не были. Из комнаты вышла Маша, не глядя на дочь, прошла мимо неё на кухню. Тяжело вздохнув, ответила. —

– Хорошо, что не были. Дети спокойно поиграли эти дни без ваших нашествий в песочницы. —

Катя удивилась. —

– Нет мам, мы хорошо будем себя вести. Я не буду больше Верочку учить хулиганить. Ведь теперь у нас есть папин друг. Он нас будет защищать. А когда его не было, нам приходилось делать это самим. Мам, ну чего ты? Ты плачешь? – Маша посмотрела полными слёз глазами на дочь —

– А кто тебе сказал, что он будет с нами жить? —

– Он ушёл? – Раздосадовано спросила девочка. Ей было больно видеть мамины слёзы, переспросила ещё раз уже громко —

– Ушёл? —

– Да – ответила Маша, не скрывая своих слёз, которые уже потоком лились из её глаз. Катерина растерянно бормотала —

– Я же извинялась. Я просила у него прощения. Это я виновата! Я! Выходит, я всё испортила. Я самая дрянная девчонка. Я его остановлю, мама, остановлю. —

Лихорадочно набрасывая на ходу курточку, Катерина выбежала из дома. Маша хотела удержать её, знала, что Антон уже уехал, но девочки уже и след простыл. Катюшка прибежала на станцию, откуда недавно отошёл автобус, на котором уехал Антон. Снова будет тишина в доме, словно кого – то похоронили. Катерина села на лавку, чтобы отдышаться, подумала. —

– Почему у одних всё нормально, а у других что – то не складывается? Вон суетится семья с чемоданами, сразу видно, на юг собрались. Шляпы за спинами, мячик в сетке. Папаша хлопчет возле кассы. Едут куда – то всей семьёй. А у нас же всё не так как у людей. Послал нам Господь Антона, может быть он мог бы когда – нибудь стать отчимом. Пусть и не родным отцом, но зато сложилась бы семья! Так нет же, я влезла со своим дурацким характером во взрослые дела и всё испортила. В кого я такая противная уродилась? —

Катерина вздохнула, встала со скамейки и поплелась к дому. Изменить уже ничего нельзя – дядя Антон уехал. Настроение у неё пропало окончательно. Хотелось сделать что – то скверное. Она остановилась, увидела мужчину, который вёл малыша, а тот упирался и что – то просил у отца. Отец сюсюкался с сыном, уговаривал его, а тот топал ногами и даже не хотел его слушать. Катюшка, лишь поравнялись с ней эти двое, показала маленькому сорванцу «козу» – поставила два пальца над головой и, наклонившись над самым лицом упрямого мальчишки, громко помычала, как корова:

– Му – у. – Мальчишка испугался, завизжал от неожиданности, а его папаша, схватив своего отпрыска на руки, возмущённо что – то кричал вдогонку наглой девчонке. Катерина быстрыми шагами отправилась домой, где оставила свою маму в слезах.

Маша, после ухода дочери не переставала плакать. В первую очередь ругала себя. Кому она сделала хорошо, когда умоляла Антона уехать? Ведь даже Катюшка её поняла, приняла его. Зачем нужно было прогонять хорошего человека! Из такой дали ехал к ним, а побыл всего один день. Пусть бы пожил у них ещё какое – то время. Возможно, за это время их неопределённые отношения друг к другу стали понятнее для обоих. Самое страшное в том, что она, Маша, успела его полюбить. И признаться себе в этом было ей стыдно. И что теперь с этим делать, она не знала. Впервые к ней пришла любовь, впервые, после смерти мужа. Не думала она до этого ни о какой любви, жила только воспоминаниями об Илюше, да с болью в сердце смотрела на своих дочерей, которые растут без отца. И вот этот приезд Антона теперь разбередил всю её душу. Зная незнакомого человека всего лишь один день, возможно ли думать о том, что это и есть тот единственный, которого она даже не ждала? Но что делать, если сердце уже рвётся к нему? Если поняла она, что так без него ей плохо! Усмирить – бы свою гордыню, да побежать за ним, вернуть его и снова стало – бы светлее и уютнее в доме. Да куда бежать, если автобус увёз уже его в город.

Хлопнула входная дверь. Маша быстро вытерла слёзы, пошла в прихожую. По маминому виду, Катерина поняла, что она плакала и так же, как её старшая дочь, огорчена отъездом гостя. Сказала неуверенно —

– Может, поехать в город? На такси можно ещё догнать автобус. —

– Нет, дочка, не стоит. Мне стыдно будет. Я его выпроводила и тут же помчусь следом за ним. Неудобно мне. Он так не хотел уезжать. Ему хотелось ещё побыть с нами. Ночью дядя Антон строил планы. Восторженно говорил о том, как хорошо будет всем нам в его усадьбе в Германии. Недалеко от них находится русская школа, где вы с Веруней могли бы учиться. Как была бы рада его мама! Старушка ждёт – не дожждётся того дня, когда их большой пустой дом наполнится детскими голосами. Когда её единственный сын, наконец – то приведёт в дом жену. Мама у него очень добрая и желает своему сыну семейного счастья, которого, как и у меня, сейчас его нет. На это лето Антон приглашал всех нас в гости. Посмотреть сначала всё своими глазами, что бы затем согласиться на переезд к нему. Но я все его горячие планы пресекла и попросила как можно быстрее покинуть наш дом. Зачем я так поступила? —

Маша беспомощно смотрела на дочь, утирала глаза и всхлипывала.

Катюшке стало жалко маму —

– Он мог бы и сам догадаться, что бы ещё остаться у нас пожить. Не маленький. Не плачь, мам, он просто сбежал, как это бывает с многими мужчинами. Завлёл тебя своей Германией. Лично я ни за что бы туда не поехала! Жили без него и дальше проживём. – Потом вздохнула глубоко, как взрослая —

– Жаль, что опять остались без мужика в доме. Снова потекут серые будни. Мам, ты только не плачь. Папа не любил это. А я что –нибудь придумаю. Веруня, одевайся, пойдём на улицу —

– Ради всего святого, Катерина, ничего плохого не делай, ничего без меня не предпринимай. —

Верочка возилась с куклой, нажимала пальчиком на глаза с пушистыми ресницами, и одеваться не торопилась. Грубо отшвырнув в сторону новую подружку Верочки, Катерина грубо и в сердцах крикнула. —

– Не нужны нам всякие немки! Наши куклы не хуже! И повторила сестрёнке —

– Одевайся, горе моё. – Потом повернувшись к матери, повторила в гневе —

– А он тоже хорош – не мог настоять на том, что – бы остаться. Друг называется! Что ли женщины должны бегать за мужчинами? Не думай ты больше о нём, мамочка. Проживём как –нибудь. Обещай, что не будешь больше плакать. —

Маша улыбнулась, обняла Катерину —

– Спасибо тебе, дочка. Что – бы я без тебя делала?

Оставив мать наедине с собой, сёстры ушли. Выйдя из подъезда, оглядев свой двор, они шагнули навстречу новым приключениям.

– Стучат колёса вагона, мчится поезд, стараясь точно по расписанию доставить своих пассажиров по своему назначению. Мелькают станции и полустанки. Меняются зимние пейзажи за окном. Скорый поезд всё ближе и ближе сокращает расстояние между Лёнкой и его отцом. Но ехать ещё долго.

У Леонида за время поездки дел набралось немало. Он успел со всеми перезнакомиться, выходил на станциях вместе с проводниками вагона на улицу подышать, подбрасывал в титан уголь, что – бы был кипятик, смотрел без усталости в окно, удивляясь необъятным просторам своей Родины. Как много интересного в поезде! Оказывается, здесь целая жизнь! Наслаждайся, Лёнка этим путешествием, радуйся счастливым минутам, запоминай станции и полустанки, знакомься с добрыми новыми попутчиками. Они останутся в твоей памяти на всю жизнь. Такие путешествия вдохновляют и окрыляют. Любуйся сказочными заснеженными деревьями, пробегающими за окном вагона. Пока ты будешь наслаждаться этой поездкой, всё то расстояние, какое осталось до твоего отца, нужно продолжить книгу сюжетами из жизни твоих родителей, когда они были такими же, как ты, а то романа не получится. Тебе, же, Леонид, мы пожелаем счастливого пути.

Пока поезд сокращает расстояние между ним и его отцом, мы продолжим воспоминание Лёнкиной мамы о своём детстве. Дальняя дорога всегда располагает к этому.

Вот и сейчас, Катерина, прикрыв глаза, сразу увидела всю ту картину, когда друг её отца покинул их дом. Ярким отрезком всплыли отрезанные бархатные шарики с яркой скатерти, большая кукла из Германии, её, Катина истерика в маминой спальне ранним утром.

Оставив мать наедине со своими переживаниями после ухода Антона, сёстры вышли во двор. Внимательно его оглядев, они приступили к действиям. Веруня, заметив в песочнице Алёнку с новым ярким ведёрчком, а Ванюшку с новым грузовичком, поймав Катеринин взгляд, который давал согласие на разбой, приняла воинственный вид и не успела Катерина моргнуть глазом, как из песочницы уже бежала к ней сестра, размахивая жёлтым ведёрчком и Ваниной машинкой. Следом неслось

– Опять вышли эти две разбойницы. Нет, так продолжаться это не может. Нужно их в милицию отправить, раз матери не до них. Безотцовщина! Управы на них нет! —

Мамаши возмущённо что – то ещё кричали вслед двум хулиганкам, но девчонки уже мчались на велосипеде по дороге, ведущую за посёлок. Велосипед Катерина успела отнять у толстого Васьки, по прозвищу «Бублик». Мать его работала в шахтёрской столовой, торговала разными пирожками и булками. Оставшийся товар доедал Васёк и поэтому всегда что – нибудь жевал. Всегда восседал на своём велосипеде с булкой во рту. Васёк старше Катерины был на целых два года, но он побаивался бойкую и шуструю соседку, поэтому в запасе всегда имел пирожок и для неё. Велосипед он никому не давал, но Катерине разрешал кататься.

В этот раз она без церемоний отобрала у мальчишки велосипед и, посадив на багажник свою сестру, они помчались на всей скорости прочь от дома. За посёлком Катя остановилась, упала на зелёную травку отдышаться. Педали крутила без остановки и теперь сердце её бешено колотилось.

Верочка играла трофеями, рвала травку, складывала в ведёрчко и возила его в грузовичке. Она знала, что сестру сейчас лучше не беспокоить. Раскинув руки, Катерина смотрела в синее небо. Начиналось лето, всюду чирикали птицы, буйно зеленела листва, и можно было бы всему этому радоваться.

Да только радости не было никакой. Девочка думала о маме. Как она там? Появился в их жизни дядя Антон, и стало как то уютнее в их жизни. Но они с мамой сами всё испортили. Появилась надежда, и нет её. Так всё быстро произошло и теперь они снова одни. Мама, наверное, снова будет всё время молчать несколько дней, пока не придёт в себя, девочка знала её

характер. Надоело это всё Катерине. Плюнуть бы на всё, взять рюкзак и компас и уйти далеко. Она посмотрела на сестрёнку, которая уже крутила колесо велосипеда. Душа её тут же растаяла. Сказала со вздохом. —

— Куда же ты без меня? Снова, Верочка, мы остались без мужчины в доме. Рано мы с тобой расслабились, придётся продолжать защищать себя самим и дальше. Вот отобрали мы с тобой все эти трофеи. А зачем, как ты думаешь? Нас никто не обидел, а мы обидели. Но так надо, понимаешь? Я знаю, что папа наш очень сейчас нами не доволен. Но я приняла такое решение лишь для того, что бы в дальнейшем нас никто не посмел обидеть. Если мы сейчас не примем меры, то потом поздно будет. Мама наша за нас не заступится, слабохарактерная она, только плакать и умеет. Другие, видела, как кидаются в защиту своих отпрысков! А наша.. — Катя вздохнула, махнула рукой. —

— Ну, ничего. Мы им покажем! Сами справимся. —

— Да, справимся. — Уверенно поддержала сестру Веруня, продолжая крутить рукой педаль у велосипеда.

Неуютно стало после отъезда Антона. Маша сидела на кухне с остывшим чаем и прислушивалась к стуку дверям, вдруг раздумал их гость и решил вернуться? Удивительно, но уже с самых первых минут их встречи, она почувствовала в нём родственную душу. На какое – то мгновение не поверила в то, что всё это происходит не с ней. Совсем недавно она и думать не могла о том, что вот так всё случится, и она изменит памяти Ильи. Ведь решила посвятить всю свою оставшуюся жизнь своим девочкам, а потом и внукам, но ослепила нежданная любовь и погасла, как насмешка. Может и получилось бы – что у них, не застань их дочь ранним утром, а может так и должно было случиться. Какая уж тут судьба! Просто приехал человек проведать его семью – отдать долг, поклониться памяти друга. Зачем сразу мечтать о том, чего не должно случиться? Забыть, нужно забыть всё происшедшее, отправить в небытие, как вчерашний день. Случаются же слабости у людей, вот и у неё случилось. Маша подошла к портрету мужа, поцеловала его, проговорила —

— Прости, Илюша, моё мимолётное увлечение. Глупо и несерьёзно всё это было. Прости и друга своего, может он и хотел сделать для нас что – то хорошее от всего сердца, но если не получилось, значит так нужно. У нас с тобой самые замечательные дети! Особенно Катюшка. Всё понимает. Вот и сейчас; ушла гулять лишь потому, что – бы дать мне время подумать, успокоиться, прийти в себя. Нужно делать так, что – бы мои девчонки больше никогда не страдали, нужно жить жизнью дочерей. —

Маша пошла к умывальнику. Хватит киснуть, жизнь продолжается. В это время открылась входная дверь, сердце её на какое – то мгновение замерло – девчонки вернулись, или он...!

Вышла, волнуясь в прихожую. Там, на пороге толпилась кучка людей, а когда заметила среди этой толпы милиционера, чуть было не упала в обморок, но вовремя увидела своих девочек, которые протиснулись на передний край. Что случилось? Но по большому счёту её больше ничего не волновало. Главное, что её Катюшка и Верочка, живы и здоровы. Она сгребла их в охапку и стала шептать им, что она любит их больше жизни. Выслушав в свой адрес упрёки от разгневанных мамаш и от милиционера, Маша, обещала всё уладить мирным путём и обязательно разобраться с дочками. Мамаши соседских ребятишек не сдавались —

— Хулиганье растёт у Вас, Мария Леонидовна. Без отца скоро вовсе от рук отобьются. Потом поздно будет их воспитывать. — кто – то добавил —

— Тюрьма по ним плачет! —

Милиционер попросил всех по – хорошему разойтись, сделав последнее предупреждение Маше и её дочерям. Гвалт стих, непрошеные гости удалились. Катюшка смотрела на мать в ожидании наказания. Смотрела как небо, голубыми глазами своего отца. Как можно наказать такого ангела? Верунька стояла рядом с сестрой, крепко держалась за её руку. Она знала – для

неё, эта рука, самая надёжная. Долго смотрела на них мать, вдруг резко повернулась, побежала на кухню, открыла настежь окно и, увидев внизу всю ту же толпу мамаш, крикнула громко —

– Мои дети самые лучшие. У них есть и мать и отец и не смейте их больше называть безотцовщиной, они самые сердечные, в отличие от ваших детей. – Маше это показалось мало, она вскочила на подоконник, встала во весь рост в его проёме и, глядя сверху вниз на собравшихся, выкрикнула снова

– И больше не смейте на них жаловаться! Со своими детьми лучше разберитесь. Нечего промывать косточки моим очаровательным девочкам! Убирайтесь отсюда! —

Собравшиеся мамашы с удивлением смотрели вверх на молодую вдову, на ту, которая молчком жила все эти годы и была тише воды, ниже травы после того, как похоронила своего мужа. Никогда никому не противоречила она. Что случилось, что произошло, если она впервые вступилась за своих девчонок? Сейчас они видели другую женщину.

– Может в себя приходит? Слава Богу! – И, перешёптываясь между собой, стали потихоньку расходиться. Маша, после своего выступления оглянулась назад. Катерина и Верочка стояли так же, взявшись за руки. Две её кровиночки, самые хорошие на свете! Они обе улыбались, смотрели на неё с восхищением. —

– У тебя получилось, мам. Это было так здорово! Мы никогда не огорчим тебя. Мы гордимся тобой. А дядя Антон приедет! Обязательно приедет. Я ему напишу письмо. Хорошее и доброе». Слова старшей дочки ещё больше убедили Машу в том, что была права, когда, встав на их защиту, объявила всем, что её девочки ничем не хуже всех остальных детей. Обняв дочек, Маша проговорила:

«Никому не нужно писать. Вы моя семья. Папа с нами. Спасибо, Катюшка за урок.» Удивлённая девочка смотрела на новую, совсем другую маму. Ту, которую знала ещё тогда, когда жив был её папа. Катюшка обняла мать, прижалась к ней. Верочка тут же приклеилась с боку. Они слились в одно целое: мать и дети. Сердце Катюшкино билось ровно и спокойно – она поверила, что теперь у них по настоящему будет всё хорошо. А на следующий день Маша купила три билета на поезд. И через два дня она вместе с детьми ехала к своей матери в «Звонкие Ключи».

Глава 4

С той поры, как родилась Верочка, Маша ни разу не была у своей матери. А та не могла приехать сама на дальний Урал. Она держала своё хозяйство, огород и никак не могла всё это бросить. Ждала, когда дочь сама заявится. Маше дали на работе несколько дней, что бы отвезти дочек. Катюшка рада была тому, что, наконец – то увидит свою бабушку. Всего один раз то и видела, но запомнила её и полюбила. Баба Оля была доброй, весёлой. Знала всяческие поговорки. У неё была настоящая русская печь, ку да можно было залазить и закрываться пёстрой шторочкой. Был сад и огород, где росли даже арбузы. Бабушка встретила их со слезами от радости, охая и ахая. Мать и дочь не могли наговориться. Маша призналась, что вела себя по отношению к дочерям после гибели Ильи как – то не совсем по матерински, мало уделяла им внимание.

– Где – то упустила их воспитание, мама, решила вот привести их к тебе. Я знаю, у тебя хорошие воспитательские способности. Помню, в какой строгости меня воспитывала. Только прошу тебя, не переусердствуй. Они девчонки неплохие, только как – то сами по себе растут. У меня отпуск через месяц, я приеду, и тогда уже наговоримся обо всём. Катюшка наша мечтает о путешествиях, просто грезит ими, у них с Илюшей были планы – уехать на Байкал, да вот, видишь, как получилось? А из меня, какая путешественница? Так, что пусть она пока путешествует по окрестностям нашей деревеньке —

– А что? У нас здесь очень даже интересно. За раз всё не обойдёшь. Да и дел полезных столько, что хватит на всё лето. —

Баба Оля посмотрела весёлым взглядом на внучек. —

– А мне – то как будет с ними весело! Всегда завидовала своим односельчанам, когда к ним приезжали внуки на каникулы. Не волнуйся, доченька, всё у нас будет в полном порядке. Уж как я тебя просила привезти их ко мне! Наконец – то ты сделала это. У меня им будет хорошо, даже не сомневайся, дочка. – Маша ещё раз попросила. —

– Мама, ты их сильно не ругай, если что набедокурят. Они у меня добрые. Просто фантазий у них много в голове, ты уж тут за ними приглядывай. —

– Да не пугай ты меня детьми. Тебя же вот вырастила? Разберёмся, они уже большие. —

Бабушка смотрела ласково на внучек, и было видно, как она им рада!

Через два дня Маша уехала, а на следующий день в деревне Звонкие Ключи стали исчезать из курятника яйца. Соседка и давняя подруга Ольги Петровны Егоровна, обнаружив, что у её хохлатки исчезли все пятнадцать яиц, из которых должны были вот – вот вылупятся цыплята, возмущалась на всю улицу —

– Ну, куда это годиться? Всё, что моя хохлатка столько времени охраняла, вмиг исчезло. Вчера яйца были, курица спокойно сидела в корзине, а сегодня почти пустая корзина и курица в недоумении. Такого ещё не было. Наседка проворонила почти всё своё потомство! Кто бы это мог быть? —

Другая соседка с другого края улицы тоже сетовала на то, что и у неё пропали яйца.

– Вчера не успела собрать, поленилась, а сегодня утром всего три яичка осталось – Зато старый Трофим, сидя на завалинке, раскуривая свою трубку, хитро улыбался в усы —

– А у меня и кур нет, и яички лежат в сарайчике. —

– У меня тоже кур нет, а три яйца лежат в соломе, в пустом курятнике. Вот чудеса! – удивлялась почтальонша Валя, которая со всеми делами на почте, не имела возможности держать кур.

Соседи переглядывались, пожимали плечами и ничегошеньки не понимали.

Баба Оля на всякий случай, тоже сбегала наведаться в свой курятник. Она точно знала, что сегодня должно было быть шесть яиц. В плетёных корзинах она обнаружила только три

яичка. Удивлённая, она вернулась в компанию соседок. На самом деле, что происходят какие – то чудеса у них сегодня в деревне. Старушки долго думали – гадали, кто мог хозяйничать по их курятникам? Выдвигали разные версии, но все они не подходили. Потом повернулись к Ольге Петровне —

– Петровна, к тебе вчера внучата приехали, может быть, это они случайно наведались в сарай? – Баба Оля тут же наотрез отвергла эту версию —

– Нет, это не мои девочки! Больно охота им, городским, вставать в такую рань и по курятникам шастать. —

На этом все и разошлись по своим дворам, каждый с мыслями о том, что в этом деле есть какая – то загадка.

Потом постепенно случай с яйцами в сараях забылся и больше не повторялся. Но он мог бы и повториться, если бы Ольга Петровна не вывела своих внучек на «чистую воду». Как не хотелось ей верить в то, что это они лазали по курятникам, сомнения её рассеялись, как только она хитро вошла к девчонкам в доверие и добилась от них признания. Девочки наперебой стали уверять свою бабушку в том, что нужно всегда со всеми делиться. Это не правильно, когда у одного много, а у другого совсем ничего. Долго длилась беседа между бабушкой и её внучатами. Долго она читала им поучительную лекцию. Выслушав её внимательно, Катерина попыталась оправдаться —

– Мы же хотели, как лучше. Поделили всё поровну. В каждом сарае по три яичка. Мы и из нашего сарайчика взяли и так же поделились с теми, у кого нет яиц. — С непониманием Катерина смотрела на бабу Олю, а та продолжала с поучительным тоном. —

– У Егоровны хохлатка выводка своего лишилась. В тех яйцах цыплятки уже находились. Вот – вот должны были вылупиться. И что толку, что вы положили те яйца деду Тимофею? Соберётся он жарить яичницу, разобьёт яйца в сковородку, а в неё вывалятся цыплята. Стыдоба, да и только! Завтра же пойдёте извиняться. Никогда не приходилось так краснеть перед соседями. И что это вас именно в курятники понесло? Других дел, что ли нет? —

Баба Оля отчитывала сестёр, а заодно и их мать – свою дочь, и в конце своего нравоучения заверила их, что сама лично, по всей строгости закона, возьмётся за их воспитание. Катерина подошла к бабушке, обняла её и призналась в том, что всегда её интересовал вопрос о том, как же курочки несут яички? В их Уральском городке они продаются только в магазинах. Когда ехали в поезде, то Катюшка мечтала первым делом, когда придет к бабушке, навестить в её курятник. А уже в курятнике фантазия девочки дала развитие дальнейшим действиям. Долго смотрела баба Оля на свою старшую внучку, смотрела и чувства раздражения по поводу случая в курятниках сменились вдруг любовью и нежностью. Сколько ночей она не спала, думая о Верочке и Катюшке, как скучала она и страдала оттого, что не видит Машиных девочек. Сколько раз рисовала она себе ту картину, когда они все вместе встречаются. И отца у девочек нет. Да Бог с ними, с теми яйцами! Кур много, ещё нанесут, а вот девочки через каких – то пару месяцев, уедут и снова будет она коротать свои дни, одна одинёшенька. Махнув рукой на то, что было, Ольга Петровна решила побаловать внучек домашними пирожками с яблочным повидлом. Девчонки расцеловали бабулю в знак примирения, и всем стало сразу легко и радостно на душе.

И потекла деревенская жизнь в доме Бабы Оли размеренно и с приятными хлопотами. Все трое пололи картошку, поливали подрастающие огурцы, капусту, помидоры, разные цветы в палисаднике.

Бабушка не могла нарадоваться на девочек – они, на её удивление, оказались трудолюбивыми. По вечерам баба Оля пела внучатам старинные русские песни, а девочки, в свою очередь, веселили свою бабушку своим весёлым характером, хохоча непрерывно, заряжая и её хорошим настроением. А Катюшка удивляла своими знаниями; она рассказывала бабушке о городах, о народах разных стран. Показывала красивую книгу с фотографиями и пейзажами со всеми

красотами земли, ту самую книгу, что подарил дядя Антон. Баба Оля путешествовала пальцем по страницам книги и удивлялась, как огромна и прекрасна страна.

За всю свою жизнь она так нигде и не была, кроме своего районного городка, своей деревни, да близлежащих сёл. Сетовала на это и обещала внучкам этой зимой приехать к ним на Урал. Но как бы там ни было, бабушка заставила Катерину составить график расписания на каждый день, с обязательным его исполнением. И самое главное – дурных затей, как это было с яйцами, больше не придумывать. Утром девочки вставали рано, и с этим проблем не было. Вставали сами и этим самым даже удивляли бабушку. Не каждый деревенский житель мог вставать так рано, как например, Катерина. Вставала, умывалась холодной водой и тормошила свою сестрёнку, которая сначала нехотя, но вскоре уже плескалась вместе с сестрой у умывальника. Доставалось и бабе Оле, девчонки брызгали её водой, хохоча и поднимая ей настроение. Одно огорчало и волновало бабу Олю – если уж отлучались они от дома погулять, то до самого вечера их не дождёшься. И начинала Ольга Петровна волноваться, мало ли куда отправились? Здесь и лес недалеко и речка с виду тихая, да тёплая, а ступни на её середину – мало не покажется.

– Нужно вас познакомить с Раиской, местной девочкой. С ней вы не пропадёте, всё Раиска знает, все окрестности вокруг. —

Сегодня воскресенье. По расписанию у девочек выходной. Баба Оля разрешила им погулять, пообщаться с ребятами из их села, но не забывать о том, что они должны иногда давать бабушке о себе знать. На этот раз, к своему удивлению, они вернулись с прогулки быстро. В подлогах своих платицах каждая что – то несла. Ольга Петровна заметила это уже из окна и вышла на крыльцо. Подойдя к дому, девочки высыпали содержимое на крылечко. Это были огурцы. Каждая порядочная хозяйка свои огурцы узнала бы в лицо. Баба Оля была из их числа. Огурцы она не признала, не её они были – чужие. Огурцов было много, около ведра. Ольга Петровна, взяв себя в руки, присела на крылечко возле этих самых огурцов, оглянувшись, тихо спросила:

– Неужели наши так вымахали за два дня? А ведь только, только начали наливаться. Не наши это огурцы, да и сорт я совсем другой сажала. Что на это вы мне скажете? – она пристально и сурово смотрела на обеих сестёр по очереди и ожидала от них ответа. Те растерянно смотрели то на бабу Олю, то друг на друга. Первая нашлась Веруня:

– Там их так много, а на нашем огороде такие ещё маленькие огурчики. —

Катерина продолжила:

– А когда у нас вырастут, то мы угостим всех с нашего огорода. —

Но после этих слов щёки её загорелись малиновым цветом. Стало вдруг стыдно, ну почему это не произошло раньше? Ольга Петровна поволокла обеих в дом за шкуру. Какие слова она произносила при этом, можно догадаться, а в итоге заставила собрать все огурцы и отнести с извинениями хозяевам. Огурцы оказались с огорода Валентины, весёлой почтальонши. Сообразив по унылому виду девочек и, заметив в их подлогах свои огурцы, она догадалась, зачем пожаловали к ней гости. Подумав немного, засмеялась:

– Петровна, вот спасибо твоим внучатам за доброе дело! Когда же это мои огурчики успели вымахать? Ещё бы пару дней и они ни в какую – бы банку не влезли! Один единственный выходной, и то нужно было бы мне тащиться на огород. Спасибо вам, девчонки.

Валентина насыпала им в ладошки карамели в красивых обёртках, а те от удивления такого поворота события, стояли, как вкопанные, будто язык проглотили. Баба Оля отправила девчонок домой, а сама осталась с почтальоншей, судя по всему, сгладить инцидент. И снова объяснения и оправдания велись в доме Ольги Петровны. После длинного жаркого разговора про огуречное дело, Верочка сделала своё заключение —

– Надо свои огороды забором огораживать, тогда бы и огурцы никто не сорвал. И наш огород тоже надо огородить, пока огурчики наши не совсем выросли. —

– Никто из наших деревенских не воруют ничего с чужих огородов! Не принято это у нас, понятно? – Возмущённая баба Оля расхаживала по большой комнате и, было очевидно, что на этот раз она рассердилась на внушек вполне серьёзно и надолго.

Три дня добрая их бабушка, не разговаривала с ними. И все эти три дня девочки старались, как только могли исправить свою ошибку. Они мыли полы, подметали во дворе, чистили картошку, кормили кур, мыли посуду. При этом разговаривали друг с другом шёпотом, поглядывая на бабу Олю – может уже простила? Но Ольга Петровна была на этот раз, словно кремень. Словно воды в рот набрала – молчит и только по делу что –нибудь пробурчит. Но на утро четвёртого дня она произнесла громко:

– Сегодня иду рвать чабрец – душистую травку для чая. Кто со мной?

– Мы! – воскликнули вместе обе сестры, подняв вверх радостно руки, и мир был восстановлен.

На лугу, бушевавшим разнотравьем, сестры выискивали душистый чабер, или, как в народе её называют, трава Богородицы. Мятный её запах из тёплых ладошек умиротворить мог каждого. Ольга Петровна незаметно для внушек, наблюдала, как радовались те солнышку, удивительной красотой полян и большому простору:

– Вот, вот, пусть подышат чистым кислородом, Божественным воздухом, заполнят чистыми помыслами свои головки – напоив девчонок родниковой водой и, напившись сама, Баба Оля разлеглась в луговых травах, раскинув руки, увлекая к себе внушек, стала рассказывать о своём нелёгком детстве. Все трое смотрели в высокое синее небо, прищурив глаза и было в них бесконечное блаженство. Катерина спросила:

– Ба, почему твою деревню кто – то называет Большие Ключи, а кто – то Звонкие Ключи? Как правильно?

– А всё будет правильно. Раньше, когда было здесь лесничество, да стоял всего – навсего дом лесника, тишина была такая, что слышен был звон ключевых источников. А когда построили в этом месте совхоз, так звон ключей был заглушён жизнью людей этого села. Тогда стали всё больше говорить «Большие Ключи». Может быть оттого, что жителей стало много, а звон родников исчез? Так, или иначе, но ключи остались, и их не стало меньше, а, возможно и больше. Родники у нас особенные, всякую хворь излечат. Вода холодная, аж зубы ломит, но сколько не пей, сколько ни глотай эту ледяную водицу, никогда не заболеешь —

Бабе Оле было всё недосуг, что – бы познакомить Катюшку с Раиской. Вспоминала об этом либо поздно вечером, либо не в подходящий момент.

Поспевала клубника. Поспевала она не в каждом огороде и не в каждом палисаднике. В то время её только – только начинали внедрять по сёлам в огороды. И была она далеко не у всех. Не принимали ещё серьёзно эту культуру, считали баловством. Вон она, такая же ягодка – земляника на полянках раскинулась, Собирай, не ленись. Земляника, конечно же душистая и сладкая, да всё же клубника крупнее, ею можно быстро наладиться, в отличии от земляники. И манила крупная клубника детишек в чужие палисадники, хотя бы издали на неё посмотреть.

Манила и местных и приезжих. Имелась она всего лишь у трёх жителей деревни. Катерина с Верочкой тоже были детьми и тоже понимали вкус большой и душистой ягоды. Они случайно, прогуливаясь по улице, где жила их бабушка, заметили сквозь высокий забор красные, зовущие к себе, ягоды. Прильнув к забору, они попытались сунуть свои носики в щели досок и хоть одним глазком увидеть самим, как растёт эта чудная ягода. У них, на Урале такой нет. Не успев толком разглядеть весёлые манящие кустики ягод, как с другой стороны забора подлетел огромный свирепый пёс. От неожиданности девочки пустились наутёк. Опомнились уже в своём дворе. Еле – еле отдышались, никогда так ни от кого не бегали, ни от одного мальчишки. Надо же! Клубника растёт совсем недалеко от них, а увидели они её только сегодня.

А ведь мимо этого дома они не раз прогуливались. Убедившись, что баба Оля занята травкой, за которой они ходили в лес, девочки стали о чём – то увлечённо шептаться...

Следующим утром вставать, как раньше, не торопились. Ольга Петровна удивилась этому, но решила, что так оно будет лучше. Пусть понежатся у бабушки, а то придумали вскакивать ни свет, ни заря. Управившись по хозяйству, она решила испечь внучатам блинчики, Маша этим их не баловала, не любила возиться с мукой. В это время без стука вошёл сосед, который жил от Ольги Петровны через три дома.

Егор Степанович считался приезжим, хотя в деревне прожил уже лет десять. Жил он со своей женой, полной и скандальной бабой, с которой никто старался не связываться. Жили они одни, за высоким забором и никто толком о них ничего не знал. Егор Степанович всегда был суровым на вид, редко с кем говорил и занимался своим домом, пчёлами, большим садом. Плохого никому никогда не делал, но и хорошего тоже. Но если честно признаться, всегда помогал всей деревни по электричеству, так – как был большим специалистом по этому делу. Ольга Петровна удивилась этому визиту. Что привело к ней нелюдимого её соседа? Он начал с порога:

– Вот от тебя, Петровна, я никак не ожидал такого хулиганства, вернее от твоих внуков. Раз приехали, так надо бы за ними следить, учить, что такое хорошо, что такое плохо...

Дальше продолжить он не успел. К ним подошла в ночной рубашке Катерина. С виноватым видом, словно нахохленный воробушек, она предстала перед Егором Степановичем с опущенной головой, с хрипотцой от сна она произнесла:

– Не ругайте бабушку, она не виновата, это мы с сестрой лазали в Ваш палисадник. Мы немного сорвали ягод, всего несколько штук, только попробовать. У нас на Урале растёт только картошка, да брусника в лесу. Мы больше не будем, простите нас. —

– Да, больше не будем, простите – это уже Веруня извинялась перед Егором Степановичем,

Она, так же, как её сестра, сонная и лохматая стояла и ожидала наказания. Верочка стояла плечо к плечу рядом с Катериной, слегка, пошатываясь после сна, так же, как и её сестра похожая на нахохлившего воробышка.

Ольга Петровна все это время сидела на стуле и от всего услышанного не могла ни говорить, не двигаться. У нее никак не укладывалось в голове, что ее внучата воришки. Начинается с малого и не поздно ли уже бить тревогу? Куда смотрела Мария? Ей стало страшно. Придя в себя, подняла глаза, полные гнева, посмотрела на сестер, произнесла:

– Да Вас не перевоспитывать надо, а сдать в милицию. Пусть с Вами там разбираются – Катерина с Верочкой поняли, что сейчас от бабушки пощады им никакой не будет. Извиняться бесполезно. Стояли все так же плечо к плечу, взявшись за руки.

Вчера вечером им казалось, что ничего плохого не сделали, сорвали всего – то несколько клубничек. Но сейчас чувствовали себя скверно. Катерина шептала:

– Это ты, Веруня, моталась по всем грядкам, наверное, истоптала все кусты:

– Темно было, я на ощупь искала ягоды. Как еще нужно было? – так же шепотом отвечала сестре Верочка.

Выручил девчонок все тот же Егор Степанович. К большому своему удивлению и удивлению бабы Оли он, вдруг улыбнулся, глядя на провинившихся сестёр, стоявших плечо к плечу, готовые принять наказание и сказал:

– Не ругай их, Петровна, они не только могут баловаться, но и просить прощение – с этими словами он вышел из избы.

Баба Оля вышла провожать гостя. Долго не возвращалась. А когда вернулась, сестры заметили в бабушкиных глазах некую мягкость.

– Ну что торчите посреди комнаты, как изваяние, марш умываться, хулиганье. —

Баба Оля все же блинчики напекла, и, угощая ими внушек, слёзно умоляла, чтобы они больше никогда ничего подобного не совершали, иначе могут остаться без неё – бабушки.

Девчонки, уплетая блинчики со сметаной, уверяли бабулю, что больше такое не повторится.

Пересилив себя, Ольга Петровна простила их, а тут в их избу снова пожаловал сосед Ольги Петровны – Проничкин:

– Вот, Петровна, принёс твоим непоседам гостинец. Пусть полакомятся, ведь у них на Урале, действительно нет такой ягодки – и он поставил перед удивлённой Петровной лукошко с крупной, аппетитной клубникой.

Ну и ну! Неужто сам Проничкин решился на добрый поступок – накормить хотя бы соседей своей заманчивой и сочной ягодой? Баба Оля покачала головой, ещё раз удивляясь несвойственной доброте своего соседа, и продолжила печь блинчики.

После завтрака повела знакомить внушек с местной девочкой. Довела их до Раискиного дома, представила своих девчонок Раиске и отправилась обратно. Пусть сами теперь знакомятся. Девчонки её шустрые, да и Раиске палец в рот не ложи. Справятся. Не стоит им мешать. И она удалилась.

Катерина и Раиска какое – то время смотрели друг на друга, как бы изучая, затем протянули друг другу руки, пожали вяло. Они были ровесницы, но обе такие разные. Катерина была худенькая, невысокого роста. В кепке на боку и шортах она похожа была на мальчишку. На вид можно было подумать, что это хилое создание совсем ослабло и неплохо бы его подкормить. Так думала про Катерину Раиска. Они глядели друг на друга, и каждый имел своё мнение о новом знакомстве. Катюшка глядела на черноглазую свою новую подружку с некоторым любопытством. Она почувствовала в ней силу, характер. Таких Катерина уважала. Наверное, немного неуклюжая, потому что большая и полная. Да и одета, как бабка деревенская – юбка цветастая, кофта с оборками и многочисленными пуговичками. Раиска же продолжала оценивать Катерину уже не взглядом, а действием пожатия руки:

– Да. Если нажать посильнее, то эта худющая кисть может сломаться от пожатия моей руки – Катерина поймала мысль о её, якобы, бессилии.

– Если пожму её руку со всей силы, то пухленькие пальчики этой черноглазой превратятся в кашу – но тут же отбросила эту мысль – подумала, что черноглазой будет больно. Тут же вспомнила, что за её спиной стоит её Веруня – она уверена, что Катерина всегда и везде побеждает, уверена, что старшая сестра всегда её защитит, не перед чем и не перед кем не остановится. И Катерина решила на всякий случай дать понять своей новой знакомой, что сила у неё есть и впредь можно даже не пытаться обидеть её и её сестренку.

Она тут же нажала посильнее Раискину руку. Раиска руку не одёрнула – по глазам приежкой поняла, что их поединок вступает в силу – и тут же сжала руку Кати.

Ход перешел к Катерине, и она уже с большей силой и радостью для себя нажала руку деревенской девчонки так, что та и не ожидала. Катерина оглянулась. Вокруг них, откуда не возьмись, образовалась толпа ребятишек разных возрастов. Они с интересом наблюдали за происходящим. Раиска, оглядев своих приятелей, дабы не упасть перед ними в грязь лицом, прижала руку новенькой с такой силой, что Катерина чуть – чуть присела от неожиданности. Но за её спиной стояла Верочка, самый лучший её судья и арбитр. Катерина собралась, поставила ноги в упор, напряглась и была готова к новой атаке. Сжала почти до хруста Раискины пальцы. Катюшкины руки и ноги были натренированы почти с колыбели. Отец с детства заставлял висеть её на кольцах до изнеможения, по шведской стенке забираться без помощи ног до самой верхней перекладине и так же опускаться вниз. В ней, худенькой, городской девочке, была сила, натренированная спортом, сила уверенности в себе, сила и стойкость характера. Раискина же сила была от природы. Чувствуя на себе взгляды своих деревенских друзей, она

собрала всю свою могучую силу и поняла, что раздавит сейчас эту малявку. Раискины болельщики кричали:

– Райка, задай этой городской пигалице! – Верочка визжала, размахивая руками:

– Катька! Катька, не сдавайся, я здесь, с тобой. Нас двое, и ещё наш папка с нами, слышишь? – Катя слышала слова поддержки своей сестры и, вобрав в себя энергию всех тех, кто её любит, как учил её отец, приготовилась к полному сокрушению своего противника.

Неизвестно, чем бы всё это кончилось, если бы Катерина не почувствовала, как рука Раисина вдруг ослабла. Отчего так резко она сдалась? У неё ещё явно, были силы. Почему поединок она не довела до конца? В толпе Раискиных болельщиков пронеслось недовольное гудение:

– У – у —у.. – Все жаждали продолжения этого захватывающего зрелища. То, что делалось за спиной Катерины, Катя не видела. Зато всё видела её противница. А видела Раиска то, что просто повергло её в шок – вместе с сестрой новенькой, в поддержку городской девчонки, стоял её закадычный друг Пашка. Он почему – то «болел» за приезжую. Вместе с Веруней он кричал:

– Катька! Катька! – бойцовский дух Раиски сразу исчез. Чего – чего, а этого она никак не ожидала! Она была просто в негодовании. Как он посмел быть сейчас на стороне её противницы?

Катерина оглянулась. Рядом с Верочкой стоял худой, длинный мальчишка. У него были смешные, оттопыренные уши. Светлые волосы, словно лен, обрамляли его лицо. Голубые глаза напомнили Кате взгляд самого дорогого ей человека – её отца. Не может быть! Так не бывает, чтобы было такое сходство между чужими людьми, живущими далеко друг от друга! У них дома есть фото, где её папа в таком же возрасте. Она никогда не забудет взгляд голубых глаз своего отца. Встретившись взглядом, Катерина и мальчишка со смешными ушами смотрели друг на друга какое – то мгновение, но между ними, незаметно для окружающих уже успела пробежать какая – то искорка. У Катерины расслабилась рука, и выскользнула из вялой руки Раиски. Та по своему оценила взгляд новенькой на её друга.

– А этот и рад, стоит, раскапустился. Ну, погоди, получишь у меня! —

Раиска каким – то не видимым движением дала понять ребятам, что надо бы проучить этого предателя. И не успела она моргнуть, как ребята свалили Пашку на землю. Так вот кто помешал им всем досмотреть поединок. Пашка не ожидал такого поворота событий, быстро вскочил, посмотрел на свою ухмыляющуюся, стоявшую в стороне подружку. И понял – ждать от неё помощи сегодня не придется. Он только спросил, глядя на неё, тихо и как бы больше сам себе:

– За что? – Раиска, посмотрев на него с упором, повернулась и убежала. Только и мелькнули её толстые, длинные косы. А дальше на Пашку снова навалились мальчишки, свалили на землю и давай его мутузить. У них, видимо давно назревала ревность к этому худосочному, тихому и забитому своей матерью Пашке. Курить он с ними в лес не ходил, по садам не лазал. Пригрелся у юбки Раискиной и её семьи. Ни разу ещё битым не был приятелями. Уже все не раз передрались, а этот ходит под защитой своей соседки. Попробуй, только тронь его, так этот «Илья Муромец» в юбке так накостыляет, мало не покажется. Теперь же пришел и их черёд. Сам «Илья Муромец» дал добро на драку с Пашкой. Ринулись сейчас мальчишки выместить свою ребячью обиду на безвинного Пашку и впервые Раиска за него не вступилась. Ему на помощь кинулась Катерина. Она крикнула:

– Все на одного? Это здесь у вас такие законы? – и бросилась, ни о чем не думая, ничего больше не говоря, спасти незнакомого синеокого мальчишку. Она собрала всю свою силу и стала оттаскивать от него то одного сорванца, то другого. Катерине тут же досталась оплеуха и удар кулаком в глаз. Но теперь не выдержал и сам Павел. Всегда спокойный, не драчливый, он стал яростно отшвыривать от себя нападавших на него и на приезжую девчонку. Верочка тоже

не осталась в стороне – подняла какую – то палку, подлетела к куче дерущихся, размахнулась и, закрыв глаза, опустила палку на кого бог пошлет:

– Ах, так? На мою Катьку! – Один из дерущихся, не слабо получив по хребту, выполз из этой кучи, держась за спину. Постепенно куча редела, потасовка продолжалась до тех пор, пока не осталось дерущихся всего двое. Пашка, в разорванной майке и фингалом под глазом зло размахивал руками и если его не знать, можно было подумать, что он дерется часто, давно и беспощадно. Это и отметила для себя Катерина:

– Просто какой – то драчун этот парень. Дерется, сдаваться не собирается, хотя видно, что и сил то уже нет. и не хочет сдаваться. Но вот стоит, запыхавшись напротив рыжего, ждёт очередного удара. —

Павел дрался один на один с рыжим Петькой. Вот уж кто любил подраться у них в деревне в дело и без дела! Этот Петька так и ходил по деревне, цепляясь то к одному, то к другому, пока не напрашивался на драку. Теперь, в этом поединке с Пашкой, решил наконец – то с ним разобраться. Почти каждый мальчишка носил синяк под глазом от этого рыжего Петьки. Один Пашка оставался без его отметины.

Глава 5

Петька был почти всегда злой. Всегда был чем – то недовольный. Отец его пил, лез на мать драться. Особенно доставалось ему, Петьке. Почему – то отец считал виновным именно его в своих неудачах. Петька убегал из дома. Он бродил по окрестностям деревни, жил у своей бабушки, отцовой матери, но на отца ей не жаловался.

С работы Петькиного отца давно выгнали за пьянку. Последняя его работа была на ферме. Он был электриком, и совсем даже не плохим. Но и там он долго не задержался. Терпели, терпели его доярки, да и лопнуло их терпение. Уснет, бывало, где –нибудь с похмелья за коровником в бурьяне, а в это время аппараты доильные из строя выходят. Ищут, зовут Федора – нет нигде. Проспится тот и к концу смены выползает из кустов, ещё и на баб кидается, мол, специально сломали аппараты, чтобы не работать, что бы ему, Федору, работа была. Ну и не стерпели доярки, выгнали его из бригады.

И шатается теперь Петькин отец без работы. То на пасеку зайдёт, медовухи выпить, то в сад колхозный или на бахчу заглянет и там чем –нибудь поживится. Но мало кто его жалел. В основном гнали от себя Федора. Он всегда жаловался всем на свою судьбу, а Петька стыдился отца. Потом постепенно стал задиристым хулиганом.

Сейчас Петька стоял перед Павлом, тяжело дышал и злые его бесцветные глаза говорили о том, что бой ещё не окончен. У мальчишки проснулась вдруг злобная месть, которую он в себе таил на отца. Не давал выйти на волю. Теперь же она рвалась наружу, и

Петька решил её не останавливать. Сейчас он её всю до капельки выпустит. Попал под этот выплеск мести именно Пашка. Ему не привыкать к превратностям своей жизни. Он уже от неё ничего хорошего не ждет, значит так судьбе угодно. Зато из Петькиной души выйдет вся злость на своего отца, которого отовсюду гонят, гонят от беспробудного пьянства. Улетучатся печальные мысли о его матери, которая ходит битая и униженная, а он, сын, не может ей помочь. И угнетало это Петьку пуще всего. Сейчас он будет биться за беспутных своих родителей, которые его родили, а ума не могут дать. Ни ему, Петьки, не его младшей сестренке.

У Петьки ходили желваки. Кулаки налились новой силой, и готов он был сейчас все это свое кипение обрушить на бестолкового мямлю Пашку. Тот, с фингалом, распухшей губой и порванной майке, подстегнутый тем, что его излупили ни за что, тоже рвался в бой.

У него тоже были свои обиды на всю свою жизнь.

Раиска, его закадычная подруга убежала не вовремя, оставила одного биться с этим рыжим петухом. Новенькая – и та вступилась за незнакомого мальчишку, а Раиска знала, что Пашка никогда не дрался и наверняка будет ребятами повержен. Знала это хорошо, но всё равно оставила его один на один с толпой ребят. Ну, ничего! Это даже к лучшему – надо же когда –нибудь начинать становиться мужчиной. Все пацаны уже передрались кроме него – Пашки. А тут ещё девчонка новенькая за него вступилась, как будто он какой ни будь слюнтяй.

И у Павла впервые закипела ярая злость. Вспомнил вдруг бросившего их отца и так врезал рыжему Петьке по уху, что тот не ожидая такой прыти от тихони, свалился на землю. Мотая головой от боли, тут же вскочил и все деревенские пацаны стали свидетелями настоящего боя. Бились два мальчишки, озлобленные на своё не очень счастливое детство, вымещая, эту обиду друг на друга. Надо же, как то от этого чувства избавляться, и они нашли выход. Дрались долго, поднимая сухую пыль вокруг себя и не обращая внимания на разорванные майки. Сдаваться никто не хотел. Наконец – то оба выдохлись. Рухнули на землю, раскинув руки.

Раиска, вернувшись на поле боя стояла поодаль, наблюдая за происходящим. Бросив взгляд на Пашку, произнесла сама себе вслух:

– Наконец – то, без меня справился. А раны тебе пусть городская зализывает. – она перевела жгучий взгляд на Катерину и, круто развернувшись, снова побежала к своему дому. Команда болельщиков кричала:

– Молодец, Пашка! Не сдрейфил! – Катерина, дождалась, когда драчуны пришли в себя, подбежала к Пашке:

– Ну как ты? – Павел открыл свой один глаз, второй уже совсем заплыл, внимательно разглядывая девчонку, улыбнулся:

– У тебя финал не меньше, я сейчас на седьмом небе от счастья —

– Это от какого же?

– Да дерусь впервые, теперь я, как все пацаны – настоящие мужчины.

– Кто тебе сказал, что драться, это поступок? – Пашка встал, протянул лежащему Петьке руку:

– Ну, что мир? – рыжий Петька, которому здорово досталось от Пашки, сказал:

– Ну, ты и медведь! Силу в себе таил – протянув ему свою руку, встал. Сегодня они были оба победителями.

Душа у Петьки была свободной и чистой. Захотелось домой. Надо бы рубашку постирать и пришить пуговицы. Все это Петька делал сам, у матери своих хлопот хватало:

– Пойду мыться – он улыбнулся сквозь запеченную нижнюю губу, продолжил:

– Вечером встретимся все у клуба, – потом с уважением посмотрел на Павла —

– Теперь тебя Раиска оценит. Да и мы все тоже. – На Катерину Петька посмотрел, как – то по – особому:

– А ты тоже в клуб приходи, ты теперь наша. Вон и отметина под глазом. – Он дружески улыбнулся новенькой, добавил:

– Смелая. Уважаю таких. – И как воинственный петух после боя, в разорванной рубашке и распухшей губой, Петька отправился домой.

Дома подвыпивший отец ругался на мать. И увидев сына, тут же перевел свое внимание на него. Не успел Федор приблизиться к нему со своими пьяными нравоучениями, как Петька, что было сил, впервые заорал на него:

– Не смей на меня кричать, не смей на мамку кричать! Или ты живешь с нами и идешь на работу, бросая при этом пить, либо мы уходим с мамкой к бабушке. Понял! Не позорь больше ни мать, ни меня с сестрой. Иначе я за себя не ручаюсь! – Петька разбушевался так, что остановить его было уже не возможно:

– Собирайся мам, пойдем к бабе Тони. Уж лучше будем ей помогать и с ней жить, чем каждый день трепать нервы. Пусть остается один и живёт тут, как хочет. Без тебя пропадёт, да только это уже не наша забота. Пьяница и разгильдяй – он позор нашей семьи. Или я сам убегу из дома. Убегу уже навсегда! – Петькина мать не узнавала сына. Она испуганно смотрела на мужа, который вмиг отрезвел от Петькиного крика и сам недоумённо глядел во все глаза на сына. Высказав наболевшее, Петька пошёл к бочке с водой и сунул голову в тёплую от солнца воду. Нащупав хозяйственное мыло, всегда лежавшее у бочки на кирпичике, стал намыливать голову, шею, грудь. Наплескавшись от души смахнув руками с лица воду, открыл глаза и оторопел – перед ним с протянутым полотенцем стоял... отец:

– Вытрись, сынок. Губу сейчас мамка настойкой прижёт и к утру всё заживёт. Я эту настойку сегодня и принял. Гадость необыкновенная. Мало – то и принял, а такая ж она поганая, что хорошего человека довела до безрассудства. Вот только сейчас стало лучше. Я теперь на эту гадость смотреть не могу. И даже на любое спиртное обозлился. Сегодня отлежусь, а завтра пойду к председателю. Думаю, что какую – ни будь работу найдёт для меня. – Фёдор торопился быстро и обстоятельно донести до сына информацию о том, что и не виноват он вовсе, а просто подвела его неизвестная ему настойка, которую он просто хотел попробовать.

На самом же деле Петькин отец пуше всего на свете боялся одного – остаться одному в пустом доме. Жену свою и детей он любил, да за последние годы беспробудного пьянства всё больше и больше понимал, что скоро может остаться один. Лопнет терпение жены – заберёт она детей и уйдёт от него. И это было для Фёдора хуже смерти. Страдал от этого, но пить уже не мог бросить. Сейчас Петькины громкие слова вмиг отрезвили Фёдора, отозвались эхом в душе и заставили опомниться вдруг. Петька так долго и удивлённо смотрел на отца, что полотенце ему не понадобилось – высох за это время. Посмотрев на отца с неким пренебрежением, он вздохнул и прошёл мимо него в дом. На поле сражения остались Павел, Катерина и Верочка. Пашка, глядя на Катерину, сказал:

– Надо бы тебе примочки на глаз и на ухо, вон как разбарабанило! – Павел тоже красовался синяком и заплывшимся глазом. Веруня внимательно смотрела на двух потерпевших, выразительно произнесла

– Шикарные фингалы! —

Все трое рассмеялись и побежали на пасеку, где работал Пашкин дядя, родной брат матери. Пашка пообещал, что дядя Юра вмиг их вылечит. У него на пасеке разные настойки и примочки имеются. Дядя Юра увидев двух побитых, воскликнул:

– С крещением вас, дорогой племянничек и милая барышня. Поздравляю тебя Пашка с первым синяком, наконец – то ты становишься у нас полноценным мужчиной. – Он тут же сделал примочки на разукрашенные лица ребят, уложил их рядышком на тахту на двадцать минут, а сам ушел с Верункой в сад, показать ей пчелиные домики. Лёжа на тахте в пасечном домике, держа на глазах салфетки с отваром из трав, новенькая и Пашка познакомились поближе. Катерина рассказывала о своей жизни на Урале. О своей мечте – обойти самые красивые места на земле. Что бы был костер, была палатка и журчанье чистой горной речки. Она рассказывала парнишке о Байкале, обещала показать про чудесный Забайкальский край в книжке, которую привезла с собой.

– Ты знаешь, что такое багульник? Спросила девочка. Пашка, конечно же, не знал. Катерина продолжала —

– это такое растение с фиолетовыми цветочками в той же книжке. – Павел рассказывал о своей жизни в деревне, пропуская все невзгоды. Про плохое не хотел говорить – что было, то ушло. Они болтали обо всем на свете. Смеялись, глядя друг на друга своими подбитыми глазами. Пашка сказал:

– Теперь у нас с тобой одна пара глаз на двоих. Катерина добавила;

– Хорошо, что хоть одного цвета. – и они снова рассмеялись. Казалось, что эти двое были знакомы друг с другом давно.

Легко и непринуждённо общались, даже поведали друг другу о своих планах на будущее. Катерина в ярких красках рассказывала о чудесной природе на Урале, о том, что мечтает обойти весь свет с рюкзаком за плечами и хорошими надёжными друзьями. Увлечённо говорила о том, что Россия огромная страна. Удивительно красивая и необъятная. И столько ещё непроходимых троп на ней!

– Я обязательно, когда вырасту, уйду в путешествие по тем самым нехоженым тропам и может быть, открою для себя и всех новые прекрасные места. Новые залежи ископаемых, которые будут полезны для нашей страны. Но для начала, нужно выучиться на геолога, как мой папа – Катерина в этот момент пристально посмотрела одним глазом на Пашку, произнесла:

– Ты удивительно похож на него. Я сначала даже опешила. Ты увидишь его фотографию и сам в этом убедишься. – Пашка слушал с большим интересом городскую девчонку и восхищался её начитанности, восхищался её смелости и её интересной мечте. Про себя подумал:

– Интересно, смог бы я быть для неё тем самым хорошим и надёжным другом, которого она взяла бы с собой в поход? – Тихо и безнадежно сказал:

– Я заранее завидую тому, кто будет с тобой рядом в твоих походах, да и в твоей жизни. И очень жалею о том, что это буду не я – Катя приподнялась с топчана, хотела что – то ответить Павлу, но в этот момент на пороге она заметила Раиску. Ребята, как по команде вскочили, и уставились подбитыми глазами на неё.

Вот как! Он уже успел подружиться с этой новенькой! И где?! Лёжа на топчане! Раиска была злая на Павла, но ещё больше на неё, Катерину. Какая наглость! Успела прицепиться к деревенскому мальчишке, не зная о том, что он с самого раннего детства, её друг. А он, этот друг, развалился с ней на этом топчане и рад радёшенек! Хохочет с ней на всю пасеку! Раискина злость переходила в ярость. Хотелось накостылять им обоим, просто так, что – бы не задавались.

Она стреляла своим чёрными, сверкающими от негодования, глазами, то на одного, то на другого и немного отдышавшись, не изменяя своей черте – о ком – то заботиться, поинтересовалась:

– Что с глазами – то? – Пашка и Катерина убрали руки от глаз и посмотрели ими на Раиску. Когда же она увидела их смешные лица, их подбитые глаза, замешкалась в нерешительности, а через минуту хохотала вместе с ними заразительно и от души.

Раискина ревность исчезла так же быстро, как и появилась. С её стороны тоже нехорошо получилось – пришла эта приезжая к ней знакомиться, а она встретила её боем. Вот так познакомились! Сама смелая и решительная, Раиска отметила в новенькой городской девчонке такие же качества. И сейчас, на пасеке, они тут же помирились. Да и Пашка сегодня был просто героем, впервые принял бой, как самый настоящий мужчина. Ей захотелось их утешить:

– Да. Досталось обоим. Но ничего, заживёт. Дядя Юра и не такие синяки подлечивал. Обращившись к Катерине, сказала:

– А с такой девчонкой, как ты, я готова дружить всю жизнь. —

С этими словами Раиска подошла к Кате, протянула ей руку и теперь пожатия девчонок были крепкими и дружелюбными, как подобает настоящим друзьям.

Баба Оля, увидев Катерину с подбитым глазом, в разорванном платье, охнула и села на сундук:

– Да что же это такое! – Катерина, не давая бабушке опомниться, стала ей объяснять, что она сама учила её делать добрые дела. Вот она и заступилась за мальчишку. В драке досталось и ей. Ничего страшного в этом нет. Все они помирились, и сегодня вся деревенская ребятня пригласила её в клуб. Верочка подтвердила:

– Да, Катьку нашу в клуб звали, потому, что она дралась с мальчишками. Своей назвали. Я тоже помогала Катьке – как дала одному по спине, тот и выполз из кучи. —

– Из какой кучи? —

Баба Оля испуганно смотрела на внучек:

– Что мне с вами делать? Вы сведёте меня с ума. Месяца не прошло, а вы успели уже столько всего натворить! —

Она взяла у Верочки банку с мёдом, который передал дядя Юра, вздохнула, умоляюще посмотрела на девчонок и взяла с них последнее слово, что больше не будут её огорчать. Протопив наскоро баньку, Ольга Петровна лично сама отмывала их по очереди в этой бане, отчаянно натирая мочалкой шеи, ноги, спины и руки. А вечером, как не хотела баба Оля, как не сопротивлялась, девчонки выпросили у неё разрешение и стали собираться в клуб.

– Да как же можно идти в клуб с таким побитым лицом, Катерина? Что подумают люди?

– Ничего, ба, там все такие будут все ребята. – поспешила заверить бабушку Веруня.

У клуба сестёр ожидала компания деревенских мальчишек и девчонок. Они встретили их как старых знакомых. Особенно старался Петька. Он говорил громче всех, доводя до сведения каждого, что именно она, Катя сегодня доказала, что она настоящая девчонка. Она вступилась

за незнакомого ей мальчишку и подбитый её глаз доказательство тому, что она смелая, а значит, вполне заслуживает их дружбу. Все деревенские закричали:

– Ура! – Они были согласны, тем более, что это слышали от самого рыжего Петьки. Он знает толк в силе. Сейчас Петьку никто не узнавал – одет был, как с иголочки. Даже опухшая губа не мешала ему быть сейчас красавцем. Тельняшка, бескозырка на боку и начищенные до блеска чёрные старые его туфли были сигналом того, что приготовился он как на первое свидание. И кто был этому виной, всем было очевидно – приезжая с Урала. Только сама Катерина не догадывалась, откуда ей было знать, что этот рыжий впервые принарядился? Может всегда так ходит. Катерина посматривала в сторону Павла, ей хотелось ещё и ещё смотреть в его глаза, на его образ, который так схож с образом её отца!

Из клуба доносилась музыка граммпластинок. Парни и девушки кружили в вальсе, а младшее поколение толпилось у клуба, им танцы были не интересны. Куда интереснее наведаться в чей –нибудь огород или сад, а потом угощать ворованными яблоками или грушами своих деревенских друзей. Собравшись в круг, весь этот «мелкий» народец обсуждал план сегодняшнего вечернего досуга. Пока их старшие братья и сёстры заняты танцульками, они тоже без дела сидеть не собираются. Для начала решили уйти на школьный двор, там им никто не помешает разработать стратегический план ночного разбоя в сады и огороды. Среди всей этой ребятни находились и Катерина с сестрой.

Слушая и вникая во все дела деревенской детворы, в их разговор они не вмешивались, а просто думали про себя, что ни на какие авантюры соглашаться не станут. Они дали бабушке слово, что огорчать её больше не станут. Верочка только произнесла:

– Катька, не забудь, что нам нельзя. Бабушка больше не отпустит нас на улицу – она оглядела толпу деревенских ребят, добавила:

– Мы с Катькой ни в какие сады и огороды не полезем и есть ворованное не станем, это нехорошо. Мы уже воровали, нам от этого досталось и вовсе не понравилось. Пошли, Катька, домой, пока ещё куда –нибудь не вляпались. —

– Да, мы, пожалуй, пойдём, вы уж тут без нас, ничего героического в том нет, если обобрать одинокую старушку. Ты права, Веруня, ничего интересного нас сегодня уже не ожидает – Катерина с сестрой собрались уходить.

– Пойдите! – сёстры остановились, обе повернули головы назад, увидели рыжего Петьку, который торопился к ним.

– Не уходите, я придумал одну вещь, в которой вы смогли бы принять участие. – Многим пришло на ум, может Петька надумал помочь одиноким старичкам? Может бабе Зине траву прополоть в огороде? Она одна живёт, помочь некому. Но Пётр торопливо начал:

– Не полезем мы больше в чужие сады. У меня предложение будет другое. – Все насторожились; что ещё придумал их драчун Петька?

– У моей бабушки скоро день рождения. Сами знаете, что её будут поздравлять учителя, наш председатель. Приедет, наверное, как всегда лётчик с Хабаровска, бывший бабушкин ученик. Может, нам подготовить для такого случая концерт? – Воцарилась тишина. Чего – чего, а такого от рыжего забияки никто не ожидал. Молчание нарушила Катерина:

– Это совсем другое дело. Я, например, смогу подготовить акробатический номер с кем –нибудь. Может быть с Раей, если она не против. – Раиске понравилось предложение рыжего Петьки и она ответила:

– Я с удовольствием стану готовить номер с Катериной. Что тут началось! Каждый стал вспоминать свой талант, на что же он способен? Шум и гвалт стих не скоро, делили роли. Постепенно стали расходиться парами – кто с кем репетирует.

Сегодня Петьку не узнавал никто. Да он и сам себя не узнавал. Какое – то новое чувство в нём проснулось. У него был какой – то полёт в душе. Сегодня отец посмотрел на него другими глазами. Петька почувствовал, как испугался его отец, что может потерять сына, семью.

Обещал бросить пить. А для Петьки это было очень важно. Сегодня он порадовался за Пашку. Раньше он его не уважал – думал, что Пашка мямля и слабак. Но сегодня он доказал обратное. Сегодня Петька познакомился с городской девчонкой. Смелая и, наверное, много знает. Своим приездом эта новенькая внесла хоть какое – то разнообразие в их деревенскую ребячью жизнь. И сестрёнка у неё шустрая и забавная. Петька улыбнулся, вспоминая, как Веруня пыталась всеми своими силёнками помочь своей сестре в драке с деревенской ребятнёй. И за весь этот добрый, хороший день Петьке хотелось сделать что – то хорошее. Сейчас он шёл потихоньку за приезжими девчонками. Плёлся за ними, сам не зная, зачем. Другие они какие – то, не такие, как их деревенские. Смешные и отчаянные. Уже у самого палисадника Ольги Петровны Петька вдогонку им произнёс:

– Вы классные девчонки, приезжайте к нам всегда, а драться я больше не буду. Прости, Катя, это я тебе синяк поставил, не знал ещё, что ты не такая, как все. – Он развернулся и растворился в темноте. Сёстры остановились, оглянулись в темноту и никого не заметив, поторопились к своей бабушке.

С этой минуты деревня словно вымерла. На улицах ни одного мальчишки, ни одной девчонки. Каждый готовил свой номер. Готовил на совесть, потому, что Петькой были сказаны угрожающие слова. Пообещал накостылять от души тому, кто плохо подготовится. И каждый из них знал – Петька своих слов на ветер не бросает, обязательно накостыляет, если сказал.

Концерт готовился в секрете от взрослых. А взрослые не могли понять, куда подевалась ребятня? Пыльные деревенские улочки опустели, нет ни драк и даже стадион пуст – не гоняют пацаны футбол. Что – то здесь не так!

Генеральную репетицию решили провести у Раиски. Дом у неё большой, мать с отцом на работе, никто не помешает. О концерте из взрослых знала только пионервожатая Оксана, да Петькин отец, который, как оказалось, здорово играет на гармошке. Свой номер с отцом, Петька держал в секрете даже от всех выступающих. В остальном Оксана номера все понравилась, и она осталась довольна. Теперь её задачей было добиться разрешения выступления в клубе. Наступил день рождения Петькиной бабушки. Лётчик с севера, её ученик прилетел, как всегда, в этот день. Чествовали Ирину Сергеевну в школьной столовой; её поздравляли, дарили подарки. Председатель совхоза преподнёс самовар и красивый чайный сервиз. Петькиной бабушке говорили много добрых, тёплых слов, а потом слово попросила Оксана. Она объявила, что в честь именинницы школьники подготовили своими силами концерт и будет он проходить в клубе. Взрослые удивились такому приятному сюрпризу, особенно Петькина бабушка.

Все, кто находился в школе, дружно переместились в клуб, где сцена была украшена шарами и плакатами с поздравлениями. Удивлению взрослых не было конца – вот почему не было видно ребят, как обычно болтающих на каникулах без дела. Все собравшиеся стали хлопать, с нетерпением ожидая открытия занавеса.

После слов Оксаны, которая была ведущей концерта, первым на сцену вышел Пашка. Он хоть и тихо, но так выразительно прочитал стих про учителя, что все обернулись на Пашкину мать, которая даже прослезилась. Павлу хлопали долго. Потом выступали Катерина с Раиской, они тоже удивили всех своей смелостью в акробатическом номере.

Концерт завершал Петька и его отец. За кулисами эти оба так волновались, что их волнение передалось всем участникам концерта, тем более, что номер никто из них не видел.

На сцену вышел Фёдор, сын учительницы, тот самый сын, что последнее время никакой радости своей матери не доставлял, как впрочем, и другим жителям деревни. По рядам пробежал шепоток:

– Его мать уважаемая женщина, заслуженная учительница, а сын последнее время просто позорит её. Когда ума наберётся?» – Фёдор сел на стул, начал неуверенное вступление к матросскому танцу. Перешёптывания прекратились —

Федина гармошка всё уверенней и уверенней делала переборы. Русский народ любил её переливы и постепенно чарующие её звуки заполнили весь клуб и сердца присутствующих. Когда Фёдор поймал волну взаимопонимания с односельчанами, он дал знак сыну за кулисы для выхода. Они так договорились дома; знал Фёдор свой порок, знал отношение к себе окружающих. Теперь он решил своей гармошкой растопить лёд своих земляков, а дома обещал сыну стать наконец – то нормальным человеком, как и раньше. Он дал слово, что больше не придётся краснеть за него сыну и матери. И исправиться он решил именно в день рождения своей матери, сегодня, сейчас, на этой сцене, а сын ему в этом поможет.

Петька выходил из – за кулис в танце, словно всю жизнь участвовал в ансамбле песни и пляски имени Моисеева. Он лихо отплясывал «Яблочко», совсем никого не стеснясь. Ему было сегодня для кого танцевать; в зале любовалась им его бабушка, играл и волновался его отец, можно сказать, впервые, за последнее время, все видели сына старой учительницы в трезвом виде. А самым главным для Петьки было то, что за кулисами сейчас находится она, городская девчонка и так хочется ей понравиться! Ему так шла эта морская форма! И Петька этот факт очень даже понимал.

Своим танцем под гармошку отца он затмил все остальные номера. Петьке и его отцу аплодировали стоя, кричали «браво!», как настоящим артистам и не хотели расходиться.

После концерта Ирина Сергеевна радушно пригласила всех артистов к себе в гости на чай. Лётчик нёс самовар, Фёдор свою гармошку и новый чайный сервиз, подаренный имениннице. Следом шла толпа ребят, обсуждая концерт. Лётчик хвалил ребят и утверждал, что такого концерта он давно уже не видел, разве что по телевизору.

Петька ловил взгляд новенькой. Он так для неё старался, но признаваться в этом он не будет. Катерина же взгляд свой бросала на Пашку. Петька этот взгляд замечал – чего она в нём нашла? Худой, длинный, да ещё и лопоухий. Эти девчонки такие непредсказуемые! Петька вздохнул и тут же про себя решил, что обязательно добьётся дружбы с городской девчонкой. Он постарается совершить такое, что она обратит внимание именно на него, Петьку.

Пока закипала вода в новом самоваре, ребята пошли путешествовать по комнатам учительницы. Много старинных предметов было у неё. Одних китайских статуэток было такое множество, что все они на комод не умещались и стояли буквально где придётся. На комод, у окна в кувшине Катерина заметила знакомые серые веточки с нежными зелёными листиками. Это был багульник. Он уже давно отцвёл, но Катерина его узнала. Она сначала даже не поверила своим глазам, откуда здесь эти цветы? Оказалось, что их привёз лётчик.

Ирине Сергеевне так захотелось увидеть их на своё день рождения, и её ученик исполнил желание старой учительницы.

Катерина, глядя на этот букет, вспомнила Урал, маму, отца. Немного помолчав, произнесла:

– У нас это растение тоже растёт. Это багульник. В этом его названии заключено много; это и терпение и мудрость, сила духа, здоровье и многое другое – она наклонилась над серыми невзрачными веточками, потеряла один листочек, который тут же отозвался терпким своим запахом, закрыла глаза, глубоко вдохнула этот ни с чем несравнимый запах, потом встретила взглядом с Павлом, произнесла:

– Это тот самый багульник, который я обещала тебе показать. Вот он, понюхай его и на всю жизнь запомнишь его запах. Вместе с его запахом можно наполнить себя всеми теми качествами, которые я перечислила до этого – все с интересом слушали и смотрели на Катерину. Лётчик улыбнулся:

– А ты всё правильно сказала. Народом севера нравится это растение. Ты, оказывается, тоже здесь в гостях? Я очень рад, что так трепетно рассказала ребятам о багульнике, здесь он не растёт, но знать его нужно. Подошла Петькина бабушка. Она тоже понюхала северный букет, произнесла:

– У меня в палисаднике много роз, но почему меня тянет к этому растению всё больше и больше, не нахожу ответа. Когда – то я жила в краю этого удивительного растения. Если срезать веточки багульника зимой и поставить в кувшин с водой, то он непременно вскорости, расцветёт, радуя всех своими нежными сиреневыми цветочками. Пойдемте чай пить с конфетами. – За учительницей, с криками «ура» бросились все, кто находился в комнате.

У букета багульника остались Катерина и Петька с Павлом. Мальчишки как – то напряжённо смотрели друг на друга. Было ясно, что каждый из них хотел остаться наедине с приезжей. Выручила их Катерина:

– Совсем недавно вы оба стали победителями. Тот поединок дался вам не просто, но зато вы стали друзьями. Завоёванную дружбу в нелёгком поединке вы можете в один миг разрушить. А вот вернётся ли она к вам потом? Дороже дружбы ничего на свете нет.

Это очень ценная вещь, которой нужно дорожить. Так говорил мой папа. – Оба тут же перевели удивлённые взгляды на городскую девчонку, как ни крути, но она права. Сегодня праздник у всех и у них, Петьки и Павла тоже. Силы в бою у них были равные, и выступили сегодня они оба здорово. Не стоит вот так, запросто, перечёркивать поток счастливых событий, свалившихся на них. Молодец, Катерина. Смогла найти нужные слова для мальчишек и оба ещё раз убедились в том, что в головы девчонок тоже приходят умные мысли.

Мальчишки, пожав плечами, пошли следом за всеми, что – бы присоединиться к столу, за которым радостно хлопотала Петькина бабушка, угощая гостей чаем со сладостями.

Ирина Сергеевна долго благодарила мальчишек и девчонок за концерт, говорила тёплые слова своему сыну Фёдору, который так сегодня её порадовал, вспоминала с лётчиком весь их класс.

Ребята, уплетая конфеты за обе щёки, с удивлением слушали и удивлялись; как это старая учительница всё помнит? Вечером гармошка Фёдора разливалась своими переборами по всей деревне. Сын учительницы сидел на крылечке дома своей матери и играл для неё её любимые песни. Деревня облегчённо вздохнула —

– Наконец —то Фёдор принимает, ранее потерянный свой облик. Вопрос только один – надолго ли?

Так или иначе, но предложил ему председатель стать зав. клубом, так как эта должность сейчас была вакантной. Поверил ему ещё раз председатель и добавил ещё половину ставки на его гармошку, которая должна была играть по вечерам в клубе. И, как – бы не сглазить, дела в клубе пошли, как и во всех сельских клубах.

А Фёдора с той поры было просто не узнать. Нашёл, наконец – то он себе дело по душе. Он организовал художественную самодеятельность, выезжал со своим коллективом в другие сёла, занимал призовые места и радовал своих односельчан.

Лето пролетело быстро. Последний месяц с девочками жила и Маша. У неё был отпуск и провести его она решила в деревне, как и обещала своей маме.

Ольга Петровна на внучек своих не жаловалась. Что и было плохое, так это было вначале и нечего про то вспоминать.

А в конце лета Катерину и Верочку провожала почти вся деревенская ребятня. Пашка протянул ей свою руку. Задерживая в ней руку Кати, тихо сказал:

– Я буду тебя ждать. Приезжай. – Пашка долго не отпускал руку девочки. Стоявшая здесь же, Раиска, не выдержала, оттолкнула от неё своего друга. Пряча от всех свою ревность к городской девчонке, громко произнесла:

– Ну что, подруга, давай прощаться. Не забывай нас там, на своём Урале. А мы, в свою очередь тоже вас не забудем, есть, что вспомнить – Раиска подошла к Павлу, положила ему руку на плечо, давая понять Катерине, что он полностью подчинён ей, Раиске.

Повозка, которую любезно предоставил отъезжающим председатель, направилась к трассе.

Проводить дочь и внушек Ольга Петровна решила до самого города. Привыкла к девчонкам за лето так, что сейчас слёзно умоляла их снова приехать к ней.

Сёстры всю зиму вспоминали своих деревенских друзей и с нетерпением ожидали лето, что – бы снова их увидеть.

Суровая зима Урала своими морозами заставит каждого думать о летних солнечных днях. Скорее, скорее бы лето.

И оно наступило. Маша

Маша собирала дочерей в дорогу, к своей матери.

Не успели две сестры появиться в Больших Ключах, как по деревне понеслось;

– Приехали внучата к Петровне. Теперь так и жди – обязательно что – нибудь натворят. —

Ольга Петровна все эти разговоры слышала и, посмеиваясь, говорила:

– Да не такие они у меня, не такие! Подумаешь, в прошлом году всех ребятишек в поход за деревню увели на целый день! Что ж в том плохого? Зато детишкам, какая радость была! Костёр жгли, рыбу ловили, картошку пекли, всю зиму это вспоминали. Нам, взрослым некогда с ними заниматься. А моя Катерина вмиг организовала тот поход. Все вернулись целыми и невредимыми. Хоть бы спасибо ей сказали. Весёлые мои девчонки. Весёлые и добрые. Конечно большие фантазёрки, но это для того, что – бы жизнь не казалась такой серой и скучной. —

Ольга Петровна хлопотала у плиты – вновь, как и обещали, приехали её девчонки. И снова нужно их побаловать – блинчики со сметаной напечь.

Катя с Верочкой в свою очередь собирались порадовать бабушку. Они доставали из своих сумок подарки для неё. Не забыли гостинец и для Егора Степановича, привезли ему кедровых шишек и литровую банку мочёной брусники.

Баба Оля, переворачивая очередной блинчик, вздохнула, произнесла:

– Не нравится мне всё же он. Тёмная личность этот Егор Степанович. В этом году забор свой ещё выше сделал. Собаку сторожевую приобрёл. И от кого он всё прячется? Думается мне, что это он укрепляет своё подворье от ребятишек. Помнит ваш прошлогодний налёт на клубнику. Думаю, что очень хорошо помнит. Подумаешь – сорвали несколько ягод дети, так что ж теперь, закрыться от всего мира? Может, оттого такой нелюдимый, что детей не имеет? Живут со своей бабкой, как отшельники. Всё на рынок везут. Куда им деньги, для кого? Не понимаю таких людей. Гостинец, конечно, ему передадим, как ни – как, а тогда он принёс вам клубнику. Не мешало бы таким людям, как чета Проничкиных, почаще общаться с детишками, это помогло бы им стать чуточку добрее. И мир им не казался бы таким сумрачным. —

Катерина с Верочкой уже этим же днём встретились со своими деревенскими друзьями. Все вместе они, собравшись на школьном дворе, обсуждали дальнейшие планы.

У Ольги Петровны планы были свои.

У неё уже трое суток мокнет глина для обмазки сарая. Приезд внушек отодвинул на некоторое время эту работу. Сегодня утром она была готова к решению этой задачи. Приготовив девочкам завтрак, она приступила к работе.

Очередная порция глины летела в то самое место, где бывшая глина уже отвалилась. Эта работа угнетала пожилую женщину. Работы она не боялась, если та была в дело. Но эти сараюшки и курятник уже просто рассыпаются. Мажет она их, мажет, а после сильного дождя всё смывается, а вместе с этим и её труд.

– Тьфу, ты! На, тебе! – Она, разминая следующую порцию, с силой своего раздражения бросала ком глины, замешанный вместе с соломой, в очередную трещину сарая.

Размахнувшись в очередной раз, рука её застыла в воздухе, а неотправленная по назначению глина, тут же стала скользить по всей руке Ольге Петровны и шлёпнулась на землю. Вот тебе на! Сам Егор Степанович пожаловал. Идёт, руками машет, издали видно, что чем – то недоволен:

– Петровна! Я, конечно, тебя уважаю, но терпению моему приходит конец. Твои девчонки приехали и снова началось!»

– Что началось – то? —

– Клубникой снова поживились. На этот раз так, что у меня к тебе образовалось большое недовольство. И не говори, что это не они сделали. Никто до них ко мне за двухметровый забор не совал свой нос. За гостинцы, конечно, спасибо, но меры нужно принимать. Это просто разбой какой —то! —

У Ольги Петровны подкосились ноги.

– Ты уверен, Егор, что это сделали мои девчонки? Ведь только три дня прошло, как приехали. Я ничего такого не заметила. Ты бы сначала удостоверился в том, что это именно они залезли в твой палисадник. Сам то ты веришь в то, что они смогли преодолеть твои границы твоего забора?

– За руку я их не поймал, но чувствует моя душа, что это сделали они. Воспользовались тем, что мы с женой в город уехали. Удивительно другое – мою собаку в сети упаковали. Невозможно в это поверить! Без помощи мужика они не справились бы. Хочу сам их допытать, кто был у них в помощниках, у тебя это не получится, слишком ты им веришь, доверчивая ты. Здесь нужно подходить дипломатично —

Всё это время Ольга Петровна слушала Егора Степановича и не верила ему. Мальчишки этот налёт совершили. Не могли её девчонки полезть воровать клубнику. В прошлом году слово давали, что никогда больше не огорчат свою бабушку.

– Нет, Егор, ищи воришку в другом месте. Но если окажется, что это они, я больше такого не переживу. – Они оба отправились в дом Петровны.

Девчонки, к большому сожалению их бабушки, сразу признались в содеянном. Утверждали, что сделали это одни. Долго смотрели на сестёр Ольга Петровна и её сосед. У обоих никак не укладывалось в голове, как могли они попасть за высоченный забор, при наличии во дворе огромного волкодава?

– Ну и ну! Вам что, жить надоело? —

Удивлённо покачивая головой, ничего больше не говоря, Егор Степанович направился к выходу. У самой двери остановился, посмотрел на Ольгу Петровну, испуганно произнёс:

– В другой раз я за них не в ответе. Следи за ними, Петровна, следи в оба. Честно сказать, их уже не исправить. Я тебе не завидую, принесут тебе они ещё немало хлопот. Нет у нас с женой детей и, слава Богу! Я тебя предупредил – потом снова остановился и недоверчиво переспросил:

– Петровна, может всё же не их эта работа? Не могли эти малявки загнать моего Буяна в сети. Я всё – же сомневаюсь в том, что это сделали они. Попробуй их построй. Лично я с твоими непредсказуемыми внуками не знаю, как беседовать – с этими словами Егор Степанович поторопился покинуть дом соседки.

Баба Оля смотрела на двух сестёр, но думала о другом. У неё от своих мыслей вставали дыбом волосы. Она медленно встала, распрямилась, так же неторопливо вытерла высохшие от глины руки и, закрутив большое полотенце жгутом, начала стегать своих ненаглядных, любимых внучат этим полотенцем.

Стегала, куда попадёт и на кого Бог пошлёт. Бегала за девчонками по всей комнате пытаясь выплеснуть на них весь свой испуг, перемешанный с яростью.

Сёстры, не издавая никаких звуков, старались ускользнуть от хлёстких, сильных ударов скрученного полотенца и, вместе с тем смиренно ожидали окончания бабушкиной, вполне оправданной, агрессии. Устав бегать за девчонками, Ольга Петровна села на сундук, обессилено опустив руки. Слез не было. Ком в горле от страха за них и позорную воровскую их склонность не давали мыслям собраться в кучку. Всё перемешалось у неё в голове, но что –

то нужно было говорить, что – то вкладывать в их неразумные головы, пока не натворили ещё более масштабных дел.

– Скажите мне, пожалуйста, как вы смогли перемахнуть забор Егора Степановича? Я, честно говоря, не верю до сих пор в то, что сделали это именно вы. Может, по доброте душевной хотите чью – то вину на себя взять? Вы мне признайтесь, мне не будет так страшно. Верочка, ты мой ангелочек, я люблю тебя до последней своей клеточки. Признайся бабушке, не иди на поводу у своей сестры – хулиганки. Учись говорить правду. Ради всего святого, скажи мне, кого вы хотите выгородить? Я никому не скажу, но от этого мне хоть немного станет легче —

Веруня подошла к Ольге Петровне, обняла её, вздохнула, как взрослая, произнесла с большим сожалением в голосе:

– Держись, бабушка, но это сделали мы. Вернее Катька наша. Она у нас такая смелая. Её бы могла съесть собака, но моя сестра оказалась хитрее сторожевого пса. Мы должны гордиться ею. Ни один человек не смог бы обхитрить этого Буяна. Ну, скажи, Катька, что это так —

Баба Оля так посмотрела на Катерину, что та поняла – нужно рассказать бабушке о том, что подтолкнуло её на такой небезопасный неоправданный поступок.

– Вчера играли со всеми ребятами в мяч на стадионе. В это время Проничкины ехали на своей лошади в сторону города. На рынок ехали. Ребята даже играть перестали. Стоят, смотрят им вслед, негодуют, что всё на базар везут. Петька говорил, что однажды даже попросил их хоть немного угостить его клубникой. Так те ответили, что на чужое добро нечего рот разевать, пусть, мол, отец с матерью побольше работают, тогда и клубнику смогут купить своим детям. Петька обозвал их жадюгами, да и все ребята этих Проничкиных не любят. Я вот тоже думаю, неужели жалко было им угостить Петьку горсткой ягод? И на продажу осталось бы, и Петька не был бы на них так зол. Ольга Петровна так посмотрела на внучку, что Катерина быстро перестроилась на другую волну

– Я тоже не приветствую того, кто попрошайничает, того, кто зарится на чужое добро, но упрекать мальчишку, что его родители мало работают, это вовсе не тактично. И когда Петька с сожалением в голосе произнёс, что с каким бы аппетитом он сейчас съел бы клубнику, у меня вдруг вылетело:

– Я тебе обещаю, что клубники ты этой наешься. Когда я посмотрела вслед уехавшей телеге с четой Проничкиных, Петька посмотрел на меня с усмешкой:

– Ну, ты даёшь, Катька! Задумала сигануть к этим жадюгам во двор? Или кланчить у них ягоду? Если только купить, но заранее предупреждаю, что из – за принципа не стану есть ту клубнику за деньги. Ещё не хватало – своим деревенским продавать. Выбрось эту затею про клубнику. Не хочу я уже её. Не маленький. Нет, Катька, не суйся к этим Проничкиным в их огород —

– Я и сама уже с сожалением думала о том, что пообещала это Петьке. Пообещала то, что так связано с риском. Но ночью этот Петька своей надменной усмешкой, стоял перед глазами. И я решила, что не стану отказываться от своих слов. Сама себе произнесла

– А вот и сунусь, и нарву вам всем клубники, а заодно и себя испытаю —

На школьных спартакиадах Катерина была первой, лазала по деревьям лучше любого мальчишки и имела в голове кучу фантазий. А тут, какой – то забор и сторожевой пес! Теперь же ей вовсе не клубника была нужна, а своя самооценка. Справится ли она? Ведь дала обещание. Не ударить бы перед ребятами в грязь лицом.

Баба Оля слушала внучку и не хотела ей верить.

– Какое дело, этим мальчишкам, куда едут на своей телеге Проничкины? Их товар, им и продавать. Нехорошо это – зариться на чужое добро. —

– Да я знаю, бабуля, но попытайся меня понять! Я же обещала! —

– Хорошо, Катерина, я допускаю, что за забор ты как – то попала. Но собака! Там же такой волкодав, что от одного только его вида можно испугаться! – Верочка поспешила бабушкины сомнения развеять:

– Так мы ту собаку перехитрили – Катерина поддержала сестру:

– Мой папа говорил; что прыгать в омут с головой – это удел глупых, а если правильно всё рассчитать и хорошо подумать, то можно выйти практически из любой ситуации —

– Если бы твой отец узнал, что её любимая дочь становится воришкой, я догадываюсь, что бы он тебе сказал. А если верить твоим убеждениям, что он ещё тебя и видит, то пожалей его, Катерина, он наверняка не находит себе места на небесах —

– Нет, папа знает, что я никакая не воровка. Это просто проявление характера, смелости и не бросания своих слов на ветер. Может я и не подумала, прежде, чем сказать о том, что достану эту клубнику. Но я же обещала и поговорку «слово, не воробей – вылетит, не поймашь» я хорошо знаю и стараюсь ей не изменять —

Ольга Петровна выжидающе смотрела на Катерину. Та поторопилась продолжить свой рассказ:

– Мы с Веруней заметили, что собака Проничкиных очень любит конфеты. Когда мимо их забора идёшь, то так бросается, что ноги подкашиваются. А кинешь ей конфету, обо всём забывает. Пока она конфетой занимается, то не гавкает, в этот момент успеваешь пробежать вдоль этого забора. Мы уже сколько раз так делали с Верочкой – Баба Оля ужаснулась:

– Это ж сколько нужно было скормить собаке конфет, что бы ты всё успела сделать? Эта собака могла тебя порвать просто как тряпичную куклу! Вы с ума меня сведёте, Катерина! – девчонки наперебой рассказывали бабушке о том, как они перехитрили сторожевого пса Проничкиных.

План «клубника» созрел в голове Катерины почти сразу, как она необдуманно вдруг пообещала ребятам угостить их всех вкусной ягодой. Решила в долгий ящик дело не откладывать. В футбол уже не игралось. Она смотрела вслед уехавшим в город Проничкиным и обдумывала, с чего начать? Оставив

ребят на поле, они с Веруней отправились к дому бабушке. Убедившись, что та занята ремонтом сарая, собрали в кладовке пустые бутылки из – под керосина, быстро их помыли в бочке и отправились с ними незаметно от бабушки в магазин. Там эти бутылки сдали и, добавив немного денег из своих запасов, сёстры купили килограмм ирисок. По дороге съели по одной.

– Хорошие ириски, то, что надо – тянутся —

– Да. Вкусные. Нам теперь хватит дня на три. – Но Катерина невозмутимым голосом ответила:

– Это не для нас —

– Не для нас? А для кого же тогда мы мыли бутылки? —

– Для собаки —

Верочка остановилась. Ничего не понимая, прокручивала в уме слова сестры:

– А плохо ей не будет от такой радости? – Впервые она была не согласна со старшей сестрой, но встретившись с ней взглядом, поняла – что – то интересное ожидает их впереди, а поэтому нужно пока набраться терпения.

Дома с ирисок сняли обёртки. Катерина собрала все конфеты в одну кучу и стала мять, делая из них один ком. Верочка смотрела на то, как ириски превращаются в руках у сестры в однородную массу и ничегошеньки не понимала. Спрашивать больше что либо у сестры она не хотела. Просто бездумно смотрела на сладкий, липкий клубок и глотала слюну. Объяснив сестрёнке её обязанности, Катерина направилась к дому Проничкиных. За забором собаку не было видно. Но было слышно, как пёс, фыркая от радости, что его спустили с поводка, бегал по двору, радовался свободе передвижения.

Службу свою он знал и был начеку перед каждым шорохом. В такие минуты, когда хозяйева оставляли его одного, пёс чувствовал свою ответственность перед ними и их хозяйством. Он чувствовал даже какую – то гордость за себя. Ему доверили этот двор и он, Буян, достойно исполнит свой долг.

Сейчас, погоняв наглую бабочку, насторожился, поднял ухо. Услышал приближающие тихие шаги. Он знал – такие шаги самые опасные. Если сразу залаять, то можно спугнуть воришку. Но его не проведёшь! Не посрамит предков своих Буян, не опозорит. Давно не ловил он непрошенных гостей. Скучна была жизнь в последнее время. Неужели пришёл тот час, когда он сможет доказать своё умение, предназначенное ему, сторожевому псу?

Вот крадётся к ним в дом воришка, но он начеку. Вор потихоньку и Буян потихоньку. Неслышно, припадая носом к самой земле, подкрадывается к нижней части ворот, где небольшая дырка. Через эту дырку он всё видит, что делается за забором.

У Буяна перехватило дыхание от предстоящих бурных событий. Сейчас он схватит вора за штаны и будет держать до тех пор, пока не вернутся хозяева. Косточки вкусные Буян имеет в своём рационе всегда. Но вот любимых конфет отвалят ему с лихвой.

Вот и тень легла на дырку под забором, чья – то наглая рука просунулась в неё и быстро подкатила к нему мячик. Он подумал, что это мальчишки хотят с ним поиграть в мячик. Но Буян играть сейчас ни с кем не намерен. У него другая задача. Он должен охранять имущество, ему доверенное. А вот мячик им не отдаст. Наглая рука из дырки исчезла. Громко немного полаяв и ничего плохого не заметив, Буян решил для начала исследовать мячик. А за воришку можно взяться потом, когда тот нарушит границы владений его хозяев.

Но случилось невероятное. От пойманного мячика зубами, у него потекла сладкая слюна. Буян не сразу сообразил, что у него в пасти конфета. Большая, сладкая – пресладкая и необыкновенно вкусная. Никогда ещё в жизни никто не угощал его такой большой конфетой.

Буян проглотил сладкий поток слюны, предательски пришедшей вместе с этой конфетой. В другое бы время он блаженно прикрывал бы глаза и долго наслаждался от такого счастья. Но сейчас был совсем не тот случай и собака, проглотив очередной прилив слюны, с ужасом почувствовала, что челюсти её слиплись друг с другом и никак не хотят рассоединяться.

В этот момент, раздосадованный пёс увидел вошедшую в их двор человеческого детёныша. Этот двуногий детёныш был невозмутимо нагл, и он это чувствовал. Понял он вдруг, что рука в дырке с мячиком – конфетой это дело рук человеческого детёныша. И Буяна осенила самая несчастная для любой стоящей собаки, мысль – его перехитрили. Подкупили конфетой! В голове у несчастной собаки звучал хор упрёка предков в его адрес. Он положил голову на лапы, попытался завывать. При этом получилось что – то похожее на мычание телёнка. То, что делалось сейчас вокруг него, для Буяна было неважно. В мыслях было одно – как освободиться от сладкого кома в пасти? И он, пересилив унижение, стал остервенело освобождать свою пасть лапами.

Удручённая собака тёрла передними лапами морду, подпрыгивала на месте, трясла голову так, что уши её, словно на верёвке тряпки от сильного ветра, крутились вокруг её головы. Во что бы то ни стало, он пытался освободить свои челюсти. Но, ненавистная теперь ему, конфета, только ещё больше сжимала его клыки. Она уже растеклась по всей пасти тянучей, вязкой сладкой смесью.

Буян от стыда и позора не мог смотреть по сторонам, но чувствовал, что двуногое наглое существо обирает на грядках клубнику. Попытался ещё раз гавкнуть, но уже больше для себя – получится ли что? Нет, не получилось – то же мычание коровы услышал он в своей голове.

Всем своим мохнатым туловищем вздохнул Буян, собрал все свои силы и стал отчаянно прыгать вокруг себя. Всё напрасно. Освободить свои клыки от липучих ирисок ему не удавалось. Но и этот позор был ещё не последним! Человеческий детёныш был коварен своими хитрыми уловками. Проходя мимо него, Буяна, с хозяйскими ягодами, этот двуногий наглец

решил до конца унизить его собачье достоинство – он накинул на него рыбацьи сети. Буян знал эти сети – они всегда были у него перед глазами – висели напротив его будки, на стене дома хозяев. Попадалась ли рыба в эти сети, он не знал, но то, что сейчас он этими сетями пойман, это был очевидный факт.

Буян подпрыгнул пару раз и понял – это конец! Ловушка! Он повержен! Смотря вслед уходящему воришке с клубникой, он всё же решил сказать напоследок своё собачье слово. Рыкнул яростно и тут обнаружил, что челюсти его собачьи легко ему, своему хозяину, послушались.

Почуввав вновь свою силу, Буян угрожающе рванулся вместе с сетью за непрошеным гостем, хотя бы напоследок оттяпать ему пятку. Но пса подстерегала ещё одна неудача – цепь стала такой короткой, что он не смог сделать и двух прыжков. Сторожевой пёс был просто взбешен! Двухногий воришка успел когда – то намотать цепь на кол!

Занявшись яростным лаем, свободной теперь пастью, Буян просто задышался от обиды и злости позора.

Извинившись перед Буяном, Катерина сначала выглянула за калитку, поймала знак сестры, что можно выходить и решительным шагом направилась к школьному двору, где всегда была деревенская детвора, оставив несчастного пса один на один со своим поражением.

Она гордо несла железную баночку с клубникой и была довольна собой. Девчёнка сумела ещё раз доказать себе, что человек может преодолеть свой страх и любое препятствие, если захочет, если всё правильно обдумает. И, хотя сейчас боролась она с чувством того, что это всё – таки воровство, чувство наслаждения победы взяло верх. Да и слово она сдержала – её друзья смогут полакомиться душистой ягодой. Не убудет у Проничкиных. А вот забор у них уж очень высокий!

И не он ли манит к себе своей высотой отгороженности от всех своих сельчан? Хочется ворваться к ним и по – доброму, по хорошему сказать:

– Оглянитесь вокруг, с вами друзья, ваши соседи. Они вас считают одной семьёй, любят и жалеют вас. Зачем забор? Зачем огромные псы и замки на воротах? Это всё при желании можно преодолеть. Не лучше ли преодолеть своё чувство отчуждённости перед земляками? Открыть замки и свои сердца навстречу друг другу. Поделиться тем, что нет у ближнего твоего? И потом вернётся к тебе это радушие дружелюбием твоих соседей, огромной радостью в твоей серой жизни. И вовсе не разносолы ваши нужны людям, а общение с Вами, уверенность в том, что и Вы теперь свой среди своих, что ещё шире стал круг друзей, с которыми можно вместе преодолеть все невзгоды и радости. И не дают покоя все эти высокие заборы мальчишкам и девчонкам, чувствуют их детские чистые сердца, что не нужны они, не должны люди друг от друга отгораживаться. И часто дают это понять своим проникновением за такой вот забор. Ау! Взрослые! Так будет всегда, до тех пор, пока не исчезнут большие и маленькие ограждения вокруг домов. Возможно, тогда исчезнут невидимые враждебные отношения между людьми.

Шагая рядом с Катериной, которая торжественно несла чужие ягоды в банке, Верочка восхищённо смотрела на сестру:

– Катька, мальчишки просто ахнут. Ещё ни один из них не мог преодолеть такой высокий забор, да ещё и не испугаться собаки! Я тобой горжусь, ни у кого нет такой смелой сестры! —

– Нет, Веруня, не такая уж я и смелая. Да и замок на воротах вовсе не был закрыт ключом. Висел просто так, для отвода глаз. Но эту важную информацию я подметила ещё в прошлом году. Ключ видимо потеряли когда – то, да так и вешают замок без ключа. А собаку – то я боялась. Поджилки так тряслись, что думала, не совладаю с собой – убегу. Но я же дала себе слово, что должна всё преодолеть. Так закаливается характер. Себя проверяешь, понимаешь? —

– Понимаю, а кроме этого высоченного забора и огромного кобеля больше ничего нет, чем бы можно было закаливать этот самый характер? – Веруня не понимала, как можно закаливать характер высоким забором и злым псом? Она точно знает, что закаливаться можно водой.

– Почему же нет, можно бы ещё придумать кое – что. Но на сегодняшний момент я выбрала именно забор и именно злую собаку. Давно у всех на этот высоченный забор глаз лежит, жить мешает —

– Это не понимаю.

– Подрастёшь, узнаешь.

Верочка пожалала плечами, положила вкусную ягодку в рот и на всякий случай оглянулась – позади было всё спокойно, только долго ещё был слышен хриплый лай собаки по всей округе, но становился он всё тише и тише.

Чета же Проничкиных обнаружила своего верного пса запутанного в сетях, совершенно поникшего и провинившего. Ольгу Петровну этот рассказ внучки нисколько не успокоил, а ещё больше расстроил. Выслушав Катерину, произнесла:

– Что же с вами дальше будет? Моя дочь оказалась совершенно непутёвой матерью. Это же надо, до какой степени упустить ваше воспитание! Пригодилась бы вам рука отцовская. Ох, как её не хватает! – На школьном дворе слонялись мальчишки. Петька первым увидел сестёр:

– А вот и наши городские! —

Катерина поставила перед ребятами банку с клубникой:

– Вот, угощайтесь. Я обещала, – с этими словами Катерина гордо оглядела удивлённых ребят.

Все они молча уставились на банку с ягодами, в которой было не меньше трёх килограмм. Потом перевели недоумённые взгляды на непредсказуемую городскую девчонку. Возникшее молчание нарушила Веруня: —

– Это с огорода Проничкиных, можете не сомневаться. И не купили мы, а сами нарвали. Катька моя рвало, а я на посту стояла. Да ешьте вы! Зря, что ли моя сестра рисковала? —

В глазах у Петьки и всех ребят стоял немой вопрос:

– Как же собака? Как же амбарный замок на воротах? – но вслух эти вопросы так никто и не задал – все были уверены, что Катерина не обманывает.

Все набросились на клубнику, нахваливая сестёр. И с этого момента уважение деревенских ребят к городским сёстрам усилилось и утвердилось окончательно.

Поставив банку с клубникой перед ребятами, Катя сказала:

– Пойдём, Веруня, сейчас бабушка кинется, а нас нет. Пойдём держать оборону за свои проделки. —

Баба Оля сидела на сундуке, уставившись в одну точку —

– Запущено. Окончательно запущено их воспитание. И как ни крути, а наказать их обязательно нужно, что бы впредь было неповадно. Какое именно применить наказание, Петровна ещё не придумала, но точно знала, что необдуманные фантазии и поступки нужно лечить трудом. Мало Маша их заставляла трудиться. Оно и понятно, что живут в городе со всем благоустройством. Катерина по утрам занималась зарядкой, но сейчас и её забросила —

Оставив незаконченный разговор о том, что хуже воровства может быть только воровство, Ольга Петровна отправила сестёр к сараю – наказание сёстрам не избежать. Гулять теперь бабушка им не разрешит однозначно. На сегодняшний день приставила их к себе в помощники – помогать мазать сарай, заодно, что бы были под её присмотром.

Вечером, уставшие, и перепачканные глиной, Катя и Верочка даже отказались от ужина. Ольга Петровна, на этот раз и не упрасивала их. Молча, поджав губы, семенила по дому, управляясь по своим делам. Было видно, что она очень на сестёр рассержена. А утром вручила девчонкам лопаты со словами:

– Твоя завышенная самооценка, Катерина, может принести тебе и всем нам неприятности. А что бы это не случилось, займи свои руки, пусть ум отдыхает. —

И дала им задание – перекопать весь палисадник, обходя цветы. Перекопать глубоко, как положено. Работы хватит до самого вечера, а на завтра бабушка обещала ещё что –нибудь придумать. Копать землю оказалось делом непростым. Лопата крутилась и выпрыгивала из рук. Особенно у Верочки.

– Давай, Катька, попросим какую –нибудь другую работу. Мы здесь будем копать все каникулы. Сегодня суббота, в клубе танцы, наши все соберутся, а у нас сил не будет до клуба дойти —

– Разбежалась в клуб! Кто тебя отпустит? Ты что, не поняла, что мы теперь наказаны? Просить прощение бессмысленно. Теперь выходит только одно – выжидать время, когда бабушка сменит гнев на милость.

– А когда она сменит? —

– Не знаю, да и она сама не знает. У всех это бывает по – разному. Будем ждать.

Катерина вздохнула и продолжила копать.

– Но ты же герой! Ты победила сторожевого пса и преодолела высокий забор. Мальчишки от твоего поступка в восторге —

– Герой и победитель я для себя, а для бабушки и всех остальных я воришка. И я это очень хорошо понимаю и не отрицаю. И за этот поступок я должна ответить – Верочка, не совсем понимая сестру, сидела на лопате и обдумывала её слова.

В это время в палисадник ввалились Петька с Райской и Пашка. В руках у них были лопаты. Ребята выросли перед глазами девочек как в сказке. Не прошло и часа, как в палисаднике вся земля была вскопана по всем правилам.

Баба Оля не могла придраться к работе, но ворчала:

– Ишь, помощнички, защитнички! Вас – то, кто звал? – всё же долго на ребят сердиться Петровна не могла. Поворчав ещё немного, пошла ставить чайник, угощать помощников. Вон сколько перекопали!

Утром встретилась с Егором. От стыда хотела промелькнуть незаметно к сараю, да тот заметил:

– Погоди, Петровна, я к тебе. Вот, ягоды несу. Хватит их на базар вывозить – он водрузил на крылечко целое ведро отборных, крупных ягод. —

– Пусть детишки поедят. А то на своём Урале витаминов не доедают. Да и сама поешь, ведь у тебя нет в наличии этой ягоды. —

Нет у меня клубники, будь она неладна. Только я не пойму. Сейчас наша задача позаботиться о том, чтобы мои внучата навсегда запомнили, что воровать плохо и безнравственно. А ты, Егор Степанович, портишь урок воспитания этой подачкой.

– Не подачка это, а угощение. Весёлые у тебя девчонки. Как только они приезжают, так сразу в деревне становится светлее и ребята наши деревенские к ним тянутся. К плохому тянуться не будешь. Я вот всю ночь думал, какую надо иметь смелость, что бы рискнуть залезть в мой огород, да ещё собаку так обработать! До сих пор наш Буян из будки не высовывается – стыдно ему. Да и самому стыдно; от кого закрываюсь? Все кругом свои, русские. Во время войны делились куском хлеба. А, да что там говорить! Пойду я. Ведро потом отдашь – Егор махнул рукой, пошёл к дверям.

Ольга Петровна смотрела вслед соседу и думалось ей, как одиноко, наверное, живётся им с женой без детей? И не потому ли стараются от всего мира закрыться они за своим высоким забором? Нет, не понять видно до конца бездетную и безрадостную жизнь Проничкиных.

Ей стало стыдно. Стыдно за себя, за односельчан, что обсуждают иногда за Егора и его жену. Нет, не понимают их в деревне. Может, стоит посмотреть на них с другой стороны? Вот

ведь, незадача! стыдно за внушек, что залезли к ним в огород. Она вздохнула, перекрестилась, прошептала:

– Прости, Господи! – взяла ведро и вошла в дом.

Вечером вся деревенская детвора снова лакомясь на школьном дворе клубникой с огорода Проничкиных. Операция «Клубника» с лёгкой руки Катерины получила масштабный резонанс в деревне Большие Ключи.

Уже этой осенью рассада клубники была внедрена во многих садах и огородах деревеньки по настоянию Проничкина Егора Степановича лично с его приусадебного участка.

Глава 6

Да. Пролетели детские Катины годы.

Пролетели, как и у многих мальчишек и девчонок пролетают. Не вернуть их уже назад. Но мудрая природа подарила нам ценнейшее свойство – память. И мы иногда пользуемся этим благом; прокручиваем, словно ленту из кино наше далёкое или не совсем далёкое прошлое.

Мчится скорый поезд по транссибирской магистрали, несётся вперёд, оставляя позади людские судьбы, расставания, часы, минуты. Летит навстречу новым встречам и новым свершениям, но как хочется остановиться, послушать своё дыхание, вспомнить ещё и ещё раз беззаботные и счастливые дни, в которых ещё молодые мама с отцом и добрая бабушка. Вспомнить лица друзей, с которыми нужно было успеть всё; переговорить все секреты, поиграть в прыгалки и догонялки, сбегать в магазин по просьбе старших и убежать, наконец – то к реке, половить рыбу или искупаться.

Поезд мчался по зимним просторам страны все дальше и дальше от Москвы, унося Катерину от дома, от привычного уюта, от подруг и друзей.

– Мама, милая моя мама! Чтобы проводить свою дочь с внуками приехала из Германии. Тяжело, наверное, тебе после моего отъезда. Хорошо, что с тобой сейчас Верочка. Та не оставит тебя, не помчится сломя голову без твоего согласия в неведомую даль. Почему я другая, не такая как она? Зачем ищу и нахожу себе проблемы и зачем всегда бегу «впереди паровоза»? —

Мама всегда волновалась за неё, и теперь Катерина чувствовала себя виноватой перед своей матерью. Катины воспоминания прервались Лёнькиным криком:

– Мама, какая – то станция, я с тётей Тамарой постою у вагона —

Лёнька, набрасывая на плечи курточку, уже бежал к выходу. Катерина даже не заметила, что поезд стоит. Решила тоже размять косточки, выйти на перрон.

Быстро одела Танюшку, что бы и она подышала свежим воздухом, оделась сама и потопилась на улице. За десять минут стоянки поезда, Катерина стала замерзать. Мороз на улице не маленький.

Через несколько минут вместе со своими детьми Катя пила горячий чай в купе, а Леонид то и дело бегал за кипятком, что бы как следует согреть маму, себя и сестрёнку.

Хорошо в купе – тепло, уютно, словно в маленьком гнёздышке.

Таточка и Лёня сладко сопят под стук вагонных колёс. Лёнька снова сбросил с себя одело. Снова висит оно, свешиваясь вниз.

Заботливо укрыв сына, Катерина поёжилась, вспомнила вдруг давний случай с Петькой – парнишкой из Пашиной деревни.

После того, как Катерина показала деревенским ребятам своё бесстрашие в проникновение за огромный забор Проничкиных, сам рыжий Петька был сражён наповал её смелостью.

Драчун и забияка, державший всю ребятню в страхе, он первым протянул городской девчонке свою руку и при всех, не боясь быть оскорблённым и униженным, произнёс:

– Ты меня покорила своей смелостью, теперь даже я готов прислушиваться к твоим советам и предложениям. Ты только что положила меня на «лопатки» —

Все ребята хлопали, соглашаясь с Петькиным выступлением. Он смотрел Катерине в глаза, и она заметила в рыжем его взоре искренность и некую грусть. Стоявший рядом с Раиской Павел решил эту общую дружбу скрепить общим делом. Он что – то прошептал своей подружке на ухо, и та кивнула в знак согласия. Пашка вышел на середину круга и объявил, что завтра они все будут испытывать плот, который он с Раиской втайне от всех строили в камышах, в протоке Валуйки.

Удивлению ребят не было конца. Вот это новость! Когда они успели? А самое главное сумели всё сохранить в тайне.

– Не хватает только длинных шестов, а так всё готово – проинформировал радостный и взволнованный Пашка.

На берегу Валуйки собралась куча ребят. Все хотели покататься на плоту.

Петька для такого случая снова надел свою тельняшку. Ему доверили составить список по два человека на плот. Первыми на плоту покатали малышей. Туда – сюда вдоль берега. Они просили ещё, но очередь была большая – все хотели поскорее попасть на плот, и поэтому решили ввести регламент на время.

Пашкин и Раискин плотик зазывал в путешествия и манил на свои подмости. Павел срубил два длинных шеста с куста ракиты, и флотилия была готова уже даже в настоящее плавание. Но ребята катались вдоль берега, всем было весело и интересно даже у самого берега.

Кататься на плоту пришла очередь Петьке и Павлу. Павел отбуксировал плот шестом от берега подальше. Раиска крикнула с берега, напомнила, что они пересекли границу дозволенного плавания, но Петька ответил, что они не маленькие и бояться свою речку им стыдно. Павел был с Петькой согласен и, не смотря на Раискины угрозы, мальчишки смело направили плот на середину реки. Стоя на плоту, широко расставив ноги, отчаянные путешественники уверенно отталкивали шестами плот. Петька, словно капитан на мостике, командовал:

– Право руля, лево руля. Этот корабль нужно испытать на всю катушку —

– Конечно! – громко согласился с ним Пашка, работая шестом, впервые не обращая внимания на просьбы Раиски – вернуться к берегу.

Он кричал радостно:

– Человек – он сильнее всякой стихии. Подумаешь, речка. Нам бы сейчас до середины дотолкать плот, а там течение подхватит его, и поплывём мы с тобой, Пашка, на этом корабле в открытое море, как в заправдешнее путешествие. Только нужно представить море и всё случится. —

Пашка посмотрел рыжему Петьке в глаза, понял, что лёд между ними окончательно растаял. Он согласился и приказал:

– Тогда вперёд навстречу ветру! – мальчишки направляли плотик к середине реки.

Риска этого боялась – знала, что с их речкой не шути. Эта река только и ждёт смельчаков, что бы поиграть с ними. В это время речка уже начала игру с мальчишками – подхватила их плотик и прибавила его ход по своему руслу. Раиска бежала по берегу, следом за ней бежала уже и Катерина.

Но река понесла плот ещё быстрее. Раиска бежала уже так быстро, что пятки сверкали, но речка, резвясь, бежала ещё быстрее. Девочка пыталась успеть туда, за поворот, где начинаются валуны. Если что, она сможет здесь быть полезной мальчишкам.

Она бежала и шептала про себя:

– Только бы успеть! – она знала, что это место паршивое, зря ребята это затеяли – пустить плот на середину Валуйки.

Но дело сделано. Плот стремительно приближался к этому опасному повороту. Что Раиска предпримет – она ещё не знает. Но знает точно, что сделает всё, что бы спасти своего друга Пашку и рыжего Петьку. Этот так недавно «Яблочко» танцевал, нельзя ему погибнуть.

Катерина уже догнала Раиску и обе девчонки бежали след в след, не выпуская из глаз плот.

Незадачливые путешественники присев на четвереньки, уже держались друг за друга, растеряв по дороге шесты. Даже с берега было видно, что ребята испугались. Лишь только они успели дотолкать плот до середины, как река подхватила их корабль, словно щепку, и теперь увлекала вдаль за собой.

Ребята видели, как бежали девчонки по берегу и что – то кричали.

Пашка знал, что если плот доплывёт до валунов и зацепиться там, то от валуна к валуну можно поползти до берега, тем самым спастись. Но если плот пролетит дальше за валуны, один Бог знает, что потом может случиться, там река бежит куда – то так же стремительно и если плот развалится, то им несдобровать. Взрослые, и те боялись этой речки, особенно этой извилистой излучины с валунами. Мальчишки надеялись, что с ними ничего не случиться, затормозят они у валунов, а там доберутся и до берега. Пашкин плот пока не рассыпался, крепко они с Раиской его обвязали, не подведёт он их в плавании на реке.

Мы в своей жизни почему – то всегда думаем, что плохое случается с другими, но только не с нами. Такие обманчивые мысли ведут за собой ряд ошибок, которые приводят затем к неприятностям, а зачастую и к бедам.

Вот и сейчас, ребята надеялись, что всё обойдётся, хотя знали, что с опасной их речкой шутки плохи. Их хитрая река, обласкивающая своими водами у берегов, была буйной и безжалостной на своей середине. Да только кто же верит в самое худшее? Нужно самому всё испытать, попробовать, убедиться, что всё получилось так, как и хотелось.

Ребята напряглись – вот он, злополучный поворот. Они уже видели валуны, которые могли для них стать либо спасением, либо гибелью. Шесты потеряны в пути, плот нёсся как парусник на сильном ветру. Захватывало от страха дух. Толчок – и Пашка первый полетел в воду. Он хотел схватиться за валун, но не тут – то было. Речка и здесь хитро расставила свои сети для смельчаков – валуны были намазаны словно жиром – такими скользкими они были. Так вот почему здесь никто не мог выкарабкаться на берег. Валуны скользкие. Скользили руки и ноги, а упругий поток воды безжалостно гнал свою жертву дальше, сбивая с ног, Пашка захлёбывался. Да ещё коленкой об валуны так стукнулся, что нога ничего теперь не чувствовала. Мелькнула мысль:

– Где Петька?

Тонкие брёвнышки Пашкиного плота развалились и разбрелись по реке, уплывая поодиночке вдаль. У Пашки закружилась голова, ему стало плохо. То ли от испуга, то ли от боли в ноге, а может и головой саданулся об камни – он уже не знает. Перед глазами всё мелькало, берег был недалеко, но Пашка понимал, просто так до него не добраться.

Он пытался сделать хоть один шаг в сторону берега, но каждый раз это было шагом назад. Река не отпускала своего пленника. Пашка видел на берегу Раиску с городской девчонкой. Они что – то кричали ему, махали руками, но шум реки всё заглушал. Он оглянулся – Петьки нигде не было видно. Пашка испугался за друга, которого он недавно приобрёл и с ещё большей яростью стал бороться с рекой.

– Не возмёшь! Не угадала! Куда дела Петьку, противная река? – он делал разные попытки, что – бы хоть как – то продвинуться к берегу, но всё было напрасно. Скользил и падал, хлебал воду, отплёвывался и вдруг сообразил: нужно встать с обратной стороны реки за валунами и, смывая с них скользкий верхний слой, переходить от валуна к валуну. Так Пашка и сделал. Пройдя немного, он останавливался, так как идти было трудно; сильное течение мешало передвижению ног.

Девчонки на берегу тоже время зря не теряли – приволокли, откуда – то длинную берёзку и перекинули её с берега на речку. Пашка старался изо всех сил дотянуться до верхушки этой берёзы...

Вместе с девчонками на берегу стояли уже все ребята. Они кричали Пашке, поддерживали его своим присутствием и давали понять, что если он не выплывет, не справится с коварной рекой и погибнет, то он, Пашка больше им не друг. Бросив быстрый взгляд на берег, он заметил, что и городская девчонка старается ему помочь – сидит вместе с Раиской на берёзе, не давая той ускользнуть в сторону. Нет, перед Катериной стыдно будет, если у него не получится выбраться на берег.

Пашка набрал полную грудь воздуха, мысленно послал силу в ноги, которые уже не хотели его слушать, и случилось чудо – твёрдой поступью ног и силой рук, держась за камни, он в пять шагов очутился возле макушки берёзы. Ухватился за неё, как утопающий за соломинку и теперь боялся отпустить. Ребята завизжали:

– Ура! – Они все бросились в воду, подавая Пашке свои руки.

На берегу его уложили на песок так бережно и осторожно, словно драгоценный хрусталь, который можно было разбить. У Павла и на самом деле всё его тело было побито. Болела спина, в голове гудело, ног и рук своих он не чувствовал.

Весь бледный лежал Пашка на берегу реки, словно беспомощный котёнок, которого пытались потопить. Раиска, не стесняясь, ревела и размазывала слёзы. Её сердце не вынесло бы потерю друга.

Катерина, как и другие ребята, стояли, молча и в упор, с испугом смотрели на Пашку – выживет ли? Убедившись, что он постепенно приходит в себя, оставили возле него Верочку, а сами помчались вдоль реки выискивать Петьку. Каждый из ребят очень надеялся на то, что их рыжий друг жив.

Бегая вместе со всеми ребятами по берегу реки в поисках ещё одного мореплавателя, Катя до сих пор помнит то жуткое состояние.

Помнит оглушительный крик Павла, который, придя в себя, и осмыслив происшедшее, завопил на весь берег:

– Петька – а – а...

Прошли годы, но этот случай Катерина и Павел вспоминали не раз.

Каждый год совместной жизни в июле месяце зажигали они свечку в память о деревенском друге – рыжем парнишке, ярким, словно солнышко и так рано и нелепо ушедшему.

Павел, вспоминая тот день, всегда ругал себя. И как бы Катерина не успокаивала его, Пашка был верен своим убеждениям.

Никогда ему не забыть те чувства, которые испытывал он в тот неблагополучный день.

Выиграв поединок с рекой, он проиграл своей совести. Стыдно. Стыдно будет жить, если Петька не найдётся. Стыдно смотреть друзьям в глаза и особенно Петькиной матери и его бабушке. Пашка себя ненавидел. Сейчас, когда он спасся, бился за свою жизнь всеми правдами и неправдами, вдруг поймал себя на мысли:

– Зачем? Зачем ему теперь эта жизнь, если Петьку не найдут? Это он строил плот, самому бы и погибнуть. Это он, Пашка, собрал ребят кататься на своём плоту. Как жить дальше, если не найдётся его друг? – больше всего на свете Пашка сейчас хотел увидеть Петьку рядом, посмотреть в его рыжие глаза, улыбнуться ему и сказать, что он самый лучший. А может всё обойдётся? Жив их друг, только выполз на берег подальше, чем он, вон как речка несётся! Ребята ищут его, они найдут Петьку. Обязательно найдут. Вцепился, наверное, в брёвнышко и ждёт причала. Петька цепкий, просто так не сдастся. Ребята шли цепочкой вдоль берега, осматривая каждый куст на пути. Заглядывали в камыши. Не может быть. Кто – то бы и мог пропасть, но только не их Петька! Не мог внук учительницы исчезнуть. Не имел никакого на это права!

Где ты, Петька, отзовись! Тебе в прятки играть, а друзьям твоим хлопоты и волнения. Никогда ребята не собирались вот так, все вместе. Сплотил их концерт в день рождения твоей бабушки. Сплотила потасовка в честь знакомства новенькой. Как любовались все тобой, когда ты танцевал «Яблочко» и как идёт тебе, Петька, морская форма! Давай, уже, присоединяйся к своим друзьям. Не могут они вернуться с речки без тебя домой. С каждым шагом у ребят таяла надежда и становилось страшно. Они ушли уже довольно далеко от того места, где развалился плот, но Петьку нигде так и не увидели. Вернулись, где оставили Павла с Верочкой. Пашка уже сидел. Порванной майкой перевязывал окровавленные колени. Верочка, увидев возвращающихся, понурых ребят, затараторила:

– А он, Пашка, не лежал, не слушался меня, а ползал и кричал:

– Петька, Петька! —

Ходить Павел не мог, каждое движение отзывалось болью в коленях. Он так ждал их возвращения и тихо, с надеждой в голосе спросил:

– Вы нашли его? – спросил и, не дождавшись ответа, понял – они вернулись без него.

Пашка потерял сознание. Взяв себя в руки, пересилив нахлынувший страх, Раиска приказала тащить его ближе к тому месту, откуда начинали они сегодня испытание плота – будь он неладен!

А минутами позже, толпа взрослых уже металась по берегу реки Валуйки, и долго ещё раздавался над её водами душераздирающие крики Петькиной матери и старой учительницы – Петькиной бабушки.

Евдокия – Пашкина мать не выпускала из своих объятий сына и почти на руках утащила его с берега реки, вспоминая самые ласковые и нежные слова для него. Она почувствовала страх потери, и этот страх был совсем рядом с ней, дышал на неё и хоть прошёл мимо, но до сих пор не покидал напуганную Евдокию. Она благодарила Всевышнего и умоляла сына больше никогда не делать такие беспечные заплывы по их коварной речке. Пашку лихорадило, он стучал зубами, всё время твердил:

– Мам, Петьки нигде нет, надо бы назад, к реке, он где – то там —

– Найдём, обязательно найдём его. Я чувствую, что Петя жив. Унесло парня водой, да он, наверняка успел схватиться за обломок плота. Знаешь, сынок, человек так устроен, что бы спасать себя. А Петя шустрый, он спасётся, ты не волнуйся. – Евдокия гладила сына по голове, обещала, что всё обойдётся. Как хорошо успокаивала Пашкина мать сына, но какими словами утешить Петькину мать?

Фёдор, отец Петькин, молча метался по берегу, ничего не соображая. Кто – то не к месту ляпнул со злом в голосе: —

– Допился, Всё ему недосуг было за парнишкой следить, вот Господь и забрал его к себе. —

– Нельзя так, он сейчас сам не свой, да и вообще последнее время не пьёт. Делом занят в клубе. Вот только если не найдут его сынишку, не сможет больше Фёдор на своей гармошке играть.

Петьку не нашли. Мужики в лодках с баграми и шестами весь берег реки прочесали, ничего не обнаружили.

На следующий день с района приехали спасатели, всю реку исследовали, да всё напрасно. Петька всегда мечтал стать моряком, а потом и капитаном, даже тельняшку носил. Все ребята знали о Петькиной мечте, да мало кому в это верилось.

Его родителям было не до него. Поважнее у них были дела – ссориться, да разбираться друг с другом. И учить своего сына им бы было недосуг. Вот Петька и уплыл от них, унося свою мечту с собой.

Ребятам после этого случая строго – настрого запретили ходить даже вдоль реки, опасаясь беды.

Баба Оля читала очередную лекцию и своим внучатам —

– Я нисколько бы не удивилась, Катерина, что ты могла бы быть в числе потерпевших. Я даже немного удивлена, что это не ты, а Петя уплыл. Когда я бежала к речке, у меня ноги так подкашивались, что только один Господь знает, как я крепилась, что – бы до реки добежать и увидеть тебя с Верочкой живыми. Это сколько нужно терпения и здоровья, что – бы всё это выдержать! Вы всегда у меня в гуще всех событий! Да что же это такое! Такие хлопоты родителям доставляете. Нет, ваша мать была совершенно другой. Тихой и покладистой росла. Никаких от неё подобных сюрпризов не видывала. В кого вы такие хлопотные уродились? Теперь до самого отъезда со двора ни ногой! Меня Господь пожалел на этот раз, больше искушать

судьбу я вам не позволю. – после своих высказываний она, для пущей важности и от греха подальше, загнала девчонок на печку, а сама пошла молиться за спасение мальчишки. Ольга Петровна опустилась перед иконами на колени, что – то шептала, кланялась и горячо просила в своей молитве вернуть мальчика родителям. Может и грешники они, но после такого случая они обязательно изменятся в лучшую сторону. Оглянутся на сына и поймут, что дороже, чем их Петька, ничего нет на свете. Ради него и его младшей сестрёнки только и стоило им жить.

Перекрестившись и встав с колен, баба Оля облегчённо произнесла: —

– Ну вот, может теперь и обойдётся

– Ба, ты думаешь, поможет?

– Верить надо, Веруня. Вера – это большая сила! Лишь бы Господь услышал мою молитву, а там уж он решит.

– Он обязательно решит, что Петьку надо спасти и вернуть нам. Как же мы все будем без рыжего друга?

– Вот, вот; – подхватила баба Оля.

– Вы без сомнения в душе надеетесь и он спасётся. Когда человек знает, что его любят и ждут, он обязательно почувствует и отовсюду выкарабкается —

Потом три дня над деревней кружил вертолёт, сам лётчик, который приехал на день рождение к Петькиной бабушке, сидел за штурвалом – не доверил никому поиски мальчика. Кружил долго, пролетая вдоль реки по несколько раз, да так и не обнаружили пропавшего...

Ни мёртвого, ни живого Петьку не нашли.

На следующий день лётчик должен быть уезжать, но ещё один случай заставил его задержаться на пару дней. Умерла старая учительница – Петькина бабушка. Умерла с Петькиной фотографией в руках от невыносимого горя.

Провожали её всей деревней, а у её изголовья, на могилке лётчик поставил кувшин с её любимым растением, который он привёз ей с севера. В кувшине стояли веточки багульника.

Попрощавшись с учительницей, все стали расходиться, что – бы дать время побыть наедине с матерью её сыну.

Фёдор смотрел на свежий холмик и сразу всплыло его детство.

Мать воспитывала Федю одна. Муж её погиб во время войны и снова выйти замуж она не решилась, боясь, что его сынишку может обидеть отчим. Всю свою жизнь мать посвятила сыну. Учила уму – разуму, как впрочем, и всех своих учеников.

Фёдору сейчас стало стыдно. Стыдно так, что он оглянулся – никто его не видит? Да кому он нужен, кроме родной матери! Вот только теперь её нет.

Почему жизнь такая жестокая? Почему не даёт умных мыслей тогда, когда это бывает ко времени, а не тогда, как, например, сейчас. Что толку в том, что Фёдор переосмыслил именно сейчас всю свою жизнь? Сколько доставлял он своей матери хлопот и неприятных минут? Сколько раз она за него краснела, испытывая в своём добром сердце чувства вины за него, своего Федю.

– Прости меня, мама. Тебе не пришлось гордиться своим сыном на земле, но я тебе обещаю, что краснеть за меня на небесах тебе не придётся. Одно меня угнетает – почему, вместо меня наказан мой сын? Почему тебе бы ещё не жить на этой земле и дарить радость людям, как ты умела это делать? Почему не я загнан под холм, где находишься ты? Хуже, чем эти минуты, какие я сейчас переживаю, у меня не было. Я наказан. Наказан, и готов принять это наказание смиренно. Ради тебя, мамочка, ради твоей достойной памяти у сельчан я тебя не подведу.

Фёдор плакал. Сквозь слёзы повторял:

– Я даже не достоин этих слёз, не достоин, но не могу их остановить. Прощай, мама. Вот и пришло то время, когда твои руки больше никогда не прижмут сына к своей груди. Светлое и святое слово «мама» я уже никогда не произнесу. —

У Фёдора лились, не останавливаясь, слёзы, защемило сердце. Должно быть, точно так же щемило сердце у его матери от непутёвой жизни сына.

По коже пробежали мурашки.

Он выпрямился – нечего теперь стоять и хлюпать носом. Жить, надо начинать по – другому жить. Жить так, что – бы радовались за него люди, и не стыдно было перед ними. А за Петьку он будет молиться. За живого ли, за мёртвого, но будет просить у Всевышнего милости к своему сынишке.

Фёдор посмотрел на букет багульника:

– Надо же! Чужой человек с дальнего севера вёз эти веточки. Вёз для его матери, а он, родной сын, только сейчас узнал, что его мама любила сиреневые цветочки багульника. И Фёдор пообещал —

– Я обязательно посажу, мама, на твоей могиле это растение, главное, что – бы оно при-
нялось.

Он смотрел, не отрываясь на зелёные листочки стойкого багульника и, нежно прикос-
нувшись к одной из веточек, сорвал один листочек.

Растёр пальцами и глубоко вдохнул терпкий его запах.

Лёгкое дуновение ветерка коснулось его щеки. Он замер и по какому – то непонятному объяснению, Фёдор понял, что это мама, его мама прикоснулась к сыну, оставляя навсегда его на этой земле.

Фёдор стоял у холмика родного человека, совершенно не понимая, как дальше жить, но как бы горько это не было, вопреки всему, нужно эту жизнь продолжать...

Катерину с Верочкой провожали всей деревенской ребячьей толпой. Баба Оля, уклады-
вая авоськи с продуктами в телегу, просила Егора Степановича не сильно трясти в дороге её любимых внушек. Проничкин сам изъявил желание отвезти внучат Петровны до трассы. Сам лично передал девочкам баночку с клубничным вареньем. Ольга Петровна попроща-
лась с Машей, которая приехала за дочками, попрощалась с каждой из внушек, перекрестила их и подвода отправилась к автобусной остановке, которая находилась в трёх километрах от деревни. Толпа мальчишек и девчонок махала вслед руками, просила не забывать. Катя с Веруней обещали каждое лето приезжать в деревню и махали своим деревенским друзьям до тех пор, пока те не исчезли на горизонте. Но происходит в жизни порой не так, как мы думаем и хотим.

Следующие летние каникулы, а потом и зимние, Катерина с Верочкой теперь проводили в Германии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.